

2ая Часть
Время Павла
и его смерть.
Русская Быль

ВРЕМЯ ПАВЛА И ЕГО СМЕРТЬ.

Часть вторая.

Записки князя

Адама Чарторыйскаго.

Съ 6-ю портретами.

Московское Книгоиздательное Товарищество
ОБРАЗОВАНIЕ.

МОСКВА—1908.

Типо-лит. „**РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА** печатн. и издательскаго дѣла".

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

Телефоны: 18.35 и 53.95.

Извѣщеніе.

Симъ извѣщаемъ нашихъ подписчиковъ и читателей, что нами образовано **Книгоиздательское Товарищество** для продолженія и **расширенія** нашего дѣла. Изданіе **Русская Быль** съ 1-го мая 1908 года перешло уже Товариществу, а съ 15-го августа Товариществомъ объявлена подписка на **вторую** серію Русской Были въ количествѣ 16-ти выпусковъ для новыхъ подписчиковъ. Для старыхъ же нашихъ читателей подписка на **вторую** серію будетъ объявлена въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по полученіи ими всѣхъ 12-ти книгъ, для нихъ во второй серіи будетъ **десять** новыхъ выпусковъ по исторіи Россіи. Во главѣ редакціи изданій остается прежній редакторъ, Г. В. Балицкій; внѣшность же изданія сильно измѣнена, какъ въ смыслѣ улучшенія бумаги, такъ рисунковъ и печати. Изданіе будетъ печататься на спеціально для насъ заказанной лучшей бумаги „верже" цвѣта слоновой кости. Портреты будутъ воспроизводиться съ оригиналовъ, а не копій, при томъ извѣстныхъ мастеровъ и рѣдкихъ экземпляровъ. Рисунки заказаны въ лучшей художественной фототипіи А. К. Фишеръ. Кромѣ того изданіе будетъ украшено большимъ числомъ художественныхъ заставокъ и концовокъ. Форматъ изданія увеличенъ до размѣра подобныхъ заграничныхъ изданій.

дворовъ въ Лифляндіи всѣ жулики. Я видѣлъ, какъ росла враждебность моихъ обоихъ гувернеровъ во время этого остатка нашего путешествія.

М-r Требра смотрѣлъ неодобрительно на знаки привязанности, оказываемые мнѣ дочерьми Дибича. Въ Тормѣ, гдѣ мы остановились на ночь, я получилъ еще письмо отъ Императора, очень ласковое, который поздравлялъ меня съ пріѣздомъ. Я передалъ мой отвѣтъ барону Дризену, гвардейскому офицеру, который былъ проѣздомъ въ С.-Петербургѣ.

Въ Нарвѣ мы были встрѣчены генераломъ (кажется, Малиновскимъ) стариннымъ товарищемъ г. Дибича и шефомъ полка съ красными воротниками.

Намъ показали красивые пороги вблизи города. Въ послѣдній разъ въ этомъ путешествіи мы переночевали въ Ямбургѣ, гдѣ, помню, m-lles Дибичъ тщетно помогали мнѣ въ моихъ усиліяхъ приготовить лимонное мороженое, пока m-r Требра рѣзко не прогналъ меня съ мѣста изготовленія.

Изъ Ямбурга мы выѣхали 6-го февраля н. с. очень рано и прибыли въ Стрѣльну на склонѣ дня, смѣнивъ нѣсколько разъ лошадей на русскихъ почтовыхъ станціяхъ. Немного спустя мы проѣзжали освѣщенныя улицы С.-Петербурга и, миновавъ длинный Невскій мостъ, достигли мѣста нашего назначенія, т.-е перваго кадетскаго корпуса, главный фасадъ котораго тянулся во всю половину длинной улицы Васильевскаго Острова, и крыло котораго возвышалось широкой стѣной надъ Невой. Насъ ожидали у дверей главнаго подъѣзда, ярко освѣщеннаго множествомъ свѣчей, принесенныхъ дворцовой прислугой, предшествуемой отрядомъ офицеровъ въ богато вышитыхъ мундирахъ, которые представились въ низу лѣстницы. Потомъ насъ проводили до моихъ аппартаментовъ, роскошно меблированныхъ и изъ которыхъ въ первомъ виднѣлся столъ съ тремя кувертами.

Тотчасъ послѣ князя Платона-Зубова явился ко мнѣ съ привѣтствіемъ главный начальникъ кадетскаго корпуса и изъяснился, что пришелъ просить моихъ приказаній. Требовалось время, чтобы понять, наконецъ, что это говорилось согласно этикету, чѣмъ тотъ и воспользовался, но скоро я оріентировался, — и разговоръ сдѣлался оживленнымъ и дружественнымъ. Генералъ Дибичъ по отъѣздѣ князя разразился проклятіями, а m-r Тре-

бра чувствовалъ себя очень огорченнымъ этикетомъ, по которому онъ, въ виду своего капитанскаго чина былъ удаленъ въ пріемную во время присутствія генералъ-аншефа. Потомъ онъ вошелъ съ М. Клингеромъ 2-мъ командиромъ кадетскаго корпуса, которому Дибичъ, имѣвшій только 3-ій чинъ, уступилъ мѣсто, удалившись къ себѣ.

Вскорѣ послѣ этого я былъ уже въ своей кровати.

На слѣдующій день меня разбудили рано утромъ, чтобы передать въ распоряженіе парикмахера, который напудрилъ мнѣ голову; потомъ меня преобразили въ драгуна Псковскаго полка (зеленый мундиръ съ красными лоцканами и обшлагами, шитыми золотомъ, эксельбантъ, жилетъ, желтые рейтузы, высокіе сапоги и шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ).

Едва я успѣлъ одѣться, какъ доложили о пріѣздѣ одного изъ первыхъ придворныхъ офицеровъ, фаворита Императора, графа Кутайсова, который, одѣтый въ костюмъ мальтійскаго ордена (т.-е. въ красномъ мундирѣ), явился сказать мнѣ, что Его Императорское Величество ждетъ меня.

Вскорѣ послѣ этого я сѣлъ въ дворцовый экипажъ, вполнѣ готовый, ожидавшій насъ съ Дибичемъ у подъѣзда.

Намъ надо было проѣзжать мостъ и Исаакіевскую соборную площадь, гдѣ рядомъ съ адмиралтействомъ находился памятникъ Петра Великаго; потомъ вдоль главнаго фасада Зимняго дворца, Морской улицей, Марсовымъ полемъ, возлѣ лѣтняго сада и наконецъ, проѣхавъ его, мы остановились передъ Михайловскимъ дворцомъ, резиденціей Императора Павла. Это зданіе, сооруженное Императоромъ со времени его восшествія на престолъ, было окружено каналомъ и вдоль его подъѣзжихъ дорогъ тянулись длинные экзерсисхаузы. Дворецъ былъ выкрашенъ въ красную краску на голландскій образецъ и имѣлъ остроконечную башню съ золоченой крышей. Статуя Петра Великаго представляла плохое повтореніе въ миніатюрѣ прекраснаго памятника, который Екатерина II воздвигнула на Исаакіевской площади. Миновавъ эту группу, достигли дворцоваго подъѣзда, гдѣ рядъ колоннъ раздѣлялъ двѣ террасы, изъ которыхъ лѣвая примыкала къ салону.

Тамъ находилась гауптвахта, черезъ которую надо было проходить, чтобы достичь аппартаментовъ, занимаемыхъ Императорской фамиліей.

Когда мы прошли нѣсколько залъ и коридоровъ, обѣ половинки дверей распахнулись и мы очутились передъ Императоромъ.

Онъ имѣлъ 47 лѣтъ; былъ одѣтъ въ голубовато-зеленый мундиръ съ красными отворотами и такимъ же воротникомъ безъ всякихъ украшеній, кромѣ простого золотого эксельбанта; помнится, что на ногахъ у него были бѣлые рейтузы и высокіе сапоги изъ тонкой кожи. Его костюмъ былъ не новѣйшаго образца и очень скроменъ; шпага, казалось, выходила изъ кармана. Его прическа соотвѣтствовала остальному костюму и была крайне небрежна, даже съ довольно короткой косой.

Худая безцвѣтная физіономія украшалась маленькимъ курносымъ носомъ a la kalmouk, и бросалась въ глаза своей чрезмѣрной дурнотой; но, несмотря на это, взглядъ его не былъ такимъ злымъ, какимъ я себѣ представлялъ послѣ всего того, что слышалъ про деспотическіе поступки этого государя и съ которыми познакомился, несмотря на всѣ старанія моихъ гувернеровъ скрыть отъ меня всѣ послѣдствія народнаго голоса.

Я намѣревался преклонить колѣно согласно предписанному этикету, но мои грубые сапоги представляли къ этому большое затрудненіе [1]). И послѣ того, какъ я попытался повергнуться ницъ по-восточному, Императоръ удержалъ меня съ благосклоннымъ видомъ и посадилъ на стулъ. Сѣвъ потомъ самъ, онъ сдѣлалъ знакъ ген. Дибичу тоже сѣсть. Во всѣхъ его поступкахъ я не примѣтилъ экзальтированнаго жеста, хотя съ увѣренностью расчитывалъ на это; тѣмъ не менѣе его вопросы показались мнѣ весьма оригинальными: онъ спросилъ меня, что я видѣлъ во снѣ, сколько мнѣ лѣтъ и зналъ ли я уже свѣтъ. Мои отвѣты были смѣлы и быстры, какъ посовѣтовалъ мнѣ ген. Дибичъ, и, казалось, понравились Государю, который внезапно всталъ и вернулся скоро съ Императрицей, моей теткой.

Она была 42 лѣтъ, хорошо сохранившаяся, высокая, полная, но съ тонкой таліей; ея физіономія напоминала черты Вюртембергскаго дома. Сперва я нашелъ ее очень внушительной.

[1]) Они, конечно, были сдѣланы не для принца. Второпяхъ ихъ взяли уже готовыми и, хотя немного урѣзали, но все же въ сгибахъ они оставались высокими.

Она сказала своему супругу, что я высокъ, дороденъ и имѣю видъ очень упитаннаго. Императоръ прибавилъ, что я красивый мальчикъ, и Императрица подтвердила это кивкомъ головы.

Чувствительный къ такому комплименту, я началъ разговоръ на французскомъ языкѣ, увѣряя даже, что едва владѣю русскимъ. Императоръ показался мнѣ довольнымъ этимъ и хвалилъ мое умѣніе держать себя, пока слово Кантъ не сорвалось у меня съ языка—что моментально измѣнило расположеніе духа Его Величества [1]).

M-r Требра былъ большой поклонникъ этой философіи и весьма часто бесѣдовалъ со мной объ этомъ предметѣ; такъ что его идеи, воскресая въ моей памяти, давали мнѣ тему для разговора, что я продѣлывалъ довольно часто, не замѣчая заимствованія.

То же самое, происшедшее въ эту минуту, могло бы навлечь на меня немилость моего новаго начальника, который ненавидѣлъ всѣ философіи—если бы я, къ счастью, не придалъ приведенному тексту изъ Канта такой смѣшной оборотъ, что заставилъ засмѣяться Его Величество.

Потомъ Императоръ сдѣлалъ знакъ ген. Дибичу слѣдовать за нимъ и, выходя, сказалъ Императрицѣ: «Знаете, этотъ шалунишка завладѣлъ мной!»

Послѣ этого моя тетка осыпала меня материнскими ласками и позволила удалиться, давъ мнѣ предварительно нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и наставленій относительно моего поведенія.

Императоръ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Какъ я уже сказалъ, онъ мнѣ показался совсѣмъ не помѣшаннымъ, какимъ я думалъ его найти, но, напротивъ, существомъ самымъ страннымъ, какое когда-либо я встрѣчалъ въ своей жизни, и видъ котораго заставилъ меня предположить, что ропотъ народа справедливъ.

На возвратномъ пути изъ дворца ген. Дибичъ разсказывалъ мнѣ о своей бесѣдѣ съ Императоромъ и казался совершенно въ восторгѣ отъ проявленій царской благосклонности. Едва мы успѣли вернуться домой, какъ дворцовый пажъ Его Величества

---

[1]) Генералъ Дибичъ сдѣлалъ при этомъ сердитую мину и сказалъ какъ бы про себя: „проклятые философы“.

вручилъ мнѣ отъ имени Императора орденъ Мальтійскаго командира. (На пажѣ былъ красный мундиръ съ золотыми эксельбантами).

Послѣ этого я получилъ визитъ отъ высокопоставленныхъ придворныхъ лицъ, которыя однако уступили одну минуту генералъ-губернатору, графу Палену. По его отъѣздѣ сутолока, производимая пріѣзжающими и отъѣзжающими, продолжалась цѣлый день, и я только вечеромъ вздохнулъ свободно, когда генералъ повезъ меня къ себѣ въ домъ. Я встрѣтилъ тамъ цѣлое собраніе его знакомыхъ, между которыми находился молодой человѣкъ, котораго я уже видѣлъ въ Нарвѣ, Гирсъ — нашъ компаньонъ по путешествію, и нѣсколько молодыхъ дѣвицъ, подругъ барышенъ Дибичъ.

Забавлялись маленькими играми, и общество развеселилось. Скоро я почувствовалъ себя совершенно какъ дома, братомъ и товарищемъ всего этого чужого общества.

М-г Требра пробовалъ нѣсколько разъ звать меня домой. но генералъ удержалъ до самаго отхода ко сну.

Нѣсколько вечеровъ прошло такъ, самымъ пріятнымъ образомъ, тогда какъ дни были посвящены визитамъ и обязанностямъ, которые предписывалъ мнѣ придворный этикетъ. Большинство гостей получило только мои карточки, и мало было лицъ, которые дѣйствительно желали меня принять. Между послѣдними я назову, во-первыхъ, гр. Палена, у котораго я видѣлъ сына—Петра, молодого человѣка, сильно заинтересовавшаго меня собой, и, во-вторыхъ, одного стараго князя. Тамъ я познакомился съ очень красивой особой, которую называли его дочерью и про которую утверждали, что ей покровительствовалъ Его Величество.

Великій князь Александръ, наслѣдникъ короны, князь самый красивый и самый любезный, какого только можно себѣ представить, встрѣтилъ меня въ кругу многочисленнаго общества, не позволившаго ему посвятить мнѣ особенное вниманіе. Его пріемъ былъ очень благосклоненъ, но немного холоденъ.

Я видѣлъ здѣсь князя Багратіона, отличившагося генерала, маленькаго роста съ удивительно большимъ носомъ. Онъ былъ со мною очень ласковъ. Великій князь Константинъ встрѣтилъ меня дружелюбно, но аудіенція была непродолжительна.

Обѣ Великія княжны, Марія и Екатерина были 15-и и 13-и лѣтъ, но ихъ вполнѣ сформировавшійся видъ заставилъ казаться взрослыми дѣвицами въ моихъ глазахъ. Марія очень интересовалась мной во все время моего пребыванія въ Петербургѣ; но ихъ оберъ-гофмейстерина, графиня Ливенъ, воспитательница Ихъ Императорскихъ Высочествъ, обходилась со мной съ очень оскорбительною строгостью. Я часто видѣлъ Великихъ княженъ и имѣлъ честь танцовать съ ними. Мнѣ было очень трудно оріентироваться въ сутолокѣ всѣхъ происшествій, которыя наполняли первые дни моего пребыванія въ С.-Петербургѣ.

Мое воображеніе, неопытное во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ, было поражено и смѣшало картины.

Мнѣ кажется однако, что день моего пріѣзда былъ пятницей и что моя первая аудіенція имѣла мѣсто въ субботу и я привѣтствовалъ Великихъ князей (если не въ тотъ же день) въ первое воскресенье; тогда же представились мнѣ офицеры высочайшаго двора и былъ парадъ по одному изъ этихъ случаевъ. Императоръ оказалъ мнѣ воинскія почести. Онъ заставилъ меня съ генераломъ Дибичемъ присутствовать нѣсколько разъ на его вечерахъ и окружалъ меня вниманіемъ и благорасположеніемъ, называя gnädiger Herr.

На этихъ вечерахъ мнѣ представился случай замѣтить, какъ мѣнялось расположеніе духа у Императора и какъ онъ предавался своимъ страстямъ. Его разговоръ вращался на парадоксахъ и галиматьѣ изъ отвлеченностей. Было также нѣсколько скандальныхъ сценъ на парадахъ и военномъ обученіи. На вечерахъ Императоръ выпивалъ много вина, и вино цѣлыми стаканами безпрестанно подносилось всему обществу. Царедворцы оказали мнѣ всяческіе знаки уваженія, и ген. Дибичъ увѣрялъ меня, что ихъ поведеніе было отраженіемъ царскаго расположенія.

Дома мнѣ не расточали столько милостей. Мои восхитительные вечера окончились очень трагически. Въ одинъ прекрасный день мы представляли шарады на слово «Ричаръ-Львиное Сердце». Я занимался переодѣваніемъ въ сына Эдуарда. Одна изъ моихъ маленькихъ подругъ, назначенная къ роли моего брата, помогала мнѣ въ этомъ. Ей казалось неудобнымъ надѣть на меня нѣчто въ родѣ драпировки, соотвѣтствующей роли маленькаго сони, безъ того, чтобы не снять съ меня сначала мои драгунскіе

эксельбанты и мои тяжелые сапоги. Не знаю, какъ это случилось, что, когда она стягивала мнѣ ихъ съ ногъ, то вслѣдъ за ними снялись немного и мои чулки (Sosknu [1]). Именно это усердіе, съ какимъ моя дорогая подруга исправляла эту роковую непристойность, показалось назойливымъ въ глазахъ М-r Требра, чей внезапный и неожиданный приходъ повергъ насъ въ самое страшное замѣшательство. Напротивъ, мой гувернеръ казался сильно разгнѣваннымъ; онъ выбранилъ меня весьма жестоко и потомъ увелъ съ собой, а на слѣдующій день грозилъ мнѣ выговоромъ моей тетки и объявилъ мнѣ, что моя вчерашняя подруга была высѣчена сегодня утромъ, чему впрочемъ я съ трудомъ вѣрилъ, хотя эта молодая дѣвица имѣла не болѣе 6—7 лѣтъ [2]). Что касается двора, то Императоръ приглашалъ меня нѣсколько разъ на субботніе концерты. Я тамъ вспоминаю съ удовольствіемъ о моей прелестной сосѣдкѣ, Великой княгинѣ Елизаветѣ, супругѣ наслѣдника, а также объ одной молодой дамѣ, о которой я уже говорилъ и которая продолжала выказывать свой интересъ ко мнѣ.

Я видѣлъ тамъ тоже ту знаменитую m-elle Шевалье, фран-

---

[1]) Носки.

[2]) Я не вычеркнулъ этого маленькаго эпизода изъ копіи моего разсказа, потому что это не была вставка, какъ казалась.

Эта смѣшная сцена произошла на глазахъ у многихъ свидѣтелей; но м-r Требра поспѣшилъ воспользоваться ею, чтобы убѣдить мою тетку удалить меня отъ знакомыхъ генерала Дибича, который, казалось, пріобрѣлъ мое расположеніе, и этимъ самымъ Требра укрѣпилъ мою привязанность, которую я питалъ уже къ этому генералу.

М-r Требра дѣйствительно удалось заставить меня впредь занимать помѣщеніе въ отдѣльномъ домѣ, рядомъ съ І-мъ кадетскимъ корпусомъ, такъ что съ этого времени я находился подъ непосредственнымъ надзоромъ своего гувернера, т. к. генералъ былъ удержанъ по своимъ служебнымъ обязанностямъ въ кадетскомъ корпусѣ.

Кажется, что эта перемѣна произошла безъ приказа Императора и позднѣе даже дало мѣсто происшествію, которое могло бы имѣть роковыя послѣдствія, если бы я не считалъ обязанностью молчать въ интересахъ двухъ лицъ, оспаривавшихъ другъ у друга право моего воспитанія.

Въ сущности Требра могъ имѣть свои уважительныя причины, чтобы удалить меня отъ общества, которое, казалось, слишкомъ разсѣивало меня; но все же онъ воспользовался для этой цѣли не вполнѣ честнымъ пріемомъ противъ г. Дибича.

цузскую пѣвицу, которой, какъ говорили, Императоръ посвящалъ свои ночныя аудіенціи.

Со мной было приключеніе въ одинъ изъ этихъ дней. Мои шпоры зацѣпились за скатерть въ моментъ вставанія изъ-за стола послѣ Императорскаго ужина; мой лобъ стукнулся о паркетъ и извлекъ изъ него звукъ, подобный удару въ цимбалъ. Сперва забавлялись этимъ смѣшнымъ эпизодомъ, но Императоръ строго положилъ конецъ этому смѣху, выбранилъ своего сына Константина, извинился передо мной и удалился въ дурномъ расположеніи духа, ни съ кѣмъ не простясь.

Съ тѣхъ поръ начали замѣчать усиливающуюся все болѣе и болѣе благосклонность, которой ему желательно было меня почтить и которую я не заслужилъ ни въ какомъ отношеніи.

Также мнѣ дали почувствовать, что опасенія моей тетки касательно меня удвоились въ унисонъ съ ея материнской заботой. Наконецъ, другія лица, очень усердствовавшія засвидѣтельствовать мнѣ свою привязанность и ихъ живой интересъ, усиливали эти безпокойства. Я ровно ничего въ этомъ не понималъ, но генер. Дибичъ далъ мнѣ ключъ къ разгадкѣ этой тайны, увѣряя меня, что Императоръ расчитывалъ усыновить меня и что степень его фавора на мнѣ порождаетъ завистниковъ.

Вслѣдъ за прекращеніемъ моихъ занимательныхъ вечеринокъ въ семействѣ Дибича, я былъ удаленъ изъ кадетскаго корпуса и мнѣ назначили помѣщеніе вблизи этого дворца, т. к. прямое намѣреніе Государя было, чтобы я присутствовалъ на урокахъ учителей этой школы и подчинялся бы вполнѣ военному воспитанію.

Между тѣмъ несогласія моихъ обоихъ гувернеровъ достигли своего высшаго предѣла.

Императоръ приказалъ Дибичу никогда не покидать меня, когда я выходилъ. M-r Требра собирался представиться Его Императорскому Величеству на военномъ обученіи; но онъ былъ едва замѣченъ. Онъ пользовался, наоборотъ, расположеніемъ гр. Ливенъ, а черезъ ея посредничество также милостью и у моей тетки.

Однажды въ субботу, когда я долженъ былъ нанести нѣсколько визитовъ и когда меня ждали при Дворѣ, Требра уговорилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ нимъ безъ вѣдома г. Дибича.

Въ этотъ же день, позднѣе, я получилъ приглашеніе на концертъ и настаивалъ по этому случаю предупредить генер. Дибича. Другой пришелъ въ ярость, но, наконецъ, позволилъ мнѣ ограничиться письмомъ къ нему. Онъ не пришелъ, итакъ, надо было итти одному. Но изъ-за этого пришлось опоздать; концертъ уже начался, когда я появился въ собраніи. Моя тетка была этимъ очень встревожена, но Императоръ не предалъ этому никакого значенія.

На другой день генер. Дибичъ пришелъ ко мнѣ и вступилъ съ Треброй въ пререканія; послѣ моего отъѣзда шумъ увеличился, и по своемъ возвращеніи я нашелъ доказательства личной схватки. По крайней мѣрѣ оба противника казались очень пристыженными при моемъ появленіи. Вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ тетки нѣсколько упрековъ и графиня Ливенъ наговорила мнѣ много рѣзкостей по поводу того, что я осмѣлился написать Дибичу письмо, которое мнѣ показали, и которое, вмѣсто того, чтобы дойти до Дибича, отправилось прямо во дворецъ. Эта улика нечестнаго поступка моего второго гувернера не побудила меня оправдаться открытіемъ всей его неправоты, и онъ, казалось, былъ мнѣ за это благодаренъ...

Эти домашнія ссоры были такимъ образомъ усмирены моимъ заступничествомъ,—тогда какъ ходъ великихъ событій принималъ очень угрожающій характеръ. Было болѣе, чѣмъ очевидно, что деспотическія мѣры Императора Павла возбуждали въ народѣ жажду мести. Несмотря на всѣ старанія, которыя прилагали, чтобы скрыть это отъ меня, молва слишкомъ гремѣла, для того, чтобы я не могъ этого не узнать. Также вся моя прислуга, мои домашніе и знакомые, и даже мои учителя твердили объ этомъ постоянно. Наконецъ, если бы даже никто мнѣ объ этомъ и не говорилъ, я долженъ былъ бы замѣтить перемѣны, происшедшія при Дворѣ: изумленный видъ у всѣхъ, стекающихся туда и гримасы Императора своему семейству.

Къ тому же эта молодая дама, которая желала мнѣ добра, не переставала предупреждать меня о неизбѣжной опасности, которая грозила мнѣ вслѣдъ за странной привязанностью Императора, котораго, казалось, ненавидѣлъ весь остальной свѣтъ. Я никогда не могъ ничего понять изъ этихъ загадокъ и, говоря правду, не вижу ихъ яснѣе и посейчасъ.

Но я подозрѣвалъ катастрофу, видя, какъ Императоръ (что мнѣ показалось въ вечеръ на 9/21 марта) доказывалъ несомнѣнную ярость въ самой высокой степени противъ Императрицы и двухъ Великихъ князей Александра и Константина.

11/23 марта вечеромъ M-r Требра вызвали къ генер. Клингеру. Немного погодя явился ген. Дибичъ и говорилъ мнѣ объ опасности, которая угрожала.

Требра вернулся тотчасъ же, чтобы отвести меня въ кадетскій корпусъ, чего однако не случилось, потому что адъютантъ генерала Клингера прибѣжалъ впопыхахъ, протестуя отъ имени своего начальника противъ этого намѣренія.

Наконецъ, въ серединѣ ночи капитанъ Волькенсбергъ распахнулъ дверь и закричалъ намъ, что «все кончено» [1]). Послѣ чего мнѣ предложили итти спать.

На другой день M-r Требра извѣстилъ меня о смерти Императора, и я ни минуты не сомнѣвался, что причиной ея было убійство.

Императрица приняла меня только черезъ 8 дней послѣ этого. Она казалась очень убитой горемъ, была одѣта въ глубокомъ траурѣ и обратилась ко мнѣ съ нѣсколькими привѣтливыми вопросами. Новый Императоръ обходился со мной съ ласковой снисходительностью. Генералъ Дибичъ потерялъ свое мѣсто гувернера при мнѣ; меня же перевели въ инфантерію, причисливъ къ гренадерскому Таврическому полку, вмѣсто Псковскаго. Большая часть моего времени была теперь посвящена наукамъ. Моя память сохранила мнѣ только нѣсколько впечатлѣній отъ остатка дней моего пребыванія въ С.-Петербургѣ. Я причисляю къ нимъ погребеніе императора Павла, на которомъ мнѣ повелѣно было присутствовать. Обрядъ былъ очень продолжителенъ и утомителенъ, но внушительнаго великолѣпія; нѣсколько поѣздокъ, какъ въ каретѣ, такъ и на лошади и пѣшкомъ познакомили меня съ великолѣпною сѣверною столицею на всемъ ея протяженіи и во всемъ ея величіи.

Итакъ, нѣсколько мѣсяцевъ моего уединенія, протекшихъ самымъ пріятнымъ образомъ, представляли довольно странный

---

[1]) Волькенсбергъ сдѣлалъ при этомъ движеніе рукой отъ шеи кверху. «Теперь вы можете итти спать».

контрастъ въ сравненіи съ удивительной, сутолокой наполнявшей первые дни моего пребыванія въ С.-Петербургѣ.

Я сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ, т. ч. приказъ объ отъѣздѣ сперва опьянилъ мое сердце радостно, но въ то же время заставилъ однако сожалѣть о разлукѣ съ тѣмъ мѣстомъ, которое доставило мнѣ столько удовольствій.

Мнѣ казалось, что мой отъѣздъ былъ вызванъ желаніемъ моихъ родителей, и состоялся въ іюлѣ. Во время путешествія я немного погостилъ въ Ригѣ, въ домѣ моего дяди Людовика и, получивъ привѣтствія отъ корпуса офицеровъ Таврическаго полка, шефомъ котораго я сдѣлался потомъ. Эта комедія причинила мнѣ еще нѣсколько безпокойствъ; и я былъ еще приговоренъ присутствовать на нѣсколькихъ парадахъ, къ которымъ я не чувствовалъ никакой склонности.

Оттуда мы проѣхали Лифляндію и южную Пруссію, не останавливаясь—и въ послѣднихъ числахъ іюля я былъ переданъ на руки моимъ родителямъ [1]).

---

[1]) Императору Павлу часто являлась странная мысль; заключить въ монастырь свою супругу съ дѣтьми, исключая любимой дочери Екатерины; онъ не только благословилъ бы Императрицу надѣть клобукъ, но даже принять позорную смерть отъ палача.

Молодого герцога Евгенія Вюртембергскаго онъ хотѣлъ женить на своей дочери Екатеринѣ, усыновить и провозгласить наслѣдникомъ престола. Итакъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что всѣ доброжелатели этого юнаго герцога, всѣ заинтересованные въ заговорѣ противъ царской фамиліи опасались и готовы были кромѣ Императора и этого герцога, его пріемнаго сына устранить также съ дороги.

Красивая молодая женщина, которая принимала въ герцогѣ большое участіе, и которую тотъ принималъ за княгиню Лопухину, не зная въ точности, была ли она дѣйствительно ею, сказала ему однажды на придворномъ концертѣ: «Si jamais vous avez besoin d'un asile, vous le trouverez chez moi!» *) Когда герцогъ въ первый разъ послѣ смерти Павла увидѣлъ Императрицу Марію Феодоровну, она спросила его: правда ли что она даже обѣщала ему въ пріютѣ. Онъ отвѣчалъ утвердительно и воспользовался случаемъ, чтобы спросить: кто была эта дама? Императ-

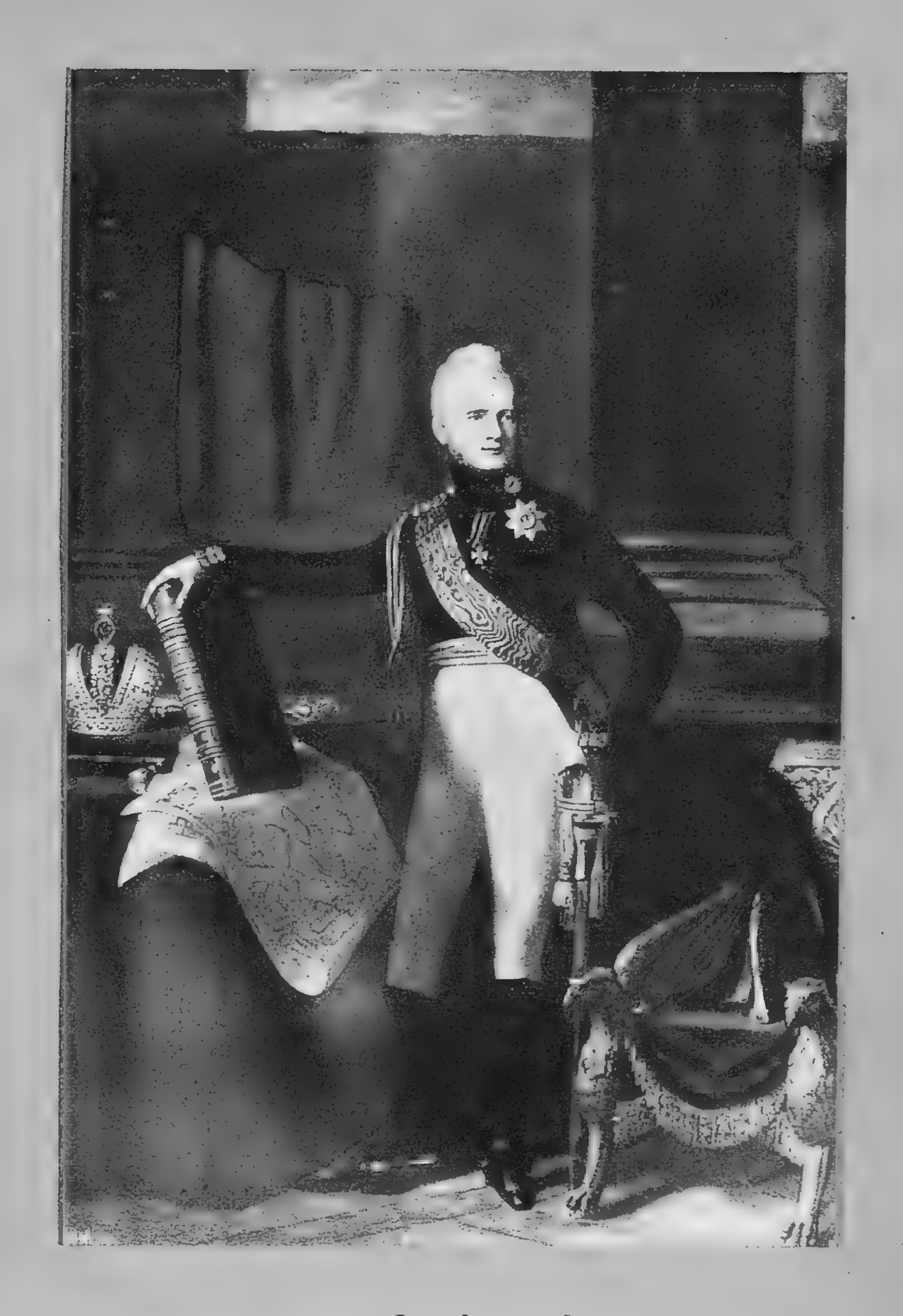
*) «Если когда-либо Вамъ понадобится пріютъ, то вы найдете его у меня».

рица отвѣчала уклончиво: «Vous lui devez une reconnaissance eternelle, mais vous ne la reverrez jamais: elle est partie»**) Княгиня Лопухина покинула С.-Петербургъ тотчасъ же послѣ смерти Императора Павла и умерла вскорѣ послѣ этого въ Вѣнѣ.

Что родители молодого герцога, теперь заброшеннаго мальчика, котораго Императоръ Александръ не могъ выносить—заставили вернуться опять въ Германію при такихъ условіяхъ было весьма естественно.

Дорога, по которой ему приказано было ѣхать обратно изъ дома его дяди въ Римъ, умышленно уклонялась отъ всѣхъ большихъ городовъ, что доказывало, что желали избѣжать народнаго вниманія къ герцогу. По той же причинѣ его отослали оканчивать свое образованіе въ небольшой и малоизвѣстный городокъ Ерлангенъ. Такъ путешествовалъ и жилъ четырнадцатилѣтній герцогъ—низвергнутый вельможа Шиманъ.

**) «Вы обязаны ей своею признательностью, но никогда больше не увидите ее: она уѣхала».

Императоръ Александръ 1.
Писалъ Монье 1806 г.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
графа Ланжерона.

Нижеслѣдующее написано въ 1826 г., но то, что сообщили мнѣ о смерти императора Павла—Паленъ, Бенигсенъ и великій князь Константинъ, было записано въ тотъ же самый день, какъ я получилъ отъ нихъ свѣдѣнія, помѣщенныя ниже.

Я не былъ въ Петербургѣ во время страшной катастрофы, пресѣкшей жизнь императора Павла [1]), но мнѣ извѣстны ея происхожденіе и подробности съ такою точностью, какъ будто я былъ самъ ея очевидцемъ.

Такъ какъ я издавна находился въ близкихъ отношеніяхъ, задолго до этой прискорбно-замѣчательной эпохи, съ генералами графомъ Паленомъ и Бенигсеномъ, игравшими главныя роли въ этой страшной драмѣ, то они не только не отказались удовлетворить моему любопытству, но даже предупредили мои разспросы, первые заговоривъ со мною о событіи, которое, быть можетъ, для нихъ лучше было бы замолчать [2]).

Великій князь Константинъ также сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности, изложенныя ниже.

---

[1]) Я находился тогда въ Литвѣ, въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ состоялъ начальникомъ пѣхотной дивизіи и генералъ-лейтенантомъ.

[2]) 20 лѣтъ спустя, Бенигсенъ, имѣя причины жаловаться на императора Александра, сказалъ мнѣ въ Одессѣ: «Неблагодарный, онъ забываетъ, что ради него я рисковалъ попасть на эшафотъ».

Въ замѣткахъ, прибавленныхъ мною къ изложенію разговора, который я имѣлъ въ 1826 году въ Варшавѣ съ великимъ княземъ Константиномъ, я высказалъ положеніе, въ которомъ мнѣ даже прискорбно сознаться, но которое тѣмъ не менѣе справедливо. Я сказалъ: «бываютъ положенія, вмѣняющія обязательства, весьма тягостныя, долгъ даже, ужасный и для частныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе для принца, родившагося на ступеняхъ трона».

Александръ былъ поставленъ между необходимостью свергнуть съ престола своего отца и увѣренностью, что отецъ его вскорѣ довелъ бы до гибели свою имперію сумасбродствомъ своихъ поступковъ.

Безуміе этого несчастнаго государя (нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ не въ своемъ умѣ) дошло до такихъ предѣловъ, что долѣе не было возможности выносить его и что пришлось принести его въ жертву счастью сорокамилліоннаго народа.

Въ то время въ Россіи было на высшихъ должностяхъ всего два человѣка, способныхъ задумать и выполнить подобное предпріятіе: Рибасъ и Паленъ. Оба давно объ этомъ думали. Рибасъ даже составилъ объ этомъ свой планъ, но смерть неожиданно застигла его. Паленъ остался одинъ, и его однако оказалось достаточно. Нуженъ былъ именно такой человѣкъ, и нужно было, чтобы онъ занималъ именно то мѣсто, какое онъ занималъ въ то время, чтобы спасти Россію и Паленъ спасъ ее, но я не желалъ бы заслужить подобную честь такою цѣною.

Паленъ, одаренный геніемъ глубокимъ и смѣлымъ, умомъ выдающимся, характеромъ непреклоннымъ, наружностью благородной и внушительной. Паленъ, непроницаемый, никогда никому не открывшійся, ни въ грошъ не ставившій свое благо, свое состояніе, свою свободу и даже жизнь, когда ему предстояло осуществить задуманное, былъ созданъ успѣвать во всемъ, что бы онъ ни предпринялъ, и торжествовать надъ всѣми препятствіями; это былъ настоящій глава заговора, предназначенный подать страшный примѣръ всѣмъ заговорщикамъ, настоящимъ и будущимъ. Но что онъ считалъ тогда необходимымъ (оно и было необходимо)—оказалось не такъ легко исполнимымъ. Надо было устранить Павла. Рибасъ высказался въ пользу переворота, при чемъ настаивалъ на необходимости открыть свои планы великому князю Александру и заручиться его согласіемъ, убѣдивъ

его, что хотятъ только заставить его отца отречься отъ престола и заточить его, но что его жизнь будетъ пощажена, въ чемъ не могли бы обнадежить его, если бъ говорили ему объ отравленіи.

Паленъ былъ въ то время генералъ-губернаторомъ Петербурга, состоялъ подъ начальствомъ великаго князя Александра, что отдавало всю высшую полицію въ его руки и облегчало ему осуществленіе всего, что онъ желалъ предпринять.

Графъ Панинъ, человѣкъ умный, даровитый и съ характеромъ, подходящимъ къ характеру графа Палена, былъ въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ; онъ одинъ изъ первыхъ вступилъ въ заговоръ и комбинировалъ вмѣстѣ съ Паленомъ всѣ его градаціи и выполненіе.

Достигнуть успѣха можно было, только подкупивъ или поднявъ гвардію цѣликомъ или только частью, а это было дѣло не легкое: солдаты гвардіи любили Павла, первый батальонъ Преображенскаго полка въ особенности былъ очень къ нему привязанъ. Вспышки ярости этого несчастнаго государя обыкновенно обрушивались только на офицеровъ и генераловъ, солдаты же, хорошо одѣтые, пользующіеся хорошей пищей, кромѣ того, осыпались денежными подарками.

Офицеровъ очень легко было склонить къ перемѣнѣ царствованія, но требовалось сдѣлать очень щекотливый, очень затруднительный выборъ изъ числа 300 молодыхъ вѣтренниковъ и кутилъ, буйныхъ, легкомысленныхъ и несдержанныхъ; существовалъ рискъ, что заговоръ будетъ разглашенъ, или, по крайней мѣрѣ, заподозрѣнъ, какъ это и случилось въ дѣйствительности, что и заставило ускорить моментъ катастрофы, какъ увидятъ ниже.

Паленъ нашелъ возможность сгладить всѣ трудности, устранить всѣ препятствія и достичь своей цѣли съ невозмутимой, ужасающей настойчивостью.

Передамъ слово въ слово, что онъ говорилъ мнѣ въ 1804 г., когда я проѣзжалъ черезъ Митаву:

«Мнѣ нечего сообщать вамъ новаго, мой любезный Л***, о характерѣ императора Павла и о его безумствахъ; вы сами страдали отъ нихъ такъ же, какъ и всѣ мы; но такъ какъ вы

отсутствовали изъ Петербурга въ послѣднее время его царствованія и въ продолженіе двухъ лѣтъ не видали его, то и не могли сами судить объ изступленности его безумія, которое шло, все усиливаясь, и могло, въ концѣ концовъ, стать кровожаднымъ,— да и стало уже таковымъ: ни одинъ изъ насъ не былъ увѣренъ ни въ одномъ днѣ безопасности; скоро всюду были бы воздвигнуты эшафоты, и вся Сибирь населена несчастными.

«Состоя въ высокихъ чинахъ и облеченный важными и щекотливыми должностями, я принадлежалъ къ числу тѣхъ, кому болѣе всего угрожала опасность, и мнѣ настолько же желательно было избавиться отъ нея для себя, сколько избавить Россію, а быть можетъ, и всю Европу отъ кровавой и неизбѣжной смуты.

«Уже болѣе шести мѣсяцевъ были окончательно рѣшены мои планы о необходимости свергнуть Павла съ престола, но мнѣ казалось невозможнымъ (оно такъ и было въ дѣйствительности) достигнуть этого, не имѣя на то согласія и даже содѣйствія великаго князя Александра, или, по крайней мѣрѣ, не предупредивъ его о томъ. Я зондировалъ его на этотъ счетъ, сперва слегка, намеками, кинувъ лишь нѣсколько словъ объ опасномъ характерѣ его отца. Александръ слушалъ, вздыхалъ и не отвѣчалъ ни слова.

«Но мнѣ не этого было нужно; я рѣшился, наконецъ, пробить ледъ и высказать ему открыто, прямодушно то, что мнѣ казалось необходимымъ сдѣлать.

«Сперва Александръ былъ, видимо, возмущенъ моимъ замысломъ; онъ сказалъ мнѣ, что вполнѣ сознаетъ опасности, которымъ подвергается имперія, а также опасности, угрожающія ему лично, но что онъ готовъ все выстрадать и рѣшился ничего не предпринимать противъ отца.

«Я не унывалъ однако и такъ часто повторялъ мои настоянія, такъ старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость переворота, возраставшую съ каждымъ новымъ безумствомъ, такъ льстилъ ему или пугалъ его насчетъ его собственной будущности, представляя ему на выборъ—или престолъ, или же темницу, и даже смерть, что мнѣ, наконецъ, удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убѣдить его установить вмѣстѣ съ Панинымъ и со мною средства для достиженія раз-

вязки, настоятельность которой онъ самъ не могъ не сознавать.

«Но я обязанъ, въ интересахъ правды, сказать, что великій князь Александръ не соглашался ни на что, не потребовавъ отъ меня предварительно клятвеннаго обѣщанія, что не станутъ покушаться на жизнь его отца; я далъ ему слово: я не былъ настолько лишенъ смысла, чтобы внутренно взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущаго государя, и я обнадежилъ его намѣренія, хотя былъ убѣжденъ, что они не исполнятся [1]). Я прекрасно зналъ, что надо завершить революцію, или уже совсѣмъ не затѣвать ея, и что если жизнь Павла не будетъ прекращена [2]), то двери его темницы скоро откроются, произойдетъ страшнѣйшая реакція, и кровь невинныхъ, какъ и кровь виновныхъ, вскорѣ обагритъ и столицу и губерніи.

«Императору внушили нѣкоторыя подозрѣнія насчетъ моихъ связей съ великимъ княземъ Александромъ; намъ это было небезызвѣстно. Я не могъ показываться къ молодому великому князю, мы не осмѣливались даже говорить другъ съ другомъ подолгу, несмотря на сношенія, обусловливаемыя нашими должностями; поэтому только посредствомъ записокъ (сознаюсь— средство неосторожное и опасное) мы сообщали другъ другу наши мысли и тѣ мѣры, какія требовалось принять; записки мои адресовались Панину; великій князь Александръ отвѣчалъ на нихъ другими записками, которыя Панинъ передавалъ мнѣ: мы прочитывали ихъ, отвѣчали на нихъ и немедленно сжигали.

«Однажды Панинъ сунулъ мнѣ въ руку подобную записку въ прихожей Императора, передъ самымъ моментомъ, назначеннымъ для пріема; я думалъ, что успѣю прочесть записку, отвѣтить на нее и сжечь, но Павелъ неожиданно вышелъ изъ своей спальни, увидалъ меня, позвалъ и увлекъ въ свой кабинетъ,

---

[1]) Что за человѣкъ! вотъ какимъ надо быть, чтобы произвести революцію. Но всякій честный человѣкъ отступилъ бы передъ подобной клятвой.

[2]) Паленъ былъ совершенно правъ: безъ смерти Павла революція была бы невозможна; сомнительно даже, удалось ли бы даже заточить его, а если удалось бы, то новая революція сдѣлала бы его орудіемъ ужасной мести.

заперевъ дверь; едва успѣлъ я сунуть записку великаго князя въ мой правый карманъ.

«Императоръ заговорилъ о вещахъ безразличныхъ; онъ былъ въ духѣ въ этотъ день, развеселился, шутилъ со мною и даже осмѣлился залѣзть руками ко мнѣ въ карманы, сказавъ: «Я хочу посмотрѣть, что тамъ такое,—можетъ быть, любовныя письма!»

«Вы знаете меня, любезный Л***», прибавилъ Паленъ: «знаете, что я не робкаго десятка, и что меня не легко смутить, но долженъ вамъ признаться, что если бы мнѣ пустили кровь въ эту минуту, ни единой капли не вылилось бы изъ моихъ жилъ».

— Какъ же выпутались вы изъ этого опаснаго положенія?— спросилъ я.

«А вотъ какъ», отвѣчалъ Паленъ: «я сказалъ Императору: «Ваше величество! что вы дѣлаете? оставьте! вѣдь вы терпѣть не можете табаку, а я его усердно нюхаю, мой носовой платокъ весь пропитанъ; вы перепачкаете себѣ руки, и онѣ надолго примутъ противный вамъ запахъ». Тогда онъ отнялъ руки и сказалъ мнѣ: «Фи, какое свинство! вы правы!» Вотъ какъ я вывернулся[1]).

«Когда великаго князя убѣдили дѣйствовать сообща со мною,—это былъ уже большой выигрышъ, но еще далеко не все: онъ ручался мнѣ за свой Семеновскій полкъ; я видался со многими офицерами этого полка, настроенными очень рѣшительно; но это были все люди молодые, легкомысленные, неопытные, безъ испытаннаго мужества, необходимаго для такого рѣшенія, и которые, въ моментъ дѣйствія, могли бы, вслѣдствіе слабости, вѣтренности или нескромности, испортить всѣ наши планы: мнѣ хотѣлось заручиться помощью людей болѣе солидныхъ, чѣмъ вся эта ватага вертопраховъ, я желалъ опереться на друзей, извѣстныхъ мнѣ своимъ мужествомъ и энергіей: я хотѣлъ имѣть при себѣ Зубовыхъ и Бенигсена[2]). Но какъ вер-

---

[1]) Какая ловкость и какое присутствіе духа!

[2]) Насчетъ Бенигсена и Валеріана Зубова Паленъ былъ правъ. Николай же былъ быкъ, который могъ быть отважнымъ въ пьяномъ видѣ, но не иначе, а Платонъ Зубовъ былъ самымъ трусливымъ и низкимъ изъ людей.

нуть ихъ въ Петербургъ? Они были въ опалѣ, въ ссылкѣ; у меня не было никакого предлога, чтобы вызвать ихъ оттуда, и вотъ что я придумалъ.

«Я рѣшилъ воспользоваться одной изъ свѣтлыхъ минутъ Императора, когда ему можно было говорить что угодно, разжалобить его насчетъ участи разжалованныхъ офицеровъ: я описалъ ему жестокое положеніе этихъ несчастныхъ, выгнанныхъ изъ ихъ полковъ и высланныхъ изъ столицы, и которые, видя карьеру свою погубленною и жизнь испорченною, умираютъ съ горя и нужды за проступки легкіе и простительные. Я зналъ порывистость Павла во всѣхъ дѣлахъ, я надѣялся заставить его сдѣлать тотчасъ же то, что я представилъ ему подъ видомъ великодушія; я бросился къ его ногамъ. Онъ былъ романическаго характера, онъ имѣлъ претензію на великодушіе. Во всемъ онъ любилъ крайности: два часа спустя послѣ нашего разговора двадцать курьеровъ уже скакали во всѣ части имперіи, чтобы вернуть назадъ въ Петербургъ всѣхъ сосланныхъ и исключенныхъ со службы. Приказъ, дарующій имъ помилованіе, былъ продиктованъ мнѣ самимъ Императоромъ.

«Тогда я обезпечилъ себѣ два важныхъ пункта: 1) заполучилъ Бенигсена и Зубовыхъ, необходимыхъ мнѣ, и 2) еще усилилъ общее ожесточеніе противъ Императора: я изучилъ его нетерпѣливый нравъ, быстрые переходы его отъ одного чувства къ другому, отъ одного намѣренія къ другому, совершенно противоположному. Я былъ увѣренъ, что первые изъ вернувшихся офицеровъ будутъ приняты хорошо, но что скоро они надоѣдятъ ему, а также и слѣдующіе за ними. Случилось то, что я предвидѣлъ: ежедневно сыпались въ Петербургъ сотни этихъ несчастныхъ: каждое утро подавали Императору донесенія съ заставъ. Вскорѣ ему опротивѣла эта толпа прибывающихъ: онъ пересталъ принимать ихъ, затѣмъ сталъ просто гнать и тѣмъ нажилъ себѣ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ этихъ несчастныхъ, снова лишенныхъ всякой надежды и осужденныхъ умирать съ голоду у воротъ Петербурга[1]).

«Мы назначили исполненіе нашихъ плановъ на конецъ марта:

---

[1]) Какая адская махинація!

но непредвидѣнныя обстоятельства ускорили срокъ: многіе офицеры гвардіи были предупреждены о нашихъ замыслахъ, многіе ихъ угадали. Я могъ всего опасаться отъ ихъ нескромности и жилъ въ тревогѣ.

«7-го марта я вошелъ въ кабинетъ Павла въ семь часовъ утра, чтобы подать ему, по обыкновенію, рапортъ о состояніи столицы. Я застаю его озабоченнымъ, серьезнымъ; онъ запираетъ дверь и молча смотритъ на меня въ упоръ минуты съ двѣ; и говоритъ наконецъ: «Г. фонъ-Паленъ! вы были здѣсь въ 1762 году?» — «Да, ваше величество». — «Были вы здѣсь?» — «Да, ваше величество,—но что вамъ угодно этимъ сказать?»—«Вы участвовали въ заговорѣ, лишившемъ моего отца престола и жизни?»—«Ваше величество, я былъ свидѣтелемъ переворота, а не дѣйствующимъ лицомъ, я былъ очень молодъ, я служилъ въ низшихъ офицерскихъ чинахъ въ Конномъ полку. Я ѣхалъ на лошади со своимъ полкомъ, ничего не подозрѣвая, что происходитъ: но почему, ваше величество, задаете вы мнѣ подобный вопросъ?»—«Почему? вотъ почему: потому что хотятъ повторить 1762 годъ».

«Я затрепеталъ при этихъ словахъ, но тотчасъ же оправился и отвѣчалъ: «Да, ваше величество, хотятъ! Я это знаю и участвую въ заговорѣ».—«Какъ! вы это знаете и участвуете въ заговорѣ? Что вы мнѣ такое говорите!»—«Сущую правду, ваше величество, я участвую въ немъ и долженъ сдѣлать видъ, что участвую въ виду моей должности, ибо какъ могъ бы я узнать, что намѣрены они дѣлать, если не притворюсь, что хочу способствовать ихъ замысламъ? но не безпокойтесь,—вамъ нечего бояться: я держу въ рукахъ всѣ нити заговора, и скоро все станетъ вамъ извѣстно. Не старайтесь проводить сравненій между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, а вы русскій; онъ ненавидѣлъ русскихъ, презиралъ ихъ и удалялъ отъ себя; а вы любите ихъ, уважаете и пользуетесь ихъ любовью; онъ не былъ коронованъ, а вы коронованы; онъ раздражилъ и даже ожесточилъ противъ себя гвардію, а вамъ она предана. Онъ преслѣдовалъ духовенство, а вы почитаете его; въ его время не было никакой полиціи въ Петербургѣ, а нынче она такъ усовершенствована, что не дѣлается ни шага, не говорится ни слова помимо моего вѣ-

дома: каковы бы ни были намѣренія Императрицы [1]), она не обладаетъ ни геніальностью, ни умомъ вашей матери; у нея двадцатилѣтнія дѣти, а въ 1762 году вамъ было только 7 лѣтъ».— «Все это правда», отвѣчалъ онъ: «но, конечно, не надо дремать».

«На этомъ нашъ разговоръ и остановился, я тотчасъ же написалъ про него великому князю, убѣждая его завтра же нанести задуманный ударъ: онъ заставилъ меня отстрочить его до 11-го, дня, когда дежурный будетъ 3-й батальонъ Семеновскаго полка, въ которомъ онъ былъ увѣренъ еще болѣе, чѣмъ въ другихъ остальныхъ. Я согласился на это съ трудомъ и былъ не безъ тревоги въ слѣдующіе два дня[2]).

«Наконецъ наступилъ роковой моментъ: вы знаете все, что произошло. Императоръ погибъ и долженъ былъ погибнуть: я не былъ ни очевидцемъ, ни дѣйствующимъ лицомъ при его

---

[1]) Палену удалось внушить императору подозрѣніе насчетъ Императрицы, какъ будетъ видно дальше.

[2]) Паленъ не напрасно безпокоился: оказывается, что Императоръ имѣлъ болѣе чѣмъ подозрѣнія о замышляемомъ, и что самъ Паленъ былъ осужденъ на опалу. Павелъ тайно послалъ въ Гатчину за двумя своими прежними фаворитами, въ то время удаленными: Аракчеевымъ и Линденеромъ; если бы пріѣхали эти два чудовища, они замѣнили бы Палена и, можетъ быть, великаго князя Александра на постахъ генералъ-губернаторовъ Петербурга, и столица облилась бы кровью. Аракчеевъ прибылъ черезъ десять часовъ послѣ смерти Павла; онъ былъ остановленъ на заставѣ и отосланъ обратно.

Можно ли было тогда ожидать, что впослѣдствіи этотъ ужасный человѣкъ пріобрѣтетъ при императорѣ Александрѣ почти безграничную власть и будетъ оказывать вліяніе самое пагубное? Много говорили въ то время о какомъ-то письмѣ, адресованномъ наканунѣ смерти Павла къ графу Кутаисову или князю Гагарину, письмѣ, которое тотъ или другой позабыли передать Императрицѣ и даже распечатать и въ которомъ, говорятъ, заключалось предупрежденіе о томъ, что произойдетъ на другой день.

Князь Христофоръ Ливенъ, генералъ-адъютантъ Павла, нынѣ посолъ въ Лондонѣ, въ то время только что подвергшійся опалѣ и передавшій князю Гагарину портфель военнаго министра, разсказывалъ мнѣ, что письмо было отъ него и адресовано Гагарину, который дѣйствительно позабылъ вскрыть его, но что оно не содержало никакихъ предупрежденій о заговорѣ, такъ какъ онъ самъ ничего не зналъ о немъ, а содержало только просьбы частнаго характера.

смерти. Я предвидѣлъ ее, но не хотѣлъ въ ней участвовать, такъ такъ далъ слово великому князю[1])».

Вотъ разсказъ Бенигсена:

«Я былъ удаленъ со службы, и, не смѣя показываться ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни даже въ другихъ губернскихъ городахъ, изъ опасенія слишкомъ выставляться на видъ, быть замѣченнымъ и, можетъ быть, сосланнымъ въ мѣста болѣе отдаленныя, я проживалъ въ печальномъ уединеніи своего помѣстья на Литвѣ.

«Въ началѣ 1801 года я получилъ отъ графа Палена письмо, приглашавшее меня явиться въ Петербургъ: я былъ удивленъ этимъ предложеніемъ и нимало не расположенъ послѣдовать ему; нѣсколько дней спустя, получился приказъ Императора, призывавшій назадъ всѣхъ сосланныхъ и уволенныхъ со службы. Но этотъ приказъ точно также не внушалъ мнѣ никакой охоты покинуть мое уединеніе; между тѣмъ Паленъ бомбардировалъ меня письмами, въ которыхъ энергично выражалъ свое желаніе видѣть меня въ столицѣ и увѣрялъ меня, что я буду прекрасно принятъ Императоромъ. Послѣднее письмо было такъ убѣдительно, что я рѣшился ѣхать.

«Пріѣзжаю въ Петербургъ; сперва я довольно хорошо принятъ Павломъ; но потомъ онъ обращается со мною холодно, а вскорѣ совсѣмъ перестаетъ смотрѣть на меня и говорить со мной. Я иду къ Палену и говорю ему, что все, что я предвидѣлъ, оправдалось, что надѣяться мнѣ не на что, зато много есть, чего опасаться, поэтому я хочу уѣхать какъ можно скорѣе. Паленъ уговорилъ меня потерпѣть еще нѣкоторое время, и я согласился на это съ трудомъ; наконецъ, наканунѣ дня, назначенняго для выступленія его замысловъ, онъ открылъ мнѣ ихъ: я согласился на все, что онъ мнѣ предложилъ. Въ намѣченный день мы всѣ собрались къ Палену; я засталъ тамъ троихъ Зубовыхъ, Уварова, много офицеровъ гвардіи [2]), всѣ были по

---

[1]) Странный изворотъ! Онъ не способствовалъ смерти Павла! Но несомнѣнно, это онъ приказалъ Зубовымъ и Бенигсену совершить убійство.

[2]) Между прочимъ князя Яшвиля изъ артиллеріи, Вяземскаго—Семеновскаго полка, Скарятина—Измайловскаго, Аргамакова—Преображенскаго, Татаринова—Кавалергардскаго, Волконскаго и друг.

меньшей мѣрѣ разгорячены шампанскимъ, которое Паленъ велѣлъ подать имъ (мнѣ онъ запретилъ пить и самъ не пилъ). Насъ собралось человѣкъ 60; мы раздѣлились на двѣ колонны: Паленъ съ одной изъ нихъ пришелъ по главной лѣстницѣ со стороны покоевъ Императрицы Маріи[1]), а я съ другой колонной направился по лѣстницѣ, ведущей къ церкви[2]). Больше половины сопровождавшихъ меня заблудились и отстали прежде, чѣмъ дошли до покоевъ Императора; насъ осталось всего 12 человѣкъ. Въ томъ числѣ были Платонъ и Николай Зубовы. Валеріанъ былъ съ Паленомъ. Мы дошли до дверей прихожей Императора, и одинъ изъ насъ велѣлъ отворить ее подъ предлогомъ, что имѣетъ что-то доложить Императору [3]). Когда

---

[1]) Думаютъ, что Паленъ, адскій геній котораго все предвидѣлъ, а въ особенности не забылъ ничего, что могло касаться его лично, уклонился отъ дѣятельнаго участія не потому, какъ онъ увѣрялъ меня, что хотѣлъ исполнить обѣщаніе, данное великому князю Александру, а для того, чтобъ быть въ состояніи, если не удастся предпріятіе, броситься на помощь къ Императору: не желая самъ совершать преступленія, онъ, зная хладнокровіе и невозмутимое мужество Бенигсена, призвалъ его, чтобы замѣнить себя, и правда, что безъ Бенигсена ничего не удалось бы.

[2]) На верху этой лѣстницы на площадкѣ находится дверь; она ведетъ въ большую залу, служившую прихожей Императора, и гдѣ спали два гусара или придворныхъ гайдука. За этой комнатой была спальня Павла, обширная и высокая; изъ нея вели двѣ двери, между которыми былъ устроенъ родъ чуланчика, гдѣ спалъ камердинеръ. Направо отъ входа стоялъ шкапъ, куда прятали знамена и штандары гвардейскихъ полковъ и шпаги офицеровъ подъ арестомъ. Возлѣ шкапа была дверка, ведущая черезъ узкую потаенную лѣстницу въ голландскую кухню, никогда не бывшую въ употребленіи, и затѣмъ въ квартиру дежурнаго генералъ-адъютанта; въ то время это былъ князь Гагаринъ, жена котораго рожденная княжна Лопухина, была любовницей Императора.

[3]) Это былъ нѣкто Аргамаковъ, адъютантъ Преображенскаго полка онъ являлся каждое утро въ 6 часовъ подавать Императору рапортъ по полку. Онъ стучится въ дверь, заперто на ключъ. Камердинеръ встаетъ и спрашиваетъ его, кто онъ такой, и что ему нужно. Аргамаковъ называетъ себя, прибавивъ: «Можно ли спрашивать, что мнѣ нужно? Я прихожу каждое утро подавать рапортъ Императору. Уже 6 часовъ! Отпирайте скорѣе!»—«Какъ 6 часовъ?» возразилъ камердинеръ: «нѣтъ еще и 12-ти; мы только что улеглись спать».—«Вы ошибаетесь», сказалъ Аргамаковъ: «ваши часы, вѣроятно, остановились: теперь болѣе 6-ти часовъ. Изъ-за васъ меня посадятъ подъ арестъ, если я опоздаю, отпирайте скорѣе». Обманутый камердинеръ отперъ, и заговорщики вошли толпой.

камердинеръ и гайдуки Императора увидѣли насъ выходящими толпой, они не могли усомниться въ нашемъ замыслѣ: камердинеръ спрятался, но одинъ изъ гайдуковъ, хотя и обезоруженный, бросился на насъ; одинъ изъ сопровождающихъ меня свалилъ его ударомъ сабли и опасно ранилъ въ голову [1]).

«Между тѣмъ этотъ шумъ разбудилъ императора; онъ вскочилъ съ постели, и если-бъ сохранилъ присутствіе духа, то легко могъ бы бѣжать; правда, онъ не могъ этого сдѣлать черезъ комнаты Императрицы,—такъ какъ Палену удалось внушить ему сомнѣніе насчетъ чувствъ государыни, то онъ каждый вечеръ барикадировалъ дверь, ведущую въ ея покои,—но онъ могъ спуститься къ Гагарину и бѣжать оттуда. Но, повидимому, онъ былъ слишкомъ перепуганъ, чтобы соображать, и забился въ одинъ изъ угловъ маленькихъ ширмъ, загораживавшихъ простую безъ полога кровать, на которой онъ спалъ.

«Мы входимъ. Платонъ Зубовъ [2]) бѣжитъ къ постели, не находитъ никого и восклицаетъ по-французски: «Онъ убѣжалъ!» Я слѣдовалъ за Зубовымъ и увидѣлъ, гдѣ скрывается Императоръ. Какъ и всѣ другіе, я былъ въ парадномъ мундирѣ, въ шарфѣ, въ лентѣ черезъ плечо, въ шляпѣ на головѣ и со шпагой въ рукѣ. Я опустилъ ее и сказалъ по-французски: «Ваше величество, царствованію вашему конецъ: императоръ Александръ провозглашенъ. По его приказанію, мы арестуемъ васъ; вы должны отречься отъ престола. Не безпокойтесь за себя: васъ не хотятъ лишать жизни; я здѣсь, чтобы охранять ее и защищать, покоритесь своей судьбѣ; но если вы окажете хотя малѣйшее сопротивленіе, я ни за что больше не отвѣчаю».

«Императоръ не отвѣчалъ мнѣ ни слова. Платонъ Зубовъ повторилъ ему по-русски то, что я сказалъ по-французски. Тогда онъ воскликнулъ: «Что же я вамъ сдѣлалъ?» Одинъ изъ офицеровъ гвардіи отвѣчалъ: «Вотъ уже четыре года, какъ вы насъ мучите».

«Въ эту минуту другіе офицеры, сбившіеся съ дороги, безпорядочно ворвались въ прихожую: поднятый ими шумъ испугалъ

---

[1]) Это храбрый и вѣрный гайдукъ не умеръ отъ своей раны, а впослѣдствіи онъ служилъ камердинеромъ у Императрицы Маріи; его звали Кириловымъ.

[2]) Послѣдній фаворитъ императрицы Екатерины.

тѣхъ, которые были со мною, они подумали, что это пришла гвардія на помошь къ Императору, и разбѣжались всѣ, стараясь пробраться къ лѣстницѣ. Я остался одинъ съ Императоромъ, но я удержалъ его, импонируя ему своимъ видомъ и своей шпагой [1]). Мои бѣглецы, встрѣтивъ своихъ товарищей, вернулись вмѣстѣ съ ними въ спальну Павла и, тѣснясь одинъ на другого, опрокинули ширму на лампу, стоявшую на полу, посреди комнаты, лампа потухла. Я вышелъ на минуту въ другую комнату за свѣчой, и въ теченіе этого короткаго промежутка времени прекратилось существованіе Павла».

На этомъ Бенигсенъ кончилъ свой разсказъ [2]).

---

[1]) Изъ этого видно, что если бы Бенигсенъ не находился въ числѣ заговорщиковъ, то Императоръ, оставшись одинъ и придя въ себя, могъ бы бѣжать къ Гагарину. Паленъ отлично все разсчиталъ, поручивъ ему выполненіе заговора.

Я много разъ ходилъ смотрѣть комнату, гдѣ погибъ несчастный Павелъ I теперь ея уже больше никому не показываютъ, и она постоянно заперта.

Михайловскій дворецъ, гдѣ жилъ съ недавнихъ поръ Павелъ, отданъ инженерному вѣдомству; тамъ помѣщается инженерное училище, и воспитанники учатся въ залахъ, украшенныхъ великолѣпной рѣзной и лѣпной работой и прекрасной живописью; между прочимъ, тамъ есть двери и камины богатой, драгоцѣнной отдѣлки.

[2]) Бенигсенъ не захотѣлъ мнѣ больше ничего говорить, однако оказывается, что онъ былъ очевидцемъ смерти Императора, но не участвовалъ въ убійствѣ. Убійцы бросились на Павла, и онъ защищался слабо: онъ просилъ пощады, умолялъ, чтобы ему дали время прочесть молитвы, и, увидавъ одного офицера конной гвардіи, приблизительно одного роста съ великимъ княземъ Константиномъ, онъ принялъ его за сына и сказалъ ему, какъ Цезарь Бруту: «Какъ! и ваше высочество здѣсь». (Это слово «высочество» очень необычайно при подобныхъ обстоятельствахъ). Итакъ, несчастный государь умеръ, убѣжденный, что его сынъ былъ однимъ изъ его убійцъ, и это страшное сознаніе еще болѣе отравило его послѣднія минуты. Убійцы не имѣли ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить его; говорятъ, Скарятинъ далъ свой шарфъ, и черезъ него погибъ Павелъ. Не знаютъ, кому приписать позорную честь быть виновникомъ его жестокой кочины; всѣ заговорщики участвовали въ ней, но, повидимому, князю Яшвилю и Татаринову принадлежитъ главная отвѣтственность въ этомъ страшномъ злодѣйствѣ. Оказывается, что Николай Зубовъ, нѣчто въ родѣ мясника, жестокій и разгоряченный виномъ, которымъ упился, ударилъ его кулакомъ въ лицо, а такъ какъ у него была въ рукѣ золотая табакерка, то одинъ изъ острыхъ угловъ этой четырехугольной табакерки ранилъ Императора подъ лѣвымъ глазомъ.

Теперь вотъ что я узналъ отъ великаго князя Константина; передамъ его слова съ буквальной точностью:

«Я ничего не подозрѣвалъ [1]) и спалъ, какъ спятъ въ 20 лѣтъ.

«Платонъ Зубовъ пьяный вошелъ ко мнѣ въ комнату, поднявъ шумъ. (Это было уже черезъ часъ послѣ кочины моего отца). Зубовъ грубо сдергиваетъ съ меня одѣяло и дерзко говоритъ: «Ну, вставайте, идите къ Императору Александру; онъ васъ ждетъ». Можете себѣ представить, какъ я былъ удивленъ и даже испуганъ этими словами. Я смотрю на Зубова: я былъ еще въ полуснѣ и думалъ, что мнѣ все это приснилось. Платонъ грубо тащилъ меня за руку и подымалъ съ постели: я надѣваю панталоны, сюртукъ, натягиваю сапоги и машинально слѣдую за Зубовымъ. Я имѣлъ, однако, предосторожность захватить съ собой мою польскую саблю, ту самую, что подарилъ мнѣ князь Любомірскій въ Ровно [2]); я взялъ ее съ цѣлью защищаться, въ случаѣ, если бы было нападеніе на мою жизнь, ибо я не могъ себѣ представить, что такое произошло.

«Вхожу въ прихожую моего брата, застаю тамъ толпу офицеровъ, очень шумливыхъ, сильно разгоряченныхъ, Уварова, пьянаго, какъ и они, сидящаго на мраморномъ столѣ, свѣсивъ ноги. Въ гостиной моего брата я нахожу его лежащимъ на диванѣ въ слезахъ, какъ Императрица Елисавета. Тогда только я узналъ объ убійствѣ моего отца. Я былъ до такой степени пораженъ этимъ ударомъ, что сначала мнѣ представилось, что это былъ заговоръ извнѣ противъ всѣхъ насъ.

«Въ эту минуту пришли доложить моему брату о претензіяхъ

---

[1]) Императоръ Александръ не захотѣлъ открыть своему брату тайну замышляемаго заговора, онъ страшился его нескромности и, быть можетъ, его честности и прямоты. Паленъ внушилъ ему также опасеніе, что если великій князь узнаетъ о проектѣ свергнуть съ престола его отца, онъ можетъ открыть все отцу въ надеждѣ погубить своего старшаго брата и самому занять его мѣсто: безъ сомнѣнія, Константинъ былъ далеко отъ подобнаго расчета, но очень вѣроятно, что онъ оказалъ бы долгое, энергичное и, быть можетъ, дѣйствительное сопротивленіе рѣшенію своего брата. Паленъ и объ этомъ подумалъ; ничто не ускользнуло отъ него.

[2]) Князь Іосифъ. Великій князь Константинъ объѣзжалъ Волынь, дѣлая смотры войскамъ, и, повидимому, былъ увлеченъ княжной Еленой Любомірской, дочерью князя Іосифа.

моей матери. Онъ воскликнулъ: «Боже мой! Еще новыя осложненія!». Онъ приказалъ Палену пойти убѣдить ее и заставить отказаться отъ идей по меньшей мѣрѣ весьма странныхъ и весьма неумѣстныхъ въ подобную минуту. Я остался одинъ съ братомъ; черезъ нѣкоторое время вернулся Паленъ и увелъ Императора, чтобы показать его войскамъ. Я послѣдовалъ за нимъ, остальное, вамъ извѣстно» [1]).

Какъ только Императоръ испустилъ духъ, всѣ убійцы разбѣжались: опять Бенигсенъ остался почти одинъ. Онъ приказалъ уложить тѣло Императора на кровать камердинера, призвалъ тридцать солдатъ лейбъ-гвардіи съ офицеромъ (Константинъ Полторацкій), разставилъ вездѣ часовыхъ, двоихъ со крещенными ружьями у дверей въ покои Императрицы. Вскорѣ она прибѣжала; дверь была отперта, неизвѣстно, кѣмъ и какъ [2]). Часовые загородили ей проходъ; она вспылила и хотѣла пройти. Они оказали сопротивленіе. Полторацкій пришелъ сказать ей, что она не пройдетъ, что ему дано приказаніе не пропускать ее; она

---

[1]) Великій князь всегда питалъ отвращеніе ко всѣмъ участникамъ этого заговора; онъ называлъ Бенигсена капитаномъ сорока пяти, намекая на убійство герцога Гиза въ Блуа, совершенное ротой гвардіи Генриха III, состоявшей изъ 45 человѣкъ.

[2]) Есть основаніе предполагать, что это Бенигсенъ велѣлъ отворить дверь, такъ какъ она была заперта лишь со стороны комнаты Императора. Но онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ, а я забылъ спросить его, можетъ быть, онъ ждалъ оттуда колонну Палена.

Всѣ солдаты и офицеры караула Михайловскаго дворца были посвящены въ секретъ заговора, за исключеніемъ ихъ командира: это былъ нѣмецъ, очень глупый и ничтожный, нѣкто Пейкеръ. Прежде онъ состоялъ въ морскихъ батальонахъ, образовавшихъ до смерти Императрицы Екатерины гатчинское войско и включенныхъ Павломъ, по вступленіи его на престолъ, въ составъ его гвардіи.

Одинъ изъ гайдуковъ, бѣжавшихъ изъ передней Императора, побѣжалъ въ караулъ и позвалъ на помощь, крича, что убиваютъ государя. Если-бъ на дежурствѣ былъ другой полкъ, а не Семеновскій, или, можетъ быть, если-бъ у нихъ былъ другой начальникъ, болѣе рѣшительный, то возможно (хотя мало вѣроятно), что онъ явился бы во-время, чтобы предупредить убійство: солдаты, хотя и подкупленные, можетъ быть, не посмѣли бы ослушаться, въ неувѣренности насчетъ того, удался ли заговоръ, но Пейкеръ растерялся: онъ спросилъ совѣта у офицеровъ, которые, чтобы выиграть время, посовѣтовали ему сдѣлать докладъ командиру полка, генералу Депрерадовичу, что онъ и исполнилъ очень глупо и очень подробно.

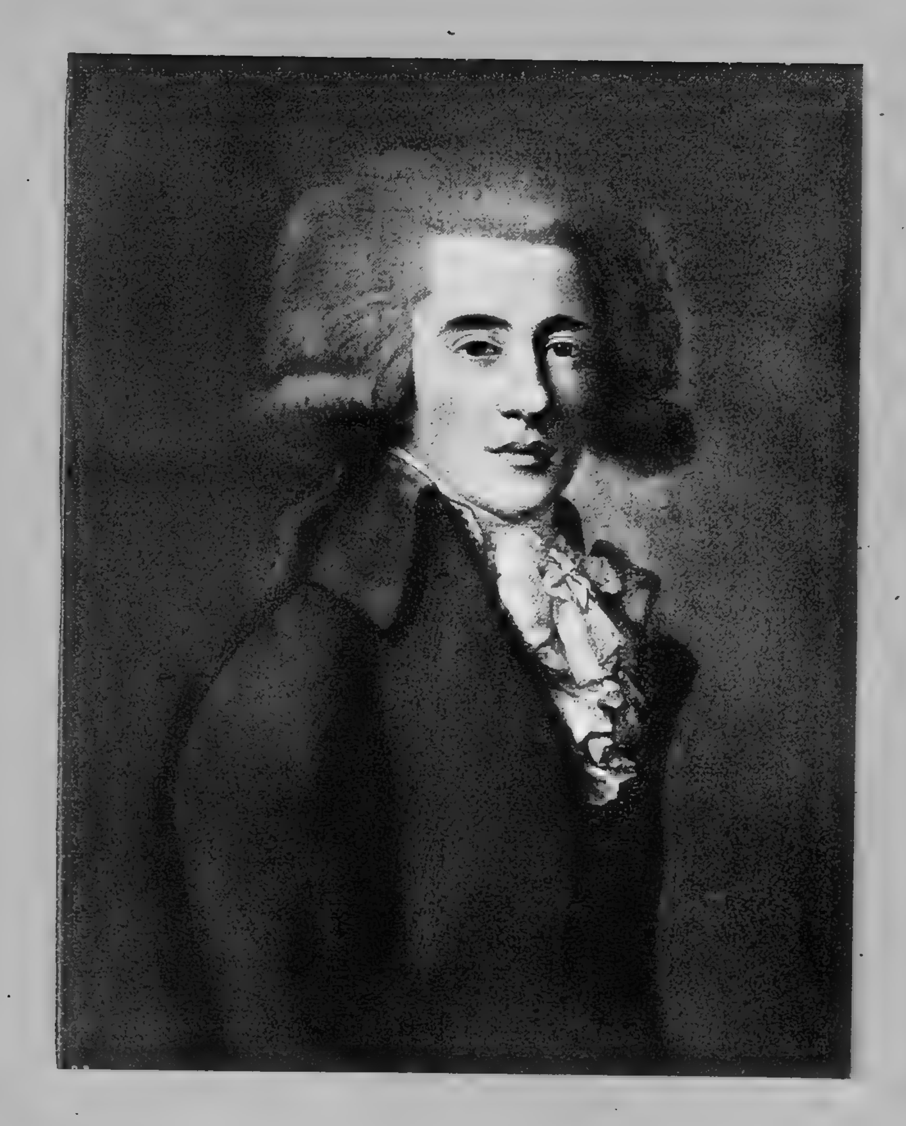
отвѣтила рѣзкостью, и наконецъ ей сдѣлалось дурно. Одинъ гренадеръ, по имени Перекрестовъ, принесъ стаканъ воды и подалъ ей, она отказалась. Тогда гренадеръ сказалъ: «Выкушайте, матушка, вода не отравлена, не бойтесь за себя». Онъ самъ выпилъ часть воды и предложилъ ей остальное. Она выпила и вернулась въ свои аппартаменты [1]). Въ эту минуту разсудокъ у нея совсѣмъ помутился, ея характеръ и честолюбіе одержали верхъ надъ горестью, которую она должна была бы испытывать; она воскликнула, что она коронована, что ей подобаетъ царствовать, а ея сыну принести ей присягу. Побѣжали доложить объ этомъ Императору Александру, а онъ послалъ Палена успокоить мать, какъ видно изъ разсказа, приведеннаго выше. Изъ этого можно судить о чувствительности и о супружеской любви Императрицы Маріи.

Между тѣмъ войска гвардіи выстроились во дворѣ и вокругъ дворца; какъ видно, въ нихъ не были увѣрены, и событія это подтвердили. Молодой генералъ Талызинъ командовалъ Преображенскимъ полкомъ, въ которомъ всегда служилъ; онъ собралъ его въ одиннадцать часовъ вечера, приказалъ зарядить ружья и сказалъ солдатамъ: «Братцы, вы знаете меня 20 лѣтъ, вы довѣряете мнѣ, слѣдуйте за мною и дѣлайте все, что я вамъ прикажу». Солдаты пошли за нимъ, не зная, въ чемъ дѣло, и убѣжденные, что они призваны для защиты своего государя; но когда они узнали, что отъ нихъ скрыли, между ними поднялся тревожный ропотъ.

Императоръ Александръ предавался въ своихъ покояхъ отчаянію, довольно натуральному, но неумѣстному. Паленъ, встревоженный образомъ дѣйствія гвардіи, приходитъ за нимъ, грубо

---

[1]) Какъ только Паленъ узналъ о смерти Императора, онъ отправился къ г-жѣ Ливенъ, гувернанткѣ молодыхъ великихъ княженъ и близкому другу императрицы Маріи; онъ разбудилъ ее и поручилъ ей сообщить эту страшную вѣсть Императрицѣ. Г-жа Ливенъ съ трудомъ рѣшалась на это, но Паленъ заставилъ ее, сказавъ ей, что она единственная особа, которой можно довѣрить подобное порученіе. Г-жа Ливенъ разбудила Императрицу и сообщила ей, что съ Императоромъ апоплексическій ударъ, и что ему очень дурно. «Нѣтъ», воскликнула она: «онъ умеръ, его убили!» Г-жа Ливенъ не могла далѣе скрывать истины; тогда Императрица бросилась въ спальну своего мужа, когда ее не пропустили. Паленъ ходилъ къ г-жѣ Ливенъ по приказанію Императора Александра.

Графъ Никита Петровичъ

ПАНИНЪ.

Работы Вуаль.

хватаетъ его за руку и говоритъ: «Будетъ ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардіи». Онъ увлекъ Императора и представилъ его Преображенскому полку. Талызинъ кричитъ: «Да здравствуетъ Императоръ Александръ!»—гробовое молчаніе среди солдатъ. Зубовы выступаютъ, говорятъ съ ними и повторяютъ восклицаніе Талызина,—такое же безмолвіе. Императоръ переходитъ къ Семеновскому полку, который привѣтствуетъ его криками «ура!». Другіе слѣдуютъ примѣру семеновцевъ, но преображенцы попрежнему безмолвствуютъ. Императоръ садится въ сани съ Императрицей Елизаветой и ѣдетъ въ Зимній дворецъ всѣ слѣдуютъ за нимъ. Онъ велитъ созвать войска на Дворцовую площадь, войска повинуются, но все тотъ же Преображенскій полкъ ропщетъ и, очевидно, подозрѣваетъ, что Павелъ еще живъ [1]). Когда же полкъ убѣдился въ его смерти, онъ принесъ присягу Александру, какъ и остальныя войска [2]).

Наскоро созванъ былъ сенатъ и всѣ присутственныя мѣста; они также приведены были къ присягѣ. Императрица Марія волей-неволей присоединилась къ остальнымъ подданнымъ своего сына; въ девять часовъ утра водворилось полное спокойствіе, и Императоръ Александръ упрочился на престолѣ.

Эта революція, столь внезапная, не сопровождалась кровопролитіемъ, какъ переворотъ 1762 года, а стоила жизни только самому Императору. Революція, лишившая имперіи Іоанна VI, окончилась черезъ 4 часа, революція, жертвой которой палъ Петръ III, продолжалась 24 часа, и наконецъ третья революція, въ коей погибъ Павелъ, длилась всего 2 часа.

Эти страшныя катастрофы, повторявшіяся въ Россіи три раза въ теченіе столѣтія, безъ сомнѣнія, самые убѣдительные изъ всѣхъ аргументовъ, какіе можно привести противъ деспотизма: нужны преступленія, чтобы избавиться отъ незаконности, отъ безумія или отъ тираніи, когда они опираются на деспотизмъ; въ конституціонномъ государствѣ [3]) незаконность не можетъ имѣть

[1]) Это доказываетъ, что если-бъ Павелъ не умеръ и былъ заточенъ въ крѣпость, то гвардія освободила бы его и тогда!!!

[2]) Увѣряли, что принуждены были нѣсколькимъ солдатамъ показать трупъ Императора Павла.

[3]) Оберъ-камергеръ Александръ Нарышкинъ былъ арестованъ, не знаю, за что, такъ какъ онъ былъ неопасенъ; его отвели на гауптвахту и онъ отдѣлался тѣмъ, что его немного посѣкъ Николай Зубовъ, и тѣмъ что онъ сильно трусилъ часа два.

мѣста, безуміе прикрывается [1]), а тиранія не смѣетъ развернуться, слѣдовательно не нужно преступленій, чтобы занять престолъ и удержаться на немъ.

Какъ деспотъ могуществен и слабъ въ одно и то же время! Павелъ, неограниченный властелинъ, управлялъ 36-ю милліонами людей и царилъ надъ 400.000 квадратныхъ миль; а между тѣмъ взводъ его гвардіи и 60 заговорщиковъ свергли его съ этого исполинскаго престола!

Вилліе, хирургъ Семеновскаго полка, предупрежденный о заговорѣ, прибѣжалъ въ спальню Павла, какъ только ему сообщили о его смерти; онъ убралъ тѣло для выставленія, которое совершалось согласно обычаю, установленному въ Россіи. Рана, сдѣланная ему Николаемъ Зубовымъ, говорятъ, была замазана лакомъ.

Въ Европѣ распространился слухъ (его пустилъ Паленъ), будто Павелъ хотѣлъ развестись съ женою, жениться на княгинѣ Гагариной, разведя ее съ мужемъ, заточить въ крѣпость своихъ трехъ старшихъ сыновей и провозгласить своимъ наслѣдникомъ маленькаго великаго князя Михаила, родившагося уже въ бытность Павла на престолѣ. Этотъ слухъ оказывается страшнѣйшей клеветой; онъ былъ опровергнутъ Коцебу въ его интересной и правдивой брошюрѣ, озаглавленной: «Одинъ памятный годъ въ моей жизни», а я слышалъ отъ генерала Кутузова, бывшаго тогда въ Петербургѣ, что никогда не было и рѣчи о подобныхъ сумасбродствахъ, и что даже наканунѣ смерти Павелъ казался очень расположеннымъ къ женѣ и дѣтямъ, а извѣстно, что его характеръ никогда не позволилъ бы ему скрывать свои намѣренія.

Говорили также, что въ самый день смерти Павелъ, взглянувъ на себя въ зеркало, сказалъ: «Мнѣ кажется, какъ будто у меня сегодня лицо кривое!» Этотъ фактъ вѣренъ, и вотъ какъ Кутузовъ мнѣ разсказывалъ о немъ:

«Мы ужинали вмѣстѣ съ Императоромъ; насъ было 20 человѣкъ за столомъ; онъ былъ очень веселъ и много шутилъ съ моей старшей дочерью, которая въ качествѣ фрейлины присут-

---

[1]) Въ наши времена мы видѣли въ Англіи примѣръ, что безуміе у монарха нисколько не мѣшало конституціонному правленію.

ствовала за ужиномъ и сидѣла противъ Императора. Послѣ ужина онъ говорилъ со мною, и пока я отвѣчалъ ему нѣсколько словъ, онъ взглянулъ на себя въ зеркало, имѣвшее недостатокъ и дѣлавшее лица кривыми. Онъ посмѣялся надъ этимъ и сказалъ мнѣ: «Посмотрите, какое смѣшное зеркало: я вижу себя въ немъ съ шеей на сторону». Это было за полтора часа до его кончины». (Кутузовъ не былъ посвященъ въ заговоръ).

Послѣ смерти Павла, Паленъ былъ сперва утвержденъ во всѣхъ его должностяхъ и получилъ громадное вліяніе на умъ императора Александра; онъ слишкомъ злоупотреблялъ своей властью, онъ черезчуръ долго третировалъ своего государя, какъ ребенка (Александру было, однако, 22 года и, конечно, онъ уже не былъ ребенкомъ ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Паленъ заставилъ себя бояться, не заставивъ себя любить).

Императрица Марія терпѣть его не могла, какъ и всѣхъ участниковъ въ убійствѣ своего мужа; она преслѣдовала ихъ неустанно и наконецъ успѣла всѣхъ ихъ или удалить, или уничтожить ихъ вліяніе, или же подорвать ихъ карьеры.

Вскорѣ послѣ катастрофы, которою она казалась такъ сильно, но немного поздно тронутой, она приказала соорудить въ своемъ павловскомъ саду прекрасный памятникъ Павлу, который и поставила въ часовнѣ; потомъ ея стараніями объявилась въ церкви одной деревни чудотворная икона Божьей Матери, которая говорила и призывала кару небесъ на убійцъ ея мужа.

Паленъ поскакалъ въ эту деревню, велѣлъ сорвать икону и не пощадилъ Императрицы-матери, которая пожаловалась своему сыну. Императоръ заговорилъ объ этомъ съ Паленомъ, тотъ отвѣчалъ дерзко и заносчиво. Александръ былъ оскорбленъ и далъ понять, что онъ тяготится своимъ менторомъ. Императрица достигла того, что неосторожный министръ впалъ въ немилость. Сразу лишенный всѣхъ своихъ должностей и принужденный удалиться въ Курляндію, въ свои помѣстья, онъ сталъ проводить время попеременно то въ прекрасномъ замкѣ Екавѣ, возлѣ Митавы, то въ Ригѣ.

Генералъ Бенигсенъ былъ также предметомъ яростной ненависти со стороны Императрицы-матери; она потребовала отъ сына, чтобы онъ никогда не жаловалъ ему маршальскаго жезла,

хотя никто не заслужилъ этой почести больше его, но она не могла помѣшать Императору ввѣрить командованіе войсками единственному великому генералу, котораго онъ могъ съ выгодой выставить противъ Наполеона, единственному, которому удалось остановить быстрое теченіе его успѣховъ, и который, можетъ быть, окончательно восторжествовалъ бы надъ непріятелемъ, если бъ ему не помѣшали разныя козни.

Князь Платонъ Зубовъ принужденъ былъ по прошествіи нѣкотораго времени переселиться въ Курляндію, въ свой великолѣпный замокъ Руэнталь. Затѣмъ онъ жилъ и въ Митавѣ и въ Вильнѣ [1]).

Панинъ былъ также удаленъ и больше не появлялся въ Петербургѣ.

Талызинъ умеръ 3 мѣсяца спустя послѣ Императора.

Всѣ офицеры гвардіи, участвовавшіе въ заговорѣ, постепенно, одинъ за другимъ, подверглись опалѣ или были сосланы, а къ концу года въ Петербургѣ не оставалось болѣе ни одного изъ заговорщиковъ, исключая Зубовыхъ, которые тамъ и умерли.

На первой страницѣ сказано, что во время смерти Павла я находился въ Литвѣ. Извѣстіе о его кончинѣ я получилъ въ Корбинѣ, куда я поѣхалъ изъ Бреста съ генераломъ Милорадовичемъ. Въ Корбинѣ стоялъ тогда Тамбовскій полкъ, командиромъ коего былъ генералъ Ферстеръ. Курьеръ, донесшій намъ о смерти Императора, сказалъ, что онъ умеръ отъ апоплесическаго удара. Мы этому повѣрили: Ферстеръ, Милорадовичъ и я встрѣтили это извѣстіе съ сожалѣніями, для насъ вполнѣ законными. Быть можетъ, мы были единственными людьми въ Россіи, которые искренно оплакивали его. Мы не можемъ не сознавать его недостаткомъ и его промаховъ. Но мы проливали слезы на могилѣ нашего благодѣтеля, и наши сожалѣнія еще усилились, когда мы узнали, какой смертью онъ погибъ.

---

[1]) Когда Платонъ сталъ замѣчать, что его положеніе пошатнулось, ему пришла въ голову мысль пойти къ великому князю Константину оправдываться въ томъ, что онъ дерзнулъ поднять руку на Императора. Великій князь отвѣчалъ ему: «Ну, князь, qui s'excuse—s'accuse», и повернулся къ нему спиной.

Изъ бумагъ графа Н. П. Панина.

Марія Феодоровна. Правительственный вопросъ. Участіе Александра.

Письмо Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. [1])

Ваше Величество!

Неблагодарность предполагаетъ всегда благодѣянія, я же никогда не получилъ ни одного отъ покойнаго Императора, такъ какъ одинъ орденъ, вырванный моими заслугами при его недоброжелательствѣ, и повышенія, добытыя одинаковымъ образомъ черезъ мою службу, послѣ того какъ я двадцать разъ былъ обойденъ ими—не благодѣянія.

Очень далекій отъ того, чтобы оказать мнѣ какое-либо изъ нихъ, Императоръ преступилъ обязательства, въ которыхъ онъ условился съ моимъ отцомъ въ знакъ благодарности за то, что онъ былъ обязанъ моему имени. Итакъ я не говорю, Ваше Величество, что я не виноватъ въ неблагодарности, я скажу болѣе: я не могъ быть виноватымъ въ такой низости.

Но, если дѣло касается тайной переписки съ Вашимъ Августѣйшимъ Сыномъ, то, чтобы судить о ней, надо видѣть ее всю, и было бы достаточно показать Вамъ письма Императора, чтобы убѣдить Ваше Величество въ томъ, что Вы не можете обвинить меня безъ того, чтобы отрѣчься отъ Вашей собственной Крови.

Мое поведеніе, тѣ мотивы, которые побудили меня дѣйствовать такъ, могутъ—должны даже—не нравиться супругѣ Павла, не переставая, однако, быть изъ числа тѣхъ, которые повелѣва-

---

[1]) Копія съ конспекта, найденнаго въ бумагахъ Н. П. Панина.

Неизвѣстно, когда было написано это письмо (въ 1801 г. или 1807 г. и было ли оно отослано? Эти документы напечатаны были лишь Шимановъ за границею.

ютъ общественнымъ дѣятелемъ. Такъ какъ общественный дѣятель отнюдь не долженъ останавливаться передъ личными интересами. Я рисковалъ бо̀льшимъ, чѣмъ немилостью Вашего Величества; я рисковалъ жизнью, чтобы извлечь государство изъ пропасти.

Покойный мой дядя и мой второй отецъ, память котораго еще чтитъ Ваше Величество, проектировалъ регенство, чтобы спасти государство. Онъ находилъ возможнымъ повѣдать объ немъ супругѣ правящаго Государя.

Льстя себя надеждой, что она вручитъ скипетръ законному наслѣднику, когда тотъ достигнетъ совершеннолѣтія, мой дядя ошибался и онъ сохранилъ по справедливости уваженіе Вашего Величества. Господь, Источникъ всякой справедливости, судитъ намѣренія, а не послѣдствія ихъ. Мой дядя не допустилъ человѣческому честолюбію войти въ свои расчеты и Ваше Величество никогда не вмѣняла это ему въ вину.

Не обладая его достоинствами, но охваченный такою же любовію къ отечеству, коей примѣры мнѣ не надлежитъ искать внѣ своего семейства, я хотѣлъ также спасти Имперію отъ вѣрнаго разрушенія, и Ваше Величество не можетъ быть судьей закономѣрности моихъ мотивовъ. Правосудіе отвергаетъ ея показанія, потому что оно должно быть пристрастнымъ.

Я хотѣлъ, повторяю, вручить правленіе Вашему Августѣйшему Сыну. Я думалъ, что, руководя самъ такимъ щекотливымъ выполненіемъ моего проекта, Онъ этимъ самымъ отдалитъ злодѣевъ, которые всегда ищутъ воспользоваться политическимъ волненіемъ.

Сознаюсь, что я совершилъ этимъ большую ошибку; но, если Императоръ передалъ въ предательскія руки тотъ планъ, который я ему представилъ для спасенія государства, то развѣ это меня, Ваше Величество, подобаетъ обвинить? Меня, котораго Провидѣніе помѣстило за 800 верстъ отъ мѣста катастрофы, меня, чья непорочность побужденій доказана въ этихъ самыхъ письмахъ, изъ которыхъ хотятъ сдѣлать обвинительные документы [1]).

Если человѣкъ пользуется безъ моего вѣдома моими заблу-

---

[1]) Изъ этого слѣдуетъ, при полной очевидности, что Панинъ переписывался съ Александромъ объ отреченіи Павла, и что государынѣ попалось въ руки самое незначительное изъ этихъ писемъ.

жденіями, чтобы совершить злодѣяніе, то причтется ли это мнѣ у Всевышняго Правосудія?

Мой дядя не могъ предвидѣть всего и, однако, память его всегда чтима благосклонностью Вашего Императорскаго Величества, а его пріемный сынъ, поставленный въ тѣ же условія, становится предметомъ Вашей ненависти за то, что также не могъ предвидѣть всего.

Такъ же нелѣпо, такъ же несправедливо и не менѣе оскорбительно смѣшивать мое имя съ именами убійцъ Павла I, какъ и смѣшивать его съ именами убійцъ его Отца. Никто не подумалъ объ этомъ послѣ революціи 1762 года и никто, тѣмъ болѣе, не можетъ позволить себѣ этого послѣ революціи въ 1801 году!..[2])

Обо мнѣ ходатайствовали передъ Императрицей - Матерью безъ моего вѣдома и, слѣдовательно, безъ моего желанія. Если бы я былъ предупрежденъ объ этомъ, я не допустилъ бы до этого, потому что эта Государыня въ силу признательности обязана мнѣ тѣмъ заступничествомъ, которое выпрашивали у Нея, какъ благодѣянія.

По восшествіи на престолъ императора Павла I я не побоялся гнѣва этого Государя, громко изъявляя свою почтительность и преданность его супругѣ. Въ царствованіе Императора Александра я горячо принялъ ея сторону, когда графъ Паленъ пытался очернить въ глазахъ Императора эту Августѣйшую Государыню, по поводу извѣстной картины.

Это я, одинъ я, уничтожилъ возбужденное недовѣріе между ними.

Любовь къ истинѣ заставляетъ меня однако прибавить, что Императрица можетъ и не знать о заслугѣ, которую я оказалъ ей въ этомъ случаѣ. Я же никогда не пытался поставить себѣ это въ заслугу и хранилъ эту тайну до сего дня.

Правда, что я обладаю одной автобіографической бумагой, которая можетъ доказать до очевидности, что все, что я обдумывалъ и предлагалъ для спасенія государства за нѣсколько дней до смерти Императора Павла *имѣло согласіе его сына.* Но я никогда не воспользуюсь этимъ документомъ передъ Императри-

---

[2]) На этомъ мѣстѣ письмо оканчивается; остальная переписка должна быть отнесена къ первымъ годамъ царствованія Николая I.

цей-Матерью, т. к. оно могло бы быть перетолковано въ неблагопріятномъ смыслѣ касательно Императора Александра, и потому еще, что хочу уважать за гробомъ въ лицѣ Государя, отрекшагося отъ меня и даже въ самихъ его заблужденіяхъ, любовь Матери.

Впрочемъ, чтеніе бумаги, о которой идетъ рѣчь, будетъ безполезно для убѣжденія Императрицы-Матери въ томъ, что мои сношенія съ покойнымъ Императоромъ Александромъ до восшествія его на престолъ, не могутъ безъ вопіющей несправедливости служить поводомъ тому обращенію, которое я переношу.

Назначеніе меня министромъ и довѣріе, которымъ почтилъ меня этотъ Государь, достаточно доказываютъ, что суровость въ обхожденіи со мною 4 года спустя не можетъ имѣть причиной никакой поступокъ, совершенный до его царствованія.

Императору Александру.

То, что Ваше Величество сказалъ вчера вечеромъ относительно событія, возведшаго его на престолъ, повергло меня въ глубокую печаль. Если онъ считаетъ меня виновникомъ того поступка, который, по его мнѣнію, предосудителенъ для его славы, то мое присутствіе, можетъ быть для него только ненавистнымъ.

Я готовъ избавить его отъ себя и бросить все (исключая жены и дѣтей), чтобы ѣхать оплакивать въ добровольной ссылкѣ несчастіе потерять довѣріе Государя, для котораго я съ радостью отдалъ бы всю свою жизнь.

Одного слова, одного жеста Вашего Величества достаточно для этого!

Но я унесу съ собою въ могилу искреннее убѣжденіе, что я служилъ своей родинѣ, осмѣлясь первымъ развернуть передъ Вашими глазами прискорбную картину опасностей, которыя угрожали гибелью Имперіи.

Вашъ и т. д.

Правда объ убійствѣ Императора Павла I.

По разсказу графа Бенигсена.

Царствованіе Павла I, Императора Россіи, въ первые годы обѣщало быть счастливымъ, т. к. онъ выказывалъ таланты правителя; но вскорѣ стали обнаруживаться въ немъ многія деспотическія качества. (Paul avait un coeur sensible et beaucoup d'esprit naturel, mais il lui (?) manquait de judement... [1]). Господствующей чертой его характера была безграничная подозрительность. Онъ боялся быть отравленнымъ даже своею матерью—о чемъ свидѣтельствуютъ множество извѣстныхъ анекдотовъ.

Однажды во время подобнаго приступа подозрительности, въ которомъ старались укрѣплять его фавориты, онъ вздумалъ было бѣжать къ уральскимъ казакамъ съ тѣмъ войскомъ, которое Императрица дала ему для потѣхи и воинскихъ упражненій.

Для этой цѣли онъ тайно велѣлъ осмотрѣть дорогу. Его планъ былъ таковъ: выдать себя за Петра III, а самого себя объявить умершимъ... и т. д.

Чтобы пріобрѣсти себѣ перевѣсъ противъ матери, онъ выдавалъ большое количество пенсій фаворитамъ всѣхъ классовъ и самъ втайнѣ надѣлялъ аннинскимъ орденомъ на шпагу; кавалеры ордена обязаны были крестъ, что носился поверхъ чашки у шпаги, носить его въ низу оной и получали значительный окладъ. Какъ только онъ сдѣлался царемъ, то возвысилъ своихъ прежнихъ любимцевъ самымъ невѣроятнымъ образомъ до высшихъ должностей, и наоборотъ, совершенно произвольно

---

[1]) (Павелъ имѣлъ чувствительное сердце и много природнаго ума, но ему не доставало разсужденія).

низвергнулъ самыхъ доблестныхъ мужей предыдущаго царствованія.

Съ каждымъ годомъ число подобныхъ деспотическихъ поступковъ все увеличивалось и выродилось, наконецъ, въ явную жестокость. Ежедневно по самому незначительному поводу онъ угрожалъ не только вельможамъ Имперіи но и самому своему семейству ссылкою въ Сибирь, наказаніемъ кнутомъ (что при помощи живодера и при немногихъ ударахъ оканчивалось смертью) и даже смертной казнью, что въ Россіи не практиковалось и что онъ охотно желалъ опять ввести.

За малѣйшіе проступки, о которыхъ доносили ему его шпіоны, онъ наказывалъ, какъ за величайшіе. Если даже, вопреки его запрету, носили круглую фуражку—что онъ считалъ знакомъ якобинства, или, если при встрѣчахъ съ нимъ кланялись ему, по его мнѣнію, не довольно почтительно, то это считалось уже за уголовное преступленіе. Каждый мужчина, также и каждая женщина обязаны были хотя бы въ самый сильный морозъ или среди непролазной грязи, выходить изъ экипажа и дѣлать ему установленный этикетомъ глубокій поклонъ.

Поэтому всѣ улицы Петербурга, по которымъ, какъ узнавали, ему должно было проѣзжать, мгновенно пустѣли.

Его жестокость и преувеличенныя наказанія за самые малѣйшіе проступки были главной причиной всеобщей къ нему ненависти. Изъ наказаній въ послѣднее время особенно были извѣстны: поступокъ съ пасторомъ Зейлеромъ, жестокость противъ одного молодого человѣка изъ знатнѣйшей фамиліи, который ухаживалъ за дамой, нравящейся также и Императору, и приговореніе къ смертной казни одного офицера за ничтожный проступокъ.

Въ своихъ финансовыхъ операціяхъ онъ былъ такой же деспотъ и расточалъ единственно ради своей прихоти, силою присвоенныя, огромныя суммы.

Преимущественно случалось это для войскъ, когда ему приходило на умъ мобилизировать ихъ безо всякой надобности со стороны государства. Ни арміи, ни народу одинаково не нравилось, что онъ все устраивалъ на прусскій образецъ и одѣвалъ войско не національно и не сообразно съ климатомъ. Чтобы добыть скорѣе средства, онъ самопроизвольно увеличивалъ ко-

личество бумажныхъ денегъ, вопреки царскому обѣщанію Екатерины II; вслѣдствіе чего кредитъ чрезвычайно упалъ. Въ политикѣ деспотическій умъ Государя отличался тѣмъ же, только съ примѣсью жажды авантюризма. То онъ дѣлается ярымъ завоевателемъ республиканской Франціи и потому въ тѣсномъ союзѣ съ Англіей, то домогается дружбы у той же Франціи изъ-за ненависти къ Англіи, и даже хочетъ запретить этой послѣдней входъ въ Балтійское море къ вящему стыду своей собственной страны; то съ энтузіазмомъ относится къ Пруссіи, то враждебно настроенъ противъ нея и даже имѣлъ намѣреніе завоевать старую Пруссію. На испанскій престолъ онъ хотѣлъ возвести, одного изъ состоящихъ у него на службѣ, испанца по фамиліи Касторъ-де-ла-Фердо и затѣмъ женить его на одной нѣмкѣ, пользовавшейся царской благосклонностью.

Даже самъ Людовикъ XVII, жившій подъ покровительствомъ Павла, такъ много страдалъ отъ прихотей послѣдняго, что сталъ тяготиться его благодѣяніями.

Подобные политическіе и многіе другіе промахи возбудили въ высшихъ слояхъ общества столицы, наиболѣе страдавшей отъ его преслѣдованій, и въ офицерахъ арміи желаніе, необычное въ Россіи—насильственнаго государственнаго переворота въ правленіи; при томъ же кроткій нравъ престолонаслѣдника, Великаго князя Александра, подавалъ надежду на лучшія времена.

Императоръ Павелъ получалъ множество анонимныхъ увѣдомленій о господствующемъ неудовольствіи, которыя часто приводили его подозрительный нравъ въ ярость. Но онъ ни боялся ни за свою особу, ни за безопасность престола, т. к. онъ былъ весьма суевѣренъ, а одно предсказаніе, полученное имъ, гласило: что онъ будетъ продолжать счастливо и безмятежно царствовать, если это такъ случится въ началѣ его правленія. Этимъ можно объяснить дарованный въ первые годы его царствованія народу благодарственный манифестъ, въ которомъ онъ благодарилъ его за вѣрность и послѣ чего вернулъ изъ Сибири всѣхъ, невинно имъ сосланныхъ. Онъ вызвалъ ихъ въ Петербургъ съ обѣщаніемъ принять опять на службу, но т. к. этого тотчасъ же сдѣлать было нельзя, то этимъ самымъ онъ приблизилъ къ себѣ множество враговъ.

Опасаясь, что, имѣя передъ глазами ужасный примѣръ рево-

люціи во Франціи, народъ, слѣпо перенимающій все у Франціи, не послѣдовалъ бы ему для низверженія престола и въ Россіи.

Тогдашній вице-канцлеръ, графъ Панинъ и берлинскій посланникъ, адмиралъ Рибасъ задумали по этому примѣру другой планъ, гдѣ вся революція должна быть произведена въ стѣнахъ дворца. (Адмиралъ умеръ передъ выполненіемъ этого). Панинъ предложилъ сперва этотъ планъ Великому князю и потомъ повторилъ это предложеніе вмѣстѣ съ тамошнимъ генералъ-губернаторомъ Петербурга, графомъ Паленымъ, пользовавшимся у Государя полнымъ довѣріемъ.

Этому молодому, запуганному Великому князю, чья жизнь, какъ и всего его семейства ежедневно находилась въ опасности, представили слѣдующее: что самое горячее желаніе народа, отчего зависѣло его благополучіе, было — возвести его, Великаго князя, вмѣсто его отца на престолъ, какъ соправителя и что Сенатъ, какъ представитель націи безъ содѣйствія Великаго князя принудитъ Государя признать перваго соправителемъ. Сперва Великій князь не соглашался рѣшиться на этотъ замыселъ, но когда, наконецъ, его уговорили признать необходимымъ подобное предложеніе, онъ далъ на него свое согласіе, откладывая выполненіе его со дня на день. Многія причины, изъ которыхъ не малая—открытіе заговора и вѣчныя угрозы государя своему семейству, къ чему подавали поводъ извѣщенія о заговорѣ—заставили наконецъ Великаго князя объявить срокъ скорѣйшаго выполненія.

Неосторожныя слова Государя, сказанныя въ раздраженіи противъ своей любимицы княгини Гагариной, урожд. Лопухиной и противъ своего любимца, графа Кутайсова, котораго онъ изъ простолюдиновъ возвысилъ до высшей должности, ускорили ходъ этого событія.

А именно Государь угрожалъ такъ: онъ нанесетъ скоро свой «grand coup», какъ онъ выразился [1]). Объ этой фразѣ было донесено графу Палену, какъ сказано выше, губернатору С.-Петербурга, министру иностранныхъ дѣлъ и полиціи, который пользовался полнымъ довѣріемъ у Императора.

---

[1]) «Скоро я вынужденъ буду приказать отрубить головы, которыя мнѣ нѣкогда были такъ дороги»

И этотъ боялся, что царская подозрительность, которую Паленъ всегда умѣлъ успокаивать, возьметъ верхъ на этотъ разъ и что жизнь заговорщиковъ и его находится въ опасности. Онъ зналъ намѣреніе Императора заключить все свое семейство; (Царица должна быть отвезена въ Холмогоры за Архангельскъ; Великій князь—въ Шлюссельбургъ, а Константинъ, который ничего не зналъ о заговорѣ—въ Петербургскую крѣпость). Опасность казалась Палену еще очевиднѣе потому, что незадолго до этого два сосланные, прежніе фавориты царя,—Аракчеевъ и Линденеръ были вызваны безъ его вѣдома изъ Сибири [1]). Паленъ поспѣшилъ увѣдомить Великаго князя о своихъ опасеніяхъ и вынудилъ его высказаться опредѣленнѣе о принятіи соправительства.

Онъ увѣрилъ его, что къ этому было уже все приготовлено и что ни государству, ни царскому семейству не угрожаетъ никакая опасность; но, что при дальнѣйшемъ замедленіи неминуемо въ государствѣ вспыхнетъ всеобщая революція.

Великій князь со слезами на глазахъ далъ, наконецъ, согласіе принять на себя соправительство.

Заговоръ при такомъ большомъ количествѣ соучастниковъ не могъ больше держаться въ тайнѣ. Къ этому же присоединялся всеобщій голосъ противъ Царя, раздававшійся еще задолго до обнаруженія заговора. Напримѣръ всѣ офицеры I баталіона Семеновскаго Великаго князя полка до юнкеровъ включительно были освѣдомлены объ этомъ.

Нечаяннымъ случаемъ чуть было не открылось все Государю, который, какъ сказано, былъ неоднократно предостерегаемъ анонимными письмами и часто говорилъ, что онъ хорошо знаетъ, что его хотятъ убить, если бы графъ Паленъ не выказывалъ при подобныхъ сценахъ большого присутствія духа. Въ ка-

---

[1]) Первый по восшествіи Павла на престолъ былъ возвышенъ въ одну недѣлю изъ артиллерійскихъ поручиковъ до чина генералъ-лейтенанта. Государь во время своего путешествія, предпринятаго въ бытность его Велик. княземъ въ отдаленныя губерніи, познакомился съ Аракчеевымъ, когда тотъ устроилъ фейерверкъ въ честь Императора; второй былъ прусскій офицеръ, вступившій на русскую службу съ необыкновенными преимуществами. Потомъ оба были сосланы по прихоти Императора въ Сибирь.

чествѣ губернатора Петербурга и полицеймейстера онъ долженъ былъ какъ подавать Государю ежедневно рапортъ о прибывающихъ изъ губерній тайныхъ извѣстіяхъ, такъ и докладывать о столичныхъ новостяхъ; послѣднія интересовали Государя больше всего, если онѣ касались домашнихъ семейныхъ обстоятельствъ.

Итакъ однажды утромъ графъ Паленъ вошелъ по обыкновенію съ этою цѣлью въ комнату Государя, имѣя по неосторожности въ карманѣ вмѣстѣ съ рапортомъ исписанные листы заговорщиковъ. Царь встрѣтилъ его съ обычнымъ насмѣшливымъ тономъ и схватилъ ихъ у него въ карманѣ со словами: «Чѣмъ ты сегодня угостишь меня новенькимъ?» Паленъ, хотя и страшно испугался, но, не потерявъ, однако, присутствіе духа, опустилъ одновременно руку въ свой карманъ и придержалъ крѣпко листы, которые онъ узналъ ощупью по твердой бумагѣ, т. что Царь вытащилъ оттуда только одинъ рапортъ, въ которомъ Паленъ дополнялъ дѣйствительные факты вымышленными анекдотами. Государь при чтеніи ихъ помиралъ со смѣху и не замѣтилъ при томъ, вопреки своей обычной подозрительности, страшнаго замѣшательства своего генерала.

Находившіеся въ Петербургѣ главари заговора были: Паленъ и Платонъ Зубовъ (послѣдній фаворитъ Екатерины II). Панинъ былъ въ Москвѣ. Генералъ Бенигсенъ, получившій за свои подвиги въ Польскую кампанію въ подарокъ отъ Екатерины II имѣніе въ Минской губерніи, былъ вслѣдствіе Павлова каприза приговоренъ къ ссылкѣ и хотѣлъ уже туда отправиться, но былъ приглашенъ заговорщиками тайно жить въ Петербургѣ. Этотъ присоединился тоже къ соучастію въ заговорѣ, когда ему назвали Великаго князя во главѣ заговорщиковъ, и сдѣлался его самымъ дѣятельнымъ членомъ.

Изъ числа заговорщиковъ важнѣйшіе были: сенаторы; Зубовы (Николай и Валерьянъ), Орловъ, Чичеринъ, Татариновъ, князь Голицынъ, командиръ гвардіи Преображенскаго полка, Депрерадовичъ, командиръ Семеновскаго полка, генералъ Талызинъ, Уваровъ, Аршимаковъ (адъютантъ Государя), князь Ашвилли (братъ артиллерійскаго генерала) майоръ Татариновъ и другіе.

Генералъ Талызинъ далъ обѣдъ, на который онъ пригласилъ тѣхъ офицеровъ, въ коихъ наиболѣе нуждались и между кото-

рыми находилось много молодыхъ людей, бывшихъ не за долго до этого жестоко наказанными за какіе-то ничтожные проступки.

Было много выпито, и большинство изъ этихъ господъ опьянѣло. Здѣсь же въ домѣ вблизи Лѣтняго сада собралась часть солдатъ; другіе держались въ отдаленіи.

Тайный совѣтникъ Трощинскій составилъ манифестъ, гдѣ было сказано: «Государь по болѣзни избралъ Великаго князя Александра своимъ сопроводителемъ». Предвидя, что Императоръ никогда добровольно не согласится на эти рѣшительныя мѣры, то было условлено принудить его къ этому, а въ случаѣ необходимости силою заключить въ Шлиссельбургскую крѣпость. Князь Зубовъ и Генералъ Бенигсенъ взяли на себя обязанность лично переговорить объ этомъ съ Павломъ, а Уваровъ и Паленъ должны были позаботиться о внѣшней безопасности.

Согласно съ этимъ Зубовъ, Бенигсенъ и оба другіе Зубовы встали во главѣ вереницы заговорщиковъ и приказали вечернему адъютанту Императора Аршиманову вести себя въ Михайловскій дворецъ—мѣстоприбыванія Государя. Заговорщики и подвыпившіе молодые офицеры не могли держаться порядка и разгорячились словами Палена, который на обращенный къ нему вопросъ однаго изъ нихъ: что надо дѣлать, если Императоръ будетъ энергично сопротивляться?—сказалъ: Quand on veut faire des omelettes, il faut casser des oeufs! [1])

Когда подошли къ покоямъ Государя, камеръ-гусаръ, стоящій на караулѣ отворилъ по требованію состоящаго на службѣ генералъ-адъютанта Аршиманова дверь въ пріемную, а одинъ пьяный офицеръ изъ заговорщиковъ ударилъ его безо всякаго повода палкой по головѣ такъ, что тотъ закричалъ во все горло и когда оглушенный онъ упалъ, то офицеръ хотѣлъ застрѣлить его изъ пистолета, котораго, къ счастію заговорщиковъ, не оказалось.

Уже при этомъ первомъ шумѣ почти всѣ заговорщики разбѣжались и только Бенигсенъ, Зубовъ и четыре офицера остались тамъ. Первый отворилъ дверь спальни Государя, который тамъ былъ разбуженъ криками и былъ уже на ногахъ.

---

[1]) «Когда хотятъ сдѣлать яичницу, то надо разбить яйца!»

И когда Зубовъ увидалъ кроват пустой, то подумалъ что Императоръ спасся бѣгствомъ—и былъ внѣ себя. Но Бенигсенъ приблизился и нашелъ за ширмами, гдѣ горѣлъ ночникъ, Царя, стоящаго съ босыми ногами, въ одной рубашкѣ и ночной курткѣ и калпакѣ, окаменѣвшаго отъ ужаса. Зубовъ и Бенигсенъ подошли къ нему со шпагами наголо, и т. к. первый лишился мужества и потому не могъ произнести ни слова, то Бенигсенъ сказалъ: «Государь, вы арестованы!» Императоръ не отвѣтилъ ему ни слова, но дрожа всѣмъ тѣломъ обратился къ Зубову и спросилъ: «Что вы дѣлаете, Платонъ Александровичъ?» Въ эту минуту офицеръ доложилъ Зубову, что показывается дворцовая охрана, а Паленъ не приходитъ. Къ Зубову вернулось его присутствіе духа. Бенигсенъ стоялъ твердо и опять повторилъ свою первую фразу, не получа никакого отвѣта.

Императоръ сдѣлалъ при этомъ попытку бѣжать въ другую комнату, гдѣ стояли шпаги арестованныхъ офицеровъ, но ему загородили дорогу туда вновь появившіеся заговорщики, а Бенисгенъ поспѣшилъ запереть эту дверь и другую, ведущую въ комнату царицы. Тогда Императоръ закричалъ по-русски:—арестованъ! Что такое значитъ арестованъ!» и хотѣлъ силою убѣжать, но князь Яшвилли, майоръ Татариновъ и многіе другіе пьяные офицеры, которыми была наполнена вся комната, набросились на него, при этомъ ширмы упали, и началась настоящая драка.

Бенигсенъ дважды закричалъ царю: «Стойте смирно, Государь! отъ этого зависитъ ваша жизнь!»

Онъ же закричалъ еще разъ: «арестованъ! что это такое, арестованъ?»

На это одинъ офицеръ ему отвѣтилъ: «еще четыре года тому назадъ надо было бы съ тобою покончить!»

На что тотъ возразилъ по русски: «что же я сдѣлалъ?»

Въ эту минуту вошелъ Бибиковъ съ ротою солдатъ Семеновскаго полка при усиливающемся шумѣ въ пріемной, заговорщики вторично испугались этого и намѣревались бѣжать. Тогда Бенигсенъ всталъ въ дверяхъ съ обнаженною шпагою и угрожалъ заколоть каждаго, кто вздумаетъ бѣжать, при чемъ онъ закричалъ: «теперь не время отступать!» Онъ приказалъ князю Яшвилли охранять Императора и поспѣшилъ въ пріемную

Графъ Валеріанъ Александровичъ

ЗУБОВЪ.

позаботиться о размѣщенiи караула. Когда онъ черезъ нѣсколько минутъ кончилъ это и хотѣлъ направиться опять въ комнату Императора, какъ въ дверяхъ столкнулся съ пьянымъ озвѣрѣвшимъ офицеромъ, который сказалъ: «il est achevé!»

Бенигсенъ втолкнулъ обратно офицера и закричалъ: «держи! держи!» И когда онъ увидѣлъ государя лежащимъ почти на полу безъ одной капли крови, онъ не хотѣлъ вѣрить, что тотъ былъ мертвъ.

Сцена убiйства происходила слѣдующимъ образомъ: при паденiи ширмъ Царь пришелъ въ себя и началъ продолжительно кричать о помощи; онъ оттолкнулъ Яшвилли, который хотѣлъ силой удержать его, и пытался бѣжать, но оба упали на полъ въ этой рукопашной схваткѣ. Въ эту ужасную минуту гвардейскiй офицеръ Скеллертъ сорвалъ съ себя портупею и окрутилъ ею шею Императора, при чемъ Яшвилли крѣпко держалъ обнаженнаго отчаянно бившагося Монарха. Многiе другiе заговорщики, тѣснившiеся сзади, набросились на эту гнусную группу,— и Императоръ былъ задушенъ и задавленъ такъ, что многiе присутствующiе, не узнали, что произошло. По совершенiи страшнаго дѣла, всѣ были въ величайшемъ смущенiи. Подоспѣвшiй Бенигсенъ сталъ порицать случившееся со страшными угрозами виновникамъ, но тотчасъ же пришелъ въ себя, заботливо изслѣдовалъ, не сохранилась ли еще жизнь и, убѣдившись въ противномъ, велѣлъ положить трупъ на кровать. Онъ передалъ позваннымъ слугамъ, что Императоръ скончался отъ апоплексическаго удара, и приказалъ имъ надѣть умершему мундиръ.

Послѣ этого онъ послалъ одного офицера къ князю Зубову, который съ обоими братьями и Великимъ княземъ стоялъ передъ выстроившимся дворцовымъ карауломъ и тщетно приказывалъ кричать ему: да здравствуетъ Александръ! Однако же, когда пришло извѣстiе о кончинѣ Императора, всѣ солдаты тотчасъ же вскричали; «ура! новому Государю.»

Александръ казался внѣ себя отъ горя по поводу неожиданной смерти его отца, однако вскорѣ собрался съ духомъ и передалъ генералу Бенигсену команду войсками и охрану Михайловскаго дворца, въ которомъ находилась вся Императорская фамилiя.

Какъ только Паленъ тоже пришелъ въ себя, онъ получилъ

приказъ увѣдомить Императрицу о смерти Павла. Императрица пришла въ ярость при этомъ извѣстіи и грозила убійцамъ своего супруга самымъ жестокимъ наказаніемъ, т. к. она не вѣрила, чтобы смерть послѣдовала отъ апоплексическаго удара. Она настаивала видѣть трупъ, и когда ей было въ этомъ отказано, то направилась къ своей невѣсткѣ, супругѣ Александра, гдѣ начала не столько сокрушаться о смерти своего супруга, сколько проявлять волненіе другого рода, которое тоже скоро высказалось. Именно, когда генералъ Бенигсенъ пришелъ къ ней просить ее именемъ Императора Александра придти въ Зимній Дворецъ, куда тотъ направился съ Великимъ княземъ Константиномъ у ней вырвались слова: «кто Императоръ? кто называетъ Александра Императоромъ?» На что Бенигсенъ отвѣчалъ: «голосъ народа!» Она возразила: «Ахъ, я его не буду признавать!» И т. к. она на это не получила никакого отвѣта, то добавила шепотомъ: «пока онъ не дастъ мнѣ отчета въ своихъ поступкахъ въ этомъ событіи!» при этихъ словахъ она схватила Бенигсена за руку и приказала ему слушаться и вести ее въ комнату убитаго Императора. Но Бенигсенъ, все еще боявшійся солдатъ съ которыми Павелъ обходился очень хорошо и которые были крѣпко тому привержены, не тронулся этимъ, но удержалъ Иипeратрицу; на это она стала угрожать ему наказаніемъ когда-нибудь, наконецъ, заплакала и, казалось, смирилась. Бенигсенъ послѣ этого еще разъ попросилъ ее итти въ Зимній Дворецъ, а молодая Императрица поддерживала его увѣщанія своей просьбой. Это раздосадовало Императрицу-мать и она накинулась на ту со словами: Que me dites—vous? Ce n' est pas à moi à obeir, allez, obeissez, si vous voulez [1]).

Такъ какъ она ни зачто не хотѣла уйти изъ Михайловскаго дворца, не увидавъ тѣла своего супруга, то Александръ, получивъ донесеніе объ этомъ, приказалъ Бенигсену разрѣшить, если это не повлечетъ за собой какой-либо опасности, на что Бенигсенъ просилъ прислать Палена. Съ этимъ Императрица-мать имѣла бурную сцену; но онъ перенесъ взрывъ ея гнѣва хладнокровно и сказалъ ей откровенно, что онъ былъ обо всемъ увѣдомленъ,

---

[1]) Что вы мнѣ разсказываете! не мнѣ повиноваться! Идите, повинуйтесь если хотите!»

но что благополучіе страны и всей царской фамиліи оправдываетъ случившееся. Онъ прибѣгалъ къ логикѣ и ссылался на политику, чтобы успокоить Императрицу—но все было напрасно, и онъ пошелъ послѣ этого къ Императору, чтобы донести ему обо всемъ.

Тогда Императрица вторично схватила Бенигсена за руку и рѣзкими и угрожающими словами хотѣла заставить его слушаться (Madame, on ne joue pas la comedie) [1]). Но этотъ все отказывалъ ей допустить ее въ комнату покойнаго Императора до тѣхъ поръ, пока она дѣйствительно не успокоится. Наконецъ она обѣщала владѣть собой, если ей покажутъ покойника, Бенигсенъ обѣщалъ это, подалъ ей руку и повелъ ее въ сопровожденіи ея дочерей, за которыми посылали, въ комнату, гдѣ Императоръ лежалъ на кровати въ мундирѣ гвардейскаго полка.

Произошло настоящее театральное представленіе. Императрица присаживалась нѣсколько разъ, прежде чѣмъ она достигла комнаты умершаго, и вскрикивала по-нѣмецки: Gott helfe mir ertagen! [2])

Когда она вошла въ комнату, то громко вскрикнула, бросилась передъ кроватью, гдѣ лежалъ умершій, на колѣни и стала цѣловать руки Императора; потомъ попросила ножницы и отрѣзала у него прядь волосъ. Потомъ она встала и предложила Великимъ княжнамъ сдѣлать тоже самое—тѣ повиновались.

Послѣ чего Императрица-мать хотѣла итти, но внезапно вернулась, велѣла княжнамъ итти, упала опять передъ кроватью и сказала: «я хочу быть послѣдней!» Послѣ чего вернулась въ свою комнату и одѣлась въ глубокій трауръ.

Она спокойно ѣхала въ Зимній дворецъ, безъ того, чтобы собравшіяся на дорогѣ толпы народа, какъ она ожидала, что-нибудь предприняли для нея.

Семейство Куракиныхъ съ ея приверженцами льстили ее надеждой въ этомъ духѣ, если бы упраздненіе россійскаго престола послѣдовало другимъ способомъ. Это семейство было тотчасъ же удалено изъ Петербурга. Паленъ, за двусмысленную неявку въ рѣшительный моментъ сильно поплатился, и всѣ тѣ, кто принималъ дѣятельное участіе въ убійствѣ, вынуждены были тоже покинуть С. Петербургъ.

[1]) Ваше Величество, комедіи здѣсь не играютъ.
[2]) Господи, помоги мнѣ перенести!

Зубовъ уѣхалъ въ свое имѣніе, въ Курляндію, и отказался отъ дѣлъ. Генералъ Бенигсенъ удержалъ командованіе войсками, отправился съ Государемъ въ Москву для коронаціи и потомъ также уѣхалъ въ свое помѣстье, въ Минскую губернію, откуда Императоръ Александръ вызвалъ его, чтобы назначить генералъ-губернаторомъ всей Литвы и послѣ чего ввѣрилъ ему команду войсками противъ Турокъ и французовъ.

Замѣтки

о вышеизложенномъ событіи, написанныя герцогомъ Евгеніемъ Вюртембергскимъ, помѣченныя декабремъ 1836 года въ Карлсруэ въ Силезіи.

Этотъ чрезвычайно важный документъ я получилъ сперва въ январѣ 1836 года черезъ генералъ-маіора v. W., племянника генерала Бенигсена, который въ 1807 году сдѣлался вмѣстѣ со мной его адъютантомъ, и моимъ другомъ съ того же времени. Въ той статьѣ находятся нѣкоторыя противорѣчія съ моими собственными показаніями относительно вышеупомянутаго событія, хотя въ общемъ она достаточно сходится съ ними.

Во всякомъ случаѣ этотъ историческій документъ наилучшимъ образомъ послужитъ для провѣрки ихъ. Къ возникновенію этого относится слѣдующее: Генералъ Бенигсенъ въ теченіе своей долголѣтней и интересной жизни написалъ очень захватывающія записки, изъ которыхъ онъ также и мнѣ въ Вильнѣ прочелъ самъ нѣкоторыя мѣста. Позднѣе откровеннымъ сообщеніямъ генерала стали угрожать со стороны русскаго Двора. И это было, по словамъ генерала v. W. самое малое, что тотчасъ же послѣ смерти въ Германіи генерала Бенигсена были приняты мѣры сосѣднимъ русскимъ посольствомъ: запретить осиротѣлой вдовѣ покойнаго печатать оставшіяся послѣ него записки.

Предчувствовалъ ли генералъ Бенигсенъ это еще при жизни— мнѣ это неизвѣстно, но я весьма сомнѣваюсь въ его предосторожности, и въ томъ, что хотя бы малѣйшая выписка изъ его мемуаровъ находилась въ рукахъ его единственной повѣренной.

Въ январѣ 1810 г. и въ февралѣ 1812-го я стоялъ въ Вильнѣ въ горнизонѣ и бывалъ почти ежедневно у Бенигсена, жившаго въ то время въ помѣстьѣ Сакрэ близъ города. Около того же времени туда пріѣхалъ въ гости прусскій маіоръ, и генералъ не только сообщилъ ему нѣкоторыя изъ своихъ записокъ, но даже въ присутствіи князя Платона Зубова пролилъ свѣтъ на на-

стоящее положеніе вещей относительно тѣхъ дѣяній, которыя, казалось, тяжелымъ бременемъ лежали у него на сердцѣ, и обнародованіемъ коихъ онъ думалъ найти оправданіе противъ слишкомъ строгихъ открытыхъ обвиненій.

Такимъ образомъ маіоръ v. W. достигъ этого важнаго раскрытія, однако опубликованіе котораго онъ тогда считалъ несвоевременнымъ.

Прилагая здѣсь къ своимъ замѣткамъ это точное показаніе очевидца, я вмѣстѣ съ тѣмъ думаю прибавить къ нему разоблаченіе дѣйствій, относящихся и ко мнѣ, которыя до сего времени покрыты были мракомъ.

Участіе Императора Александра I въ заговорѣ противъ своего отца и показанія Бенигсена относительно Маріи Феодоровны, которая ожидала, что послѣ смерти ея супруга (подобно Екатеринѣ II) ее возведутъ на престолъ—вытекаютъ нераздѣльно и такъ явно изъ всего положенія вещей, что не могутъ быть отрицаемы.

Но, съ другой стороны, присоединяя и приводя сообщенія Бенигсена, я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ—изложить здѣсь извѣстныя мнѣ причины такихъ побужденій, которыя могутъ уничтожить всякій намекъ на преступныя намѣренія.

Что касается Императора Александра I, то его уже оправдали въ нравственномъ преступленіи—тайно заговорщики въ своихъ показаніяхъ, а явно—извѣстная исторія его восшествія на престолъ.

Императоръ Павелъ былъ тираннъ въ наихудшемъ смыслѣ слова и при дальнѣйшей жизни еще болѣе, чѣмъ это изображено вкратцѣ въ вышеупомянутомъ показаніи.

При томъ къ концу его царствованія воображеніе его было всегда въ напряженномъ состояніи—что еще хуже, чѣмъ дѣйствительное безуміе; онъ дѣйствовалъ на націю въ обратномъ смыслѣ, ежедневно подвергая благополучіе и жизнь цѣлыхъ милліоновъ необузданному произволу безумца.

При такихъ-то обстоятельствахъ наслѣднику престола изъ человѣколюбія и даже изъ чувства долга были предложены мѣры, которыя при дѣйствующемъ законѣ должны быть разсмотрѣны, какъ измѣна отцу и государю. Ни одинъ разумный человѣкъ не осудитъ своего сына, когда тотъ силой удержитъ руку своего

родителя отъ намѣренія совершить убійство; даже окажется достойнымъ похвалы, если свяжетъ Государя, который въ припадкѣ бѣшенства грозитъ истребить жену и дѣтей. Жизнь матери, сестеръ и братьевъ, судьба цѣлаго государства—все ставилось тогда на карту.

Могъ ли тогда кроткій юный Александръ отклонить предложенное ему соправительство, [1]) который такъ естественно покорялся обстоятельствамъ.

Но глядя съ другой точки зрѣнія, видно что въ намѣреніи заговорщиковъ заключалось много противорѣчій—чѣмъ и объяснялось колебаніе молодого Великаго князя.

Императоръ Павелъ не былъ безусловно лишенъ разума, но находился въ состояніи экзальтаціи, граничащей съ помѣшательствомъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, только не на тронѣ, онъ считался за сострадательнаго чудака, правда нуждающагося въ полицейскомъ надзорѣ, но еще не вполнѣ созрѣвшаго для дома умалишенныхъ.

Иной оборотъ принялъ въ этомъ случаѣ поступокъ Государя, который не допустилъ поставить себя подъ высшій надзоръ, когда его нельзя было объявить заключеннымъ, т. е. слѣдовательно вполнѣ сумасшедшимъ.

Итакъ подобно взбѣшенному звѣрю, избавленному отъ оковъ, не видящему никакихъ преградъ, распространяя вокругъ ужасъ, предаваясь природнымъ инстинктомъ, предсталъ передъ своимъ народомъ Помазанникъ.

И не существовало лучшаго правила закона, который приговорилъ бы его какъ народный голосъ, призналъ его не иначе, какъ виновникомъ тягчайшихъ преступленій.

Въ народѣ было безмолвное единогласіе, но все же оставалось уваженіе къ сану Государя—худой образецъ всякой насильственной мѣры Верховной главы Государства. Наконецъ сыновье чувство взяло верхъ въ молодомъ наслѣдникѣ престола, и всѣ его намѣренія разрѣшились слезами.

Его согласіе было вынужденое, быть можетъ также со мнитель ное, но во всякомъ случаѣ его отстранили отъ событія. Сверхъ того заговоръ былъ, какъ естественно дѣломъ избранныхъ лицъ,

---

[1]) Въ которомъ видѣли единственное средство къ спасенію Государства.

которыя являлись самовластно, какъ орудіе для всеобщаго блага, безъ того, какъ они говорили, чтобы народъ призывалъ къ этому. Народъ, конечно, чувствовалъ гнетъ и глубоко вздыхалъ объ освобожденіи. Но какъ онъ могъ воззвать, когда даже Сенатъ, при своемъ названіи *уполномоченнаго*, не былъ въ состояніи высказать открыто сопротивленія.

Чтобы мочь дѣйствовать сообща, недоставало, безъ сомнѣнія, смѣлости и единодушнаго рѣшенія.

Поэтому Павелъ, (такъ необходимо было его удаленіе и такъ всѣ сообща этого желали) могъ быть принужденъ къ тому все же только черезъ заговорщиковъ, которые должны были утвердить свои намѣренія черезъ полномочіе Престолонаслѣдника.

Хотя Императрица-мать не вполнѣ точно была извѣщена о мѣропріятіяхъ противъ ея супруга, но все же она была искренне убѣждена, какъ и все общество, въ необходимости отреченія Павла. Но при вышеупомянутыхъ обстоятельствахъ она могла бы быть застигнута врасплохъ, если бы она со своей стороны вѣрила чужимъ взглядамъ, льстившимъ ей примѣромъ Екатерины II, такъ высокопочитаемой въ Россіи, и легко могли бы ее обмануть, что Великій князь Александръ, чья кротость и природное добросердечіе затмевали всѣ другія качества и чью юношескую нѣжную чувствительность порой смѣшивали съ слабохарактерностью, не перенося мысли согрѣшить противъ отца и во избѣжаніе подобнаго обвиненія предпочтетъ передать освѣдомленной матери тяжесть правленія, чувствуя себя въ то время еще несозрѣвшимъ для этого.

Въ теченіе 27-милѣтняго знакомства я хорошо научился цѣнить Императрицу; она была во всѣхъ отношеніяхъ идеалъ благородства, принимала огромное участіе въ чужихъ страданіяхъ, такъ ревностно относилась къ добру и справедливости, что въ дѣйствительности тона ея права и сердца у меня не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія. При этихъ прекрасныхъ, воистину достойныхъ уваженія качествахъ, усыновленный ею сынъ (за котораго она сама меня признала) не оправдываетъ ее отъ множества чисто женскихъ слабостей и предразсудковъ, которые такъ часто скрещивались съ моими самыми дорогими интересами. Она могла также со свойственной женщинамъ склонностью вмѣшаться въ ту игру, куда ее, казалось, совсѣмъ не призывали.

Но по крайней мѣрѣ безусловно вѣрно, что абсолютно отвлеченныя понятія Императрицы, ея чисто рабское пристрастіе къ привычкамъ, формѣ, происхожденію, ея священный страхъ передъ насильственными переворотами и, наконецъ, ея религіозность, которая мнѣ, въ такой въ высшей степени умной и разсудительной женщинѣ, казалась совершенно непонятной—все это безъ обиняковъ дѣлало ее неспособной служить орудіемъ въ рукахъ заговорщиковъ для ихъ предпріятія, которое, конечно, шло вразрѣзъ ея убѣжденіямъ.

Слѣдовательно Императрица, безъ сомнѣнія, была застигнута врасплохъ извѣстіемъ о заговорѣ и его ужаснымъ исходомъ и оставалась, естественно, въ страхѣ, не владѣя собой; ея чувства должны были въ эту страшную минуту странно перепутаны.

Во-первыхъ, извѣстіе объ убійствѣ дѣйствуя на нее все сильнѣе, потрясло душу нѣжной женщины. Но здѣсь касалось ея мужа, чья жестокость, безнравственность, проступки, крайности, не могли погасить въ ея сердце воспоминанія о 24-хлѣтнемъ сожительствѣ.

При томъ этотъ былъ въ ея глазахъ мужъ и Государь, который палъ отъ злодѣйской руки своего слуги; одинъ изъ которыхъ осмѣлился принести ей это извѣстіе отъ имени ея сына. Также этого послѣдняго въ первую минуту возбужденія она дерзнула счесть за соучастника. Такимъ образомъ съ ужасомъ вращались мысли около этого событія, мысли о неотвратимомъ будущемъ, которое, казалось, звало ее быть посредницей между хотя и подверженнымъ наказанію, но все же соблазненнымъ и кающимся сыномъ, разгнѣваннымъ насиліемъ сенатомъ и народомъ.

Когда она увидѣла теперь обманъ, то скомпрометировала себя невольными словами противъ Палена, Бенигсена и молодой Императрицы Елизаветы, чѣмъ и объясняется никогда непрекратившаяся вражда между обѣими Императрицами. Развѣ же могъ обожаемый всѣми Александръ въ первое время своего царствованія совершенно избавиться отъ наушничества, которому подала поводъ его мать своимъ двухсмысленнымъ поведеніемъ; только позднѣе онъ достаточно смягчилъ это отношеніе взаимнымъ открытымъ объясненіемъ.

Мнѣ кажется, какъ будто бы въ душѣ весьма склоннаго во-

обще къ подозрительности Императора навсегда осталась тѣнь этого чувства противъ матери и какъ будто бы у него, несмотря на ея сильную привязанность къ дѣтямъ и внѣшнее безразличіе, составилось правило отклонять все, что даже въ ничтожной степени могло бы дать пищу ея честолюбію.

Также весьма возможно, что онъ до конца своей жизни могъ чувствовать угрызенія совѣсти относительно ея, а также и поступковъ, мотивированныхъ участіемъ въ дѣлѣ, что невольно повлекло за собой смерть его отца; отсюда онъ видѣлъ въ лицѣ матери болѣе или менѣе живой упрекъ противъ такой непоправимой вины. Эти угрызенія должны были возрастать при его позднѣе навѣянныхъ, измѣнившихся убѣжденіяхъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ отчуждался отъ либеральныхъ теорій, предавался принципу абсолютизма, къ нарушенію котораго онъ когда-то первый подалъ примѣръ.

Этой же причиной точно объясняется его поведеніе относительно меня; я утѣшаю себя еще тѣмъ, что неблагодарность и несправедливость, съ которыми онъ обращался со мной, были только слѣдствіемъ невѣрнаго пониманія моего характера, моего чувства долга однимъ словомъ результатъ фальшивой политики противъ покровительствуемаго его матерью ея воспитанника, но отнюдь не доказательство его личной вражды или несправедливости.

Уже тѣ знаки покровительства, которыми осыпалъ меня Императоръ Павелъ въ 1801 г. могли бы доставить ему непріятное воспоминаніе и позднѣйшая большая привязанность у его матери усилили подозрѣніе, что Императрица задумала черезъ мое посредство образовать свою партію въ арміи. Также безсмысленными казались нашептываемыя мнѣ въ 1811 г. увѣренія, которымъ я все же долженъ былъ повѣрить въ виду подозрительности Императора во время событій 1812 года 13 и 14-го, когда его поведеніе имѣло основаніемъ извѣстный планъ и я въ то время несомнѣнно пользовался высшимъ довѣріемъ арміи.

Что я могъ бы пожелать воспользоваться этимъ для низкой цѣли и что Императрица меньше всѣхъ на свѣтѣ могла бы меня склонить къ этому само собою разумѣется. Также осмѣливались возводить при помощи нѣкоторыхъ клеветниковъ подоб-

ныя обвиненія и на Императора Николая и на его образъ дѣйствія въ 1825 г. $^{14}/_{26}$ декабря.

Во всякомъ случаѣ событіе при его восшествіи на престолъ доказываютъ нѣчто подобное тому, о чемъ я тоже говорилъ въ своихъ мемуарахъ.

Въ заключеніе долженъ замѣтить, что я со своей теткой никогда ни единымъ словомъ не обмолвился о смерти Императора Павла.

Она сама нѣсколько разъ начинала разговоръ объ этомъ, я же предупреждалъ всякій разъ дальнѣйшее развитіе этого разговора замѣчаніемъ, что существуютъ вещи, которыхъ я ради ея больного мѣста никогда не осмѣлился бы произнести.

Вообще, я всегда былъ неразговорчивъ съ ней относительно политическихъ и религіозныхъ вопросовъ, въ чемъ, она знала, наши убѣжденія не сходились. Она обыкновенно называла меня въ сердечномъ тонѣ «incorrible» (неисправимый) и пересѣкала разговоръ, который никогда не могъ соотвѣтствовать ея желаніямъ.

Записки

князя

АДАМА АДАМОВИЧА ЧАРТОРЫЙСКАГО.

Вмѣсто предисловія.

Воспоминанія князя Адама Адамовича Чарторыйскаго, будучи запрещены до сихъ поръ въ Россіи, представляютъ большой интересъ не только для простого чтенія, но и какъ историческій документъ. Князь Адамъ принадлежалъ къ родовитой польской фамиліи, находившейся въ родствѣ со многими царствующими домами; такъ напримѣръ его родная сестра была за мужемъ за принцемъ Людовикомъ Виртембергскимъ, роднымъ братомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, матери Александра, т. е. за его дядей. Богатство, давность рода, а главное, патріотическая дѣятельность окружали блестящимъ ореоломъ фамилію Чарторыйскихъ въ Польшѣ.

Первоначальнымъ блестящимъ воспитаніемъ князь обязанъ своей матери княгини Изабеллы, вселившей въ немъ горячую любовь къ своей погибавшей странѣ. Эта любовь навсегда осталась въ сердцѣ Адама и всегда руководила въ его поступкахъ.

Свое образованіе князь закончилъ путешествіями по Западной Европѣ и знакомствомъ со своими огромными помѣстьями.

На арену общественной дѣятельности Чарторыйскій выступилъ, имѣя всего 18 лѣтъ въ качествѣ предсѣдателя мѣстнаго Подольскаго сейма, присутствуя въ томъ же году (1787 г.) на Большомъ сеймѣ въ Варшавѣ. Вторичную поѣздку на Западъ онъ совершилъ въ Лондонъ и тамъ изучалъ англійскую конституцію, восхищеніе отъ которой сохранилось на всю жизнь.

Когда вспыхнуло волненіе на родинѣ, онъ тотчасъ вступаетъ въ ряды защитниковъ и отличается безумной храбростью. Въ 1794 году, когда во главѣ возстанія сталъ Костюшко, онъ изъ Англіи опять стремится въ его ряды, но по распоряженію австрійскаго правительства его арестуютъ и онъ получаетъ свободу лишь послѣ подавленія возстанія.

Условіемъ возвращенія конфискованныхъ имѣній Чарторыйскихъ было поставлено Екатериною пріѣздъ двухъ братьевъ въ Петербургъ. Отправляясь туда, они не знали, что ихъ ожидало, тѣмъ болѣе, что множество поляковъ находилось въ заключеніи. Однако пріемъ, оказанный высшимъ обществомъ, былъ болѣе, чѣмъ радушный. Наконецъ, братья были представлены Екатеринѣ, а вскорѣ назначены состоять при молодыхъ Великихъ князьяхъ. Князь Адамъ былъ назначенъ при Александрѣ. Съ этого начинаются ихъ дружескія отношенія. Читатель найдетъ самъ въ запискахъ повѣствованіе развитія этой дружбы и ея вліяніе какъ на всю жизнь князя, такъ и многія дѣйствія Александра I.

Первымъ шагомъ его по восшествіи на престолъ было вызвать къ себѣ сосланнаго въ Италію своего друга. Для этого Императоромъ былъ данъ приказъ вести его съ возможною быстротою, не задерживая на станціяхъ. По пріѣздѣ Александръ не разъ изливалъ мучившія его чувства предъ своимъ другомъ и всегда находилъ успокоеніе.

Мы беремъ часть записокъ, касающуюся до смерти Павла, дружбы Адама съ Александромъ и первое время его царствованія, опуская описаніе дальнѣйшей личной жизни Чарторыйскаго.

I.

Вызовъ въ Россію.—Гродно.—Станиславъ-Августъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Общество.—Салоны кн. Долгорукой и кн. Голицыной.—Нарышкины.—Строгоновы.—Гр. Головина.—Императрица и дворъ.—Цесаревичъ Павелъ и вел. князья.—Характеристика Имп. Екатерины.—Пріемы у кн. Зубова.—Безбородко.—Гр. Остерманъ.—Ген.-прокуроръ Самойловъ.—Представленіе Императрицѣ.

Дѣла моего отца были очень расшатаны: $^3/_4$ всего состоянія, заключающагося въ имѣніяхъ, находившихся въ областяхъ, завоеванныхъ Россіей, было секвестровано. Ходатайства Вѣнскаго двора не имѣли никакихъ результатовъ, такъ какъ Императрица Екатерина была чрезвычайно недовольна дѣйствіями моего отца, открыто сочувствовавшаго возстанію Косцюшки. На дальнѣйшія просьбы о снятіи секвестра съ имѣній моего отца она сказала: «пусть явятся ко мнѣ его два сына, и тогда мы увидимъ». Эта фраза имѣла рѣшающее вліяніе на нашу судьбу. Отъѣздъ нашъ (мой и брата) въ Петербургъ былъ рѣшенъ безповоротно.

Отецъ мой былъ добръ и деликатенъ; онъ былъ далекъ отъ мысли требовать отъ насъ этой жертвы, но мы тѣмъ болѣе считали себя обязанными выказать ему нашу любовь и преданность въ эти тяжелыя для семьи минуты. Отечество наше погибло и къ этому горю было бы жестоко прибавить еще и разореніе нашихъ родителей, лишивъ ихъ возможности удовлетворить претензіи ихъ кредиторовъ. Поэтому мы оба приняли это рѣшеніе безъ всякихъ колебаній, хотя эта поѣздка въ Петербургъ и пребываніе въ столицѣ враждебнаго нашему народу государства, среди чуждыхъ намъ людей и главное положеніе полу-плѣнниковъ—все это внушало намъ не мало опасеній. Словомъ, это была самая тяжелая жертва, которую, однако, мы рѣшились принести во имя сыновней любви.

Чтобы понять чувства, которыя мы испытывали при мысли объ этой поѣздкѣ, достаточно указать на воспитаніе, которое мы получили: оно было національно-польское и почти республи-

Графъ Платонъ Александровичъ

ЗУБОВЪ.

Съ портрета Лампи.

канское. Юношескіе годы наши посвящены были изученію древнихъ классиковъ и отечественной исторіи и литературы; мы прямо бредили греками и римлянами и мечтали о примѣненіи доблестей древняго міра на пользу и славу нашей родины. Любовь къ отечеству, къ его славѣ, его свободнымъ учрежденіямъ внушалась намъ съ ранней юности и если къ этому прибавимъ чувство естественнаго негодованія къ тѣмъ, кто поработилъ нашу родину—то легко себѣ представить, въ какомъ душевномъ настроеніи мы находились, помышляя объ отъѣздѣ въ Россію.

Въ декабрѣ 1794 года, мы простились съ родителями и пустились въ дальній путь. По дорогѣ мы посѣтили Гродно, гдѣ въ это время проживалъ злополучный король Станиславъ-Августъ, подъ присмотромъ князя Репнина. Здѣсь мы пробыли до весны; за эти нѣсколько мѣсяцевъ часто посѣщали короля, и были свидѣтелями его горя и горькихъ упрековъ, которые онъ себѣ дѣлалъ, не будучи въ состояніи спасти отечество или по крайней мѣрѣ погибнуть, отстаивая его.

12 мая 1795 года мы прибыли въ Петербургъ, гдѣ были приняты въ высшемъ обществѣ, оказывавшемъ намъ много вниманія и привѣтливости. Нѣсколько недѣль спустя, у насъ легко образовался большой кругъ знакомыхъ и чуть не ежедневно мы получали приглашенія на обѣды, балы, концерты, вечера, спектакли и другія увеселенія, чередовавшіяся безпрерывно. Мнѣ шелъ уже 25-й годъ, а брату моему Константину 23-й, но, по желанію отца, насъ всюду сопровождалъ, въ качествѣ старшаго друга, г. Гурскій, достойнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, прекрасно воспитанный и тактичный; добрымъ его совѣтамъ мы многимъ обязаны въ это наше пребываніе въ Петербургѣ. Благодаря его дружеской настойчивости, мы усердно дѣлали визиты, посѣщали разныхъ вліятельныхъ лицъ петербургскаго общества, къ которымъ онъ почти насильно заставлялъ насъ ѣздить, имѣя постоянно въ виду главную цѣль нашего пріѣзда, ради которой онъ старался сдѣлать все, что было въ нашихъ силахъ.

Высшее петербургское общество въ то время было блестящее и чрезвычайно оживленное, имѣя множество оттѣнковъ. Всѣ аристократическія семьи держали открытые дома, но тонъ всему давали дипломатическій корпусъ и французскіе эмигранты; они были, такъ сказать, законодателями моды.

Салоны княгини Долгорукой и княгини Голицыной, блиставшей одно время въ Парижѣ, особенно отличались изысканностью и блескомъ.

Обѣ эти дамы соперничали другъ передъ другомъ умомъ, красотою и изяществомъ бесѣды. Говорили, что обѣ были предметомъ поклоненія кн. Потемкина, а въ то время поклонникомъ первой былъ австрійскій посолъ гр. Кобенцель, а вторая всецѣло покорила своими чарами графа Шуазель-Гуффье, извѣстнаго своимъ посольствомъ въ Константинополѣ и описаніемъ путешествія по Греціи.

Домъ Нарышкиныхъ былъ совершенно въ другомъ родѣ. Это была аристократическая семья старыхъ русскихъ баръ со всѣми ихъ причудами азіатско-московской манеры. Предоставленныя сравнительно большой свободѣ, дѣвицы Нарышкины, какъ говорятъ, также получали дань поклоненія великолѣпнаго князя Тавриды. Двери гостепріимнаго и богатаго салона Нарышкиныхъ были широко открыты для всѣхъ. Тутъ можно было встрѣтить татарскихъ и черкесскихъ князей, казацкихъ гетмановъ и разнаго рода лицъ азіатскаго происхожденія. Хозяинъ дома—Левъ Нарышкинъ, весельчакъ и добродушный человѣкъ, бывшій фаворитъ Петра III, сдѣлавшійся затѣмъ придворнымъ Екатерины, въ качествѣ оберъ-егермейстера, усердно расточалъ свое состояніе на роскошные балы и пріемы. Въ теченіе десятилѣтнихъ трудовъ въ этомъ направленіи онъ, повидимому, не успѣлъ еще разориться, и я не знаю, добились ли этого его наслѣдники, обладавшіе тѣми же вкусами и привычками.

Салонъ графини Головиной нѣсколько отличался отъ только что упомянутыхъ мною домовъ. Здѣсь не было ежедневныхъ пріемовъ, но давались небольшіе вечера, гдѣ въ тѣсной бесѣдѣ небольшаго кружка царили традиціи стараго версальскаго двора. Хозяйка дома, двѣ дочери которой впослѣдствіи вышли замужъ за графовъ Фредро и Потоцкаго, была изящная, образованная женщина, обладавшая чувствительнымъ сердцемъ и любовью къ изящнымъ искусствамъ.

Домъ графа Строгонова давалъ еще одну разновидность. Самъ графъ, долгое время жившій въ Парижѣ, пріобрѣлъ привычки, представлявшія странную смѣсь европеизма съ древне-русскими обычаями. Здѣсь бесѣдовали о Вольтерѣ, Дидеро, о французскомъ

театрѣ, увлекались художественными произведеніями великихъ мастеровъ, а самъ хозяинъ обладалъ богатой картинной галлереей. На ряду же съ этимъ ежедневно держали въ домѣ открытый столъ, къ которому могъ являться всякій, кто только хотѣлъ, пользуясь гостепріимствомъ хлѣбосольнаго хозяина и услугами безчисленной его прислуги, наполнявшей этотъ домъ, содержимый съ чисто азіатской пышностью.

Куракины и Гурьевы держались кружка княгини Долгорукой. Княгиня Вяземская, супруга генералъ-прокурора, собирала у себя также особый кружокъ. Изъ трехъ ея дочерей одна вышла за неаполитанскаго посланника герцога Серра-Капріола, другая за представителя Даніи, третья за одного изъ Зубовыхъ.

Среди молодыхъ людей выдѣлялись два князя Голицына, получившіе воспитаніе въ Парижѣ, отличавшіеся саркастическимъ и острымъ умомъ, дѣлавшимъ ихъ желанными гостями въ свѣтѣ. Оба Голицына и молодой Барятинскій, также жившій долгое время за границей, составляли тріо, являвшееся ареопагомъ салоновъ, въ которыхъ остроумно повторялись ихъ остроты. Къ нимъ же иногда присоединялся и графъ Татищевъ, нѣсколько старшій годами, который впослѣдствіи былъ посланникомъ въ Константинополѣ.

Я не буду вдаваться въ болѣе пространное описаніе тогдашняго петербургскаго общества, скажу только, что оно было точнымъ отраженіемъ двора: его можно сравнить съ преддверіемъ обширнаго храма, гдѣ всѣ устремляютъ все свое вниманіе на божество, сидящее на престолѣ, которому приносятъ жертвы и воскуряютъ фиміамъ. Здѣсь всякій разговоръ, всякая фраза почти всегда сводились къ придворнымъ новостямъ; тонъ всей жизни давался дворомъ; каждый шагъ, каждое его дѣйствіе принималось обществомъ съ живѣйшимъ интересомъ.

Императрица Екатерина, ближайшая и непосредственная виновница паденія Польши, одно имя которой приводило въ трепетъ наши патріотическія сердца, сумѣла, несмотря на свои недостатки и пороки, снискать себѣ преданность, любовь и уваженіе всѣхъ русскихъ. Дѣйствительно, за время ея царствованія Россійская имперія пріобрѣла вѣсъ и значеніе за границею, а дѣла внутреннія, благодаря порядку и законности, шли гораздо лучше, чѣмъ при ея предшественницахъ Аннѣ и Елизаветѣ. Вотъ

почему вся страна отъ мала до велика смотрѣла на Императрицу съ преклоненіемъ и охотно прощала ей всѣ недостатки и слабости.

Характеромъ своимъ Екатерина была женщина честолюбивая, властная, мстительная и порой жестокая; однако, при всемъ честолюбіи, она обладала необычайною любовью къ славѣ, и ей приносила въ жертву всѣ свои личныя чувства и даже страсти; послѣднюю она всегда умѣла, подчинить разсудку. Властолюбіе ея было всегда съ разсчетомъ, преступленія она не совершала безъ надобности, безъ пользы. Въ менѣе важныхъ дѣлахъ она нерѣдко была строго законна; въ особенности, если это правосудіе способствовало блеску и величію ея царствованія. Она очень дорожила общественнымъ мнѣніемъ и старалась расположить его въ свою пользу, если только оно не расходилось съ ея видами, иначе же она его совершенно не признавала. Вотъ случай, который надѣлалъ въ свое время не мало шуму и который служитъ тому наглядныймъ доказательствомъ.

Въ Петербургѣ жила княгиня Шаховская,—обладательница весьма значительнаго состоянія. Она выдала свою дочь за иностранца, герцога Аренберга, и свадьба произошла за границей. Узнавъ объ этомъ, Императрица пришла въ сильный гнѣвъ и приказала конфисковать все имущество княгини. Мольбы матери и дочери, пріѣхавшей въ Россію, не смягчили гнѣва Екатерины, требовавшей расторгнуть бракъ, и всѣ, начиная съ матери и дочери, безмолвно подчинились этому жестокому требованію. Спустя нѣкоторое время дочь вышла вторично замужъ, но любовь къ первому мужу и глубокое душевное потрясеніе преждевременно свели ее въ могилу. Говорятъ, что она лишила себя жизни.

Весь дворъ раздѣлялся на три группы: къ первой принадлежалъ молодой дворъ великихъ князей и княженъ, внуковъ Императрицы. Во главѣ второй—находился цесаревичъ Павелъ, мрачный характеръ и странности котораго приводили въ ужасъ даже его приближенныхъ. Въ верху зданія находился большой дворъ во главѣ съ Императрицей, окруженной ореоломъ славы, побѣдъ и любовью своихъ подданныхъ.

Что касается великихъ князей и княженъ, то Екатерина завладѣла исключительнымъ правомъ въ воспитаніи своихъ вну-

ковъ. Отецъ и мать не могли вліять на него, такъ какъ со дня рожденія дѣти отбирались отъ родителей, росли и воспитывались на глазахъ Императрицы, которая смотрѣла на нихъ, какъ на свою собственность.

Великій князь Павелъ Петровичъ личными своими качествами и характеромъ не привлекалъ къ себѣ общество, которое всю свою преданность и любовь выражало Екатеринѣ и искренно желало, чтобы бразды правленія надолго еще оставались въ ея твердой рукѣ. Павла всѣ боялись и сторонились, тогда какъ качества Императрицы, ея мудрость, привѣтливость и государственный умъ постоянно восхвалялись. Этими качествами Павла легко объясняется то обожаніе, которое жители столицы выражали къ государынѣ—мудрой, чадолюбивой матери отечества; дворъ своимъ поклоненіемъ ея величію напоминалъ собою блестящую эпоху царствованія Людовика XIV.

Преклоненію этому были не чужды даже иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію; очутившись въ этой придворной атмосферѣ они невольно заражались настроеніемъ русскаго двора и присоединяли свои голоса къ общему хору славословій Екатеринѣ. Таковыми были принцъ де-Линь, графы Сегюръ и Шуазель и многіе другіе. Среди многочисленныхъ моихъ русскихъ знакомыхъ, изъ коихъ многіе обладали злыми языками, и безъ стѣсненія осмѣивали всѣхъ и вся, я не зналъ ни одного, который въ самой интимной, откровенной бесѣдѣ позволилъ себѣ какую-нибудь шутку по адресу Екатерины. А въ обществѣ этомъ никого не щадили, не исключая и цесаревича Павла; но стоило произнести имя Императрицы —какъ всѣ лица дѣлались серьезными, шутки и двусмысленности тотчасъ смолкали. Никто не смѣлъ высказать упрека, жалобы, какъ будто всѣ дѣйствія ея являлись веленіемъ судьбы, которое надлежитъ принимать съ почтительною благодарностью.

Намъ долго не давали позволенія явиться ко двору, который по обычаю находился въ Таврическомъ дворцѣ съ начала весны. Только 1-го мая, во время народнаго гулянья въ Екатерингофѣ, мы случайно увидѣли среди толпы молодыхъ великихъ князей съ ихъ свитою. Вскорѣ затѣмъ насъ пригласили на большое празднество у княгини Голицыной, оберъ-гофмейстерины великой княгини Елизаветы Алексѣевны, въ честь молодого двора. Вели-

кій князь Александръ, имѣвшій въ это время 18 лѣтъ, и его супруга, которой едва минуло 16, представляли очаровательную пару; и они оба блистали молодостью, красотой и граціей.

Между тѣмъ, наша свѣтская жизнь продолжалась. Неутомимый менторъ нашъ, Гурскій, заставлялъ насъ дѣлать визиты, ѣздить на поклонъ къ вліятельнымъ лицамъ, постоянно напоминая цѣль нашей поѣздки и утверждая, что малѣйшая безтактность, какой-нибудь ложный шагъ можетъ погубить судьбу нашихъ родителей. По его же настоянію отправились мы къ фавориту князю Платону Зубову.

Въ назначенный часъ мы явились въ Таврическій дворецъ, гдѣ ему были отведены аппартаменты. Онъ встрѣтилъ насъ стоя, опираясь на столъ, одѣтый въ коричневый камзолъ. Онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, стройнымъ, съ пріятнымъ смуглымъ лицомъ. Онъ принялъ насъ съ видомъ весьма милостиваго покровительства. Въ разговорѣ посредникомъ между нами былъ Гурскій, который очень удачно отвѣчалъ на предлагаемые вопросы и видимо понравился всесильному фавориту. На прощаніе князь сказалъ, что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобъ принести пользу въ нашемъ дѣлѣ, но не преминулъ оговориться, что исключительно все зависитъ отъ воли самой Императрицы и на рѣшенія которой ни онъ, ни кто другой не могутъ имѣть никакого вліянія. Онъ передалъ намъ также, что мы скоро будемъ представлены ея величеству. Къ Зубову насъ провелъ князь Куракинъ, братъ будущаго посла, взявшій насъ подъ свое покровительство. Но въ тотъ моментъ, когда мы входили въ кабинетъ Зубова, онъ вдругъ исчезъ, или вѣрнѣе остался въ пріемной. При выходѣ, онъ снова насъ встрѣтилъ и разспрашивалъ подробно о всемъ, что говорилъ намъ князь; изъ его замѣчаній мы могли легко заключить, что намъ пришлось бесѣдовать съ самымъ могущественнымъ человѣкомъ во всей странѣ.

Братъ фаворита графъ Валеріанъ Зубовъ игралъ роль не менѣе значительную. Онъ имѣлъ даже болѣе мужественный и внушительный видъ, чѣмъ его старшій братъ, и сама Императрица чрезвычайно къ нему благоволила. Увѣряли даже, что если бы Валеріанъ Зубовъ былъ представленъ Императрицѣ раньше своего брата, то онъ, быть можетъ, занималъ бы его мѣсто. Въ настоящее время въ качествѣ брата фаворита, а такъ же бла-

годаря личнымъ заслугамъ, Валеріанъ пользовался большимъ значеніемъ у Императрицы. Поэтому необходимо было засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, что и было нами исполнено по настоянію Гурскаго. Благодаря покровительству графа Валеріана, мы и удостоились чести получить особую аудіенцію у фаворита.

Во мнѣніи большинства русскихъ, графъ Валеріанъ Зубовъ былъ человѣкъ благородный и великодушный. Главная его слабость, которая, конечно, не могла служить ему укоромъ, были женщины. Въ то время всѣ говорили о его связи съ графиней Протъ-Потоцкой [1]), которая послѣдовала за нимъ въ Петербургъ [2]) и никуда не показывалась,—это, однако, не мѣшало легкомысленному графу увлекаться другими женщинами. Въ одной рекогносцировкѣ передъ штурмомъ Праги, Зубовъ ядромъ былъ раненъ въ ногу, которую отняли, и съ тѣхъ поръ онъ ходилъ на костыляхъ, и это, однако, нисколько не уменьшало его успѣховъ у женщинъ. Домъ его всегда былъ полонъ всевозможными льстецами и поклонниками, домогавшимися черезъ него получить доступъ къ его брату. Неумолимый менторъ нашъ Гурскій почти насильно водилъ насъ на эти пріемы и хотя, подобно брату, графъ Зубовъ постоянно повторялъ, что онъ не имѣетъ вліянія у Императрицы, тѣмъ не менѣе, я почти увѣренъ, что онъ единственный, кто горячо къ сердцу принялъ наше дѣло.

У графа Платона происходили ежедневно въ 11 часовъ утра пріемы: это былъ настоящій церемоніалъ, напоминавшій собою французское «Levé du Roi» временъ Людовика XV. Цѣлая толпа просителей и людей всѣхъ ранговъ усердно бывала на этихъ утреннихъ пріемахъ. Вся улица была заполнена каретами и экипажами самаго разнообразнаго вида. Случалось иногда, что послѣ продолжительнаго ожиданія въ пріемную выходилъ камердинеръ князя и торжественно заявлялъ, что его сіятельство сегодня принимать не будетъ, послѣ чего всѣ, молча, разъѣзжались, но такъ же аккуратно являлись на слѣдующій день. Церемоніалъ пріема былъ таковъ:

Въ началѣ 12-го часа двери кабинета широко растворялись,

---

[1]) Рожденная княжна М. Ѳ. Любомирская. Впослѣдствіи Зубовъ на ней женился, а послѣ его смерти, въ 1804 году, она вышла въ третій разъ за Ѳ. П. Уварова.

[2]) Изъ Польши, гдѣ во время войны находился Валеріанъ Зубовъ.

и Зубовъ выходилъ въ комнату небрежной походкой и, поздоровавшись со всѣми легкимъ кивкомъ головы, садился къ туалетному столу. Онъ былъ въ легкомъ халатѣ, изъ-подъ котораго виднѣлось бѣлье. Парикмахеръ и лакеи приносили парикъ и пудру, а всѣ присутствующіе старались уловить взглядъ и обратить на себя вниманіе всесильнаго фаворита. Всѣ почтительно стояли и никто не осмѣливался проронить слова, если князь самъ не заговоритъ. Нерѣдко, онъ молчалъ все время, и я не запомню случая, чтобы онъ когда-нибудь предложилъ кому-либо стулъ, исключая генералъ-фельдмаршала Салтыкова, которому, какъ говорили, Зубовы обязаны были своимъ возвышеніемъ. Извѣстно, что графъ Платонъ занялъ мѣсто Дмитріева-Мамонова по «рекомендаціи» Салтыкова. Даже деспотъ проконсулъ Тутолминъ, гроза Подоліи и Волыни, несмотря на приглашеніе графа, не рѣшался сѣсть; присѣвъ на кончикъ стула всего на нѣсколько минутъ, онъ затѣмъ снова говорилъ стоя.

Во время прически князя, его секретарь Грибовскій приносилъ бумаги для подписи. Окончивъ прическу и подписавъ бумаги, Зубовъ надѣвалъ мундиръ или камзолъ и удалялся во внутренніе аппартаменты, легкимъ поклономъ давая знать, что аудіенція окончена. Всѣ кланялись и спѣшили къ своимъ каретамъ. Это все продѣлывалось ежедневно и по строго установленному церемоніалу.

По нашему дѣлу мы не обращались ни къ одному изъ министровъ, такъ какъ, по мнѣнію Гурскаго, лучше всего было заручиться покровительствомъ Зубовыхъ. Однако, въ теченіе этого времени мы были представлены нѣкоторымъ высокопоставленнымъ сановникамъ, о которыхъ необходимо сказать хотя нѣсколько словъ.

Едва ли ни самымъ выдающимся по своему уму и вліянію дѣятелемъ Екатерининской эпохи былъ графъ Безбородко[1]). Родомъ изъ Малороссіи, онъ началъ свою службу подъ начальствомъ фельдмаршала Румянцева, который рекомендовалъ его Императрицѣ, взявшей его въ свои секретари. Своею работоспособностью, талантливостью и необычайною памятью онъ обратилъ на себя

---

[1]) Александръ Андреевичъ Безбородко, впослѣдствіи графъ, свѣтл. князь и канцлеръ. Род. 1747 † 1799.

вниманіе Императрицы и сталъ быстро возвышаться. Скоро онъ былъ назначенъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и ему поручали самую важную и секретную переписку. Безбородко, внѣшностью своей напоминавшій неуклюжаго медвѣдя, обладалъ тонкимъ умомъ и рѣдкой проницательностью. Отъ природы лѣнивый, охотникъ до удовольствій, онъ принимался за работу въ послѣдній моментъ, но зато работалъ быстро и неутомимо. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ Императрицы, осыпавшей его милостями; онъ былъ едва ли ни единственный изъ высшихъ сановниковъ, который не льстилъ Зубову и даже никогда не посѣщалъ его. Всѣ восхищались этимъ мужествомъ, однако, никто ему не подражалъ.

Старикъ графъ Остерманъ, вице-канцлеръ и первоприсутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, походилъ своею внѣшностью на старинный портретъ, вышедшій изъ рамки. Высокій, худой, блѣдный, въ кафтанѣ стариннаго покроя съ золотыми пуговицами и въ мягкихъ плисовыхъ сапогахъ—былъ олицетвореніемъ Елизаветинской эпохи.

Будучи человѣкомъ стараго закала, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, благодаря своей правдивости и стойкости убѣжденій. Тогда онъ появлялся лишь на торжественныхъ обѣдахъ и выходахъ и въ чрезвычайныхъ случаяхъ ставилъ свою подпись подъ особой важности государственными актами, гдѣ имя его всегда стояло во главѣ. Онъ былъ одинъ изъ всѣхъ сановниковъ, который въ совѣтѣ Императрицы высказался противъ раздѣла Польши; онъ указывалъ, что раздѣлъ въ концѣ-концовъ послужитъ лишь къ выгодамъ Австріи и Пруссіи. Хотя фактически онъ былъ совершенно устраненъ отъ дѣлъ, однако, Екатерина не переставала оказывать ему знаки уваженія и милости.

Когда на престолъ вступилъ Императоръ Павелъ, онъ совершенно удалился отъ дѣлъ и, сохраняя званіе канцлера, поселился въ Москвѣ, гдѣ жилъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ-сенаторомъ. Оба старика были еще въ живыхъ въ годъ коронованія Александра I. Не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, они усыновили своего родственника графа Толстого и передали ему свое имя и состояніе. Это былъ извѣстный впослѣдстіи генералъ гр. Остерманъ-Толстой, отличившійся въ Кульмскомъ сраженіи, потерявъ въ немъ руку.

Графъ Самойловъ, генералъ-прокуроръ—по должности своей былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ. Хотя онъ приходился племянникомъ князю Потемкину, но онъ былъ однимъ изъ раболѣпнѣйшихъ льстецовъ Зубова, заклятаго врага его дяди. Человѣкъ ничтожнаго ума, не злой по природѣ, но пустой и чванный до смѣшного, Самойловъ не имѣлъ качествъ государственнаго дѣятеля. Предоставивъ ему такой высокій и отвѣтственный постъ, Екатерина, видимо, желала показать, что она можетъ управлять Россіей даже съ такимъ неспособнымъ министромъ. Она всегда гордилась своимъ знаніемъ законовъ и теченія государственныхъ дѣлъ и должно сознаться, что въ ея царствованіе дѣла внутренняго управленія значительно улучшились въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ Россіи при ея предшественникахъ.

Наша жизнь въ столицѣ Россіи и посѣщеніе высшаго общества не давили въ насъ, однако, чувствъ любви къ родинѣ и интереса къ ея дѣламъ, которыя, вмѣстѣ съ личными и семейными заботами, мы всегда горячо принимали къ сердцу. Для насъ особенно тяжело было сознаніе, что въ то время какъ мы силою обстоятельствъ были вовлечены въ вихрь придворной свѣтской жизни, посѣщали балы, празднества и увеселенія,—въ то же время лучшіе изъ нашихъ соотечественниковъ, эти борцы за свободу родины, томились въ темницахъ и несли тяжелое бремя узниковъ. Мы сильно интересовались ихъ судьбою и вскорѣ намъ удалось узнать, что Нѣмцевичъ, Конопка и Калинскій все еще находились въ Петропавловской крѣпости, Косцюшко же переведенъ въ другое мѣсто, гдѣ съ нимъ обращались очень гуманно, и что онъ вызвалъ къ себѣ уваженіе и участіе. Ближайшее наблюденіе за нимъ было поручено маіору Титову. Потоцкій, Закжевскій, Мостовскій и Сокольницкій содержались отдѣльно въ одномъ изъ зданій на Литейной. Не будучи въ состояніи сдѣлать чего-либо, чтобы облегчить ихъ участь, мы часто ходили по этой улицѣ, надѣясь увидѣть ихъ хотя бы издали. Иногда намъ удавалось видѣть ихъ фигуры въ окнѣ, но они насъ не замѣчали и не догадывались даже о нашемъ присутствіи. При томъ же домъ этотъ

усиленно охранялся стражею, какъ снаружи, такъ и внутри зданія.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія, наконецъ, мы получили извѣщеніе, что будемъ представлены Императрицѣ въ Царскомъ Селѣ, лѣтней резиденціи двора. Теперь наступалъ для насъ рѣшительный моментъ, когда, наконецъ, рѣшится наша судьба, такъ какъ до сихъ поръ мы не знали о результатѣ ходатайства нашего отца.

Намъ сказали, чтобы явиться пораньше, такъ какъ представленіе должно было произойти послѣ окончанія церковной службы. По прибытіи въ Царское Село, мы сначала посѣтили генерала Браницкаго. Онъ былъ женатъ на одной изъ племянницъ Потемкина и въ свое время оказалъ большія услуги Императрицѣ въ польскихъ дѣлахъ. Онъ пользовался неизмѣннымъ благоволеніемъ Екатерины и во всѣхъ дворцахъ ему отводилось помѣщеніе. Грустно было намъ видѣть, какъ сильно уронилъ онъ себя въ глазахъ всѣхъ поляковъ, способствуя гибели своей родины. Онъ ненавидѣлъ русскихъ, которыхъ зналъ хорошо, и съ молчаливымъ презрѣніемъ переносилъ ихъ господство, осмѣивая ихъ пороки и слабости. Онъ разспросилъ насъ подробно о положеніи отца и далъ намъ необходимые совѣты; на нашъ вопросъ, слѣдуетъ ли цѣловать Императрицѣ руку, онъ сказалъ: «цѣлуйте ее, какъ хотите, лишь бы вернуть вамъ ваше состояніе».

Екатерина была еще въ церкви, когда всѣ представлявшіеся перешли въ пріемный залъ. Сначала насъ представили графу Шувалову, оберъ-камергеру, бывшему любимцу Елизаветы, человѣку всесильному, извѣстному своею перепиской съ учеными, добивавшимися его покровительства: д'Аламберомъ, Дидеро, Вольтеромъ. Передаютъ, что, по желанію Императрицы Елизаветы, онъ побудилъ Вольтера написать его извѣстную «Исторію Петра Великаго». Онъ построилъ насъ всѣхъ въ шеренгу передъ выходомъ Императрицы. Едва кончилась служба, какъ появились сначала придворные, шедшіе по два въ рядъ; камеръ-юнкеры, камергеры, высшіе чины двора, сановники военные и гражданскіе и, наконецъ, за ними шла сама Императрица, въ сопровожденіи великихъ князей, княженъ и придворныхъ дамъ. Сначала мы не успѣли разсмотрѣть хорошенько Императрицы, такъ какъ надо было становиться на одно колѣно и цѣловать ея руку въ то время, какъ оберъ-камергеръ

называлъ наши имена. Послѣ этой церемоніи всѣ присутствовавшіе образовали кругъ, и Императрица обходила всѣхъ и говорила каждому представленному нѣсколько словъ. Въ это время намъ удалось разсмотрѣть ее ближе. Это была женщина уже пожилая, но бодрая, средняго роста и довольно полная. Ея походка и вся фигура носили отпечатокъ изящества и величія. Движенія ея были плавны и благородны. Однако, это былъ потокъ, уносящій все въ своемъ теченіи. Черты лица ея, уже покрытаго морщинами, но до чрезвычайности выразительнаго, выражали привычку повелѣвать. Съ губъ не сходила постоянная улыбка, но подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ таились страсти самыя бурныя и непреклонная воля. Подойдя къ намъ, она ласково улыбнулась и сказала: «Вашъ возрастъ напоминаетъ мнѣ вашего отца, когда я увидѣла его въ первый разъ. Я увѣрена что вы чувствуете себя хорошо въ моей столицѣ». Эти краткія слова обратили на насъ всеобщее вниманіе придворныхъ, которые окружили насъ и наперерывъ другъ передъ другомъ стали расточать намъ всевозможныя похвалы. Послѣ этого мы тотчасъ были приглашены къ высочайшему столу, который былъ накрытъ подъ колоннадой: это была особая милость, такъ какъ здѣсь Императрица обѣдала лишь въ кругу самыхъ близкихъ лицъ. Въ тотъ же день мы представлялись великому князю Павлу; онъ встрѣтилъ насъ съ холодной вѣжливостью, но великая княгиня Марія Ѳеодоровна была весьма ласкова, можетъ быть, ради своего брата, такъ какъ она хотѣла примирить его съ нашей сестрой Маріей [1]). Что касается молодыхъ великихъ князей (Александра и Константина), то пріемъ, оказанный ими, своею искренностью и сердечностью совершенно очаровалъ насъ.

---

[1]) Княжна Марія Чарторыйская, сестра автора воспоминаній, была въ замужествѣ за принцемъ Людвигомъ Виртембергскимъ, роднымъ братомъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Бракъ этотъ былъ несчастный и въ 1792 году закончился разводомъ, послѣ чего кн. Марія поселилась на постоянное жительство въ Пулавы. Отъ брака съ принцемъ Виртембергскимъ у нея былъ сынъ Адамъ, который, по странной случайности, въ 1831 году предводительствовалъ войсками, разорившими Пулавы. Императрица Марія Ѳеодоровна всегда оказывала особенную дружбу принцессѣ Маріи и въ своихъ письмахъ называла ее «ma très chère soeur».

II.

Лѣто 1897 года. – Мы продолжаемъ бывать у Зубовыхъ.— Анонимное письмо.—Поступленіе на русскую службу.—Возвращеніе имѣній.—Назначеніе камеръ-юнкеромъ.—Пріѣздъ герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской. — Новый 1796 годъ. —Женитьба великаго князя Константина.—Придворныя празднества. — Зимній дворецъ. — Партія Императрицы.—Таврическій дворецъ.—Эрмитажныя увеселенія.

Петербургское высшее общество лѣто проводило въ окрестностяхъ столицы; въ загородныхъ домахъ богатыхъ баръ царила та же роскошь, что и въ Петербургѣ. Такъ какъ всѣ старались воспользоваться лѣтомъ, то въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Петербургъ бывалъ совершенно пустымъ и обычное движеніе временно прекращалось. По настоянію Гурскаго мы ревностно дѣлали наши и загородные визиты, посѣщая вліятельныхъ представителей высшаго общества на дачахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, это былъ лучшій способъ къ достиженію нашей цѣли. И правда, несмотря на лестный и милостивый пріемъ, оказанный намъ при большомъ дворѣ, дѣло наше оставалось все еще въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи. Императрица, видимо слѣдившая за нами, знала о нашихъ успѣхахъ въ свѣтѣ, и расточаемыя намъ похвалы, кажется, произвели на нее благопріятное впечатлѣніе.

Однако наши мытарства не ограничились этими визитами, достаточно утомительными; приходилось, кромѣ того, посѣщать Царское Село, гдѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ происходили пріемы у Зубова. Благодаря имъ, мы приглашались и во дворецъ, къ обѣденному столу Императрицы, за которымъ бывали великіе князья, а также значительное число лицъ высшихъ классовъ. Насъ также приглашали и на вечернія гулянія въ саду, гдѣ въ хорошую погоду появлялась сама Императрица со всѣмъ дворомъ. Иногда, послѣ прогулки, она садилась на скамейку, бесѣдуя съ окружавшими ея, а великіе князья, княжны и придворная молодежь развлекались играми на газонѣ. Великій князь Павелъ въ этихъ гуляньяхъ участія не принималъ, такъ какъ тотчасъ по окончаніи обѣда онъ уѣзжалъ къ себѣ въ Павловскъ, свою лѣтнюю резиденцію. За этими играми мы ближе познакомились съ обоими великими князьями, которые особенно были милостивы и внимательны къ намъ.

Тотчасъ послѣ обѣда лица, наиболѣе близкія ко двору (въ общество которыхъ были приняты и мы съ братомъ) отправлялись къ князю Платону Зубову. Это уже не были оффиціальные визиты, а скорѣе дружескія бесѣды въ его небольшомъ кружкѣ. На этихъ собраніяхъ князь появлялся въ домашнемъ камзолѣ и обращался съ немногими посѣтителями запросто, играя роль любезнаго хозяина, небрежно развалившись въ креслѣ или на софѣ. Въ этихъ вечеринкахъ принимали иногда участіе графъ Кобенцель, австрійскій посолъ, или графъ Валентинъ Эстергази, впослѣдствіи оберъ-церемоніймейстеръ вѣнскаго двора, неизмѣнный посѣтитель царскосельскихъ обѣдовъ; онъ своею болтовней и льстивой угодливостью настолько сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе фаворита, что Императрица пожаловала ему огромныя помѣстья на Волыни. Столь же непривлекательными душевными качествами обладала и его супруга, которая, несмотря на это, все-таки пользовалась благосклонностью Екатерины. У нихъ былъ сынъ, страшно избалованный мальчишка, воспитывавшійся во дворцѣ; своими забавными выходками онъ не мало способствовалъ успѣхамъ своихъ родителей при дворѣ.

Любители до придворныхъ сплетенъ на ушко разсказывали, что въ то время какъ 70-тилѣтняя Екатерина осыпала милостями графа Платона, это самое время послѣдній вздыхалъ по великой княжнѣ Елизаветѣ, супругѣ Александра, которой въ то время было всего 16 лѣтъ. Эта столь же наглая, сколь и безсмысленная дерзость дѣлала его смѣшнымъ, и всѣ только удивлялись наглости зазнавшагося фаворита, позволявшаго себѣ рядъ выходокъ почти на глазахъ Императрицы. Что касается великой княгини Елизаветы, то она не придавала этому никакого значенія, не допуская въ чистотѣ своего юношескаго сердца даже мысли, что расточаемыя ей фаворитомъ любезности могли имѣть нѣчто иное, чѣмъ простое почтеніе. Платонъ же былъ рѣшительно смѣшенъ, когда, во время вышеупомянутыхъ интимныхъ вечеровъ, онъ, развалясь на софѣ, томно вздыхалъ и изображалъ человѣка, удрученнаго сердечнымъ горемъ. Въ такія минуты онъ наслаждался меланхолическими и нѣжными звуками флейты.

Такимъ образомъ провели мы лѣто 1795 года. Въ началѣ осени дворъ переѣхалъ въ Таврическій дворецъ, гдѣ опять намъ пришлось фигурировать въ качествѣ постоянныхъ посѣтителей

на утреннихъ пріемахъ князя, тѣмъ болѣе что близилось уже время окончанія нашего дѣла. Зубовы, какъ и раньше, были съ нами чрезвычайно любезны, но по-старому не переставали повторять, что ихъ вліяніе въ этомъ вопросѣ ничтожно и что все зависитъ только отъ воли самой Императрицы. Все это не обѣщало намъ ничего успокоительнаго, тогда какъ на придворномъ горизонтѣ появились признаки очень тревожнаго свойства. Вмѣстѣ съ лицами, хлопотавшими получить обратно отобранныя у нихъ земли, появилась цѣлая толпа охотниковъ до легкой наживы; они пустили въ ходъ всѣ средства и связи, чтобы завладѣть секвестрованными имѣніями. Начиная со многихъ высшихъ сановниковъ, до самыхъ ничтожныхъ приказныхъ,—всѣ съ жадностью голодныхъ звѣрей стремились къ даровой подачкѣ, надѣясь поправить свои дѣла за счетъ казны, такъ какъ Екатерина не высказывала до сихъ поръ своего рѣшенія о судьбѣ многочисленныхъ частныхъ, государственныхъ и церковныхъ имуществъ. Къ прискорбію надо сознаться, что въ числѣ подобныхъ лицъ было нѣсколько поляковъ, позорныхъ дѣтей своего отечества; они, забывая свой долгъ передъ родиной, одинаково помышляли о легкой наживѣ.

Тѣмъ временемъ наши родители, и безъ того преслѣдуемые кредиторами, въ мученьѣ отъ неизвѣстности своей участи, еще болѣе встревожены были нашей судьбой. Однажды, мать моя получила анонимное письмо, написанное на прекрасномъ французскомъ языкѣ; въ немъ, увѣдомляя ее о нашихъ успѣхахъ при дворѣ и въ обществѣ, анонимный авторъ особенно ставилъ намъ въ заслугу то обстоятельство, что, несмотря на пребываніе наше въ русской столицѣ, мы остались добрыми поляками, твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ и наряду съ пламенною любовью къ родинѣ пылаемъ ненавистью къ Екатеринѣ—виновницѣ гибели Польши. Не трудно представить тревогу моей матери при чтеніи этого письма, которое, въ случаѣ его перлюстраціи (что, какъ извѣстно, практиковалось въ Петербургѣ), могло совершенно погубить и насъ и наше дѣло, вызвавъ гнѣвъ Императрицы. Несомнѣнно, что письмо это написали съ цѣлью возбудить недовѣріе къ намъ Императрицы и лишить насъ родовыхъ имѣній.

Въ такомъ положеніи находились наши дѣла, когда въ одну изъ нашихъ поѣздокъ въ Царское Село, Зубовъ объявилъ намъ,

что Екатерина желаетъ зачислить насъ офицерами въ гвардію; это отличіе—добавлялъ онъ—является необычайною милостью ея величества, которая даетъ вамъ возможность стать въ ряды ея славной и побѣдоносной арміи. Это поступленіе на русскую службу было conditio sine qua non для полученія нашего состоянія и отказаться отъ этой почести было очевидно немыслимо. Мы уже приготовились къ этому удару и рѣшились принести эту послѣднюю жертву для блага нашихъ родителей, однако, сердца наши болѣзненно сжались, когда намъ оффиціально объявили предложеніе. Колебаться было нечего, такъ какъ, рѣшившись разъ отдаться въ руки русскихъ—намъ было совершенно безразлично, какой родъ службы будетъ намъ опредѣленъ.

Наконецъ такъ долго жданный указъ о всѣхъ секвестрованныхъ имѣніяхъ былъ подписанъ. Масса земель была раздана фаворитамъ, министрамъ, генераламъ, губернаторамъ, нѣкоторымъ низшимъ чиновникамъ, а также и полякамъ—измѣнникамъ отечества. Наши имѣнія не были возвращены отцу, а назначены были въ подарокъ мнѣ и брату въ количествѣ 42.000 душъ крестьянъ, какъ принято считать въ Россіи. Латышевское и Каменецкое староства, также принадлежавшія моему отцу, были отданы графу Моркову. О сестрахъ нашихъ не упоминалось въ указѣ; фактически же мы получили обратно почти что все состояніе и поспѣшили дать полную довѣренность отцу, чтобы онъ могъ пользоваться своимъ имуществомъ на правахъ хозяина.

Мы должны были отправиться въ Царское Село, чтобы благодарить Императрицу, которая тутъ же приказала записать меня въ Конную Гвардію, а брата—въ Измайловскій полкъ. Не разъ мы получали приглашеніе на концерты въ Таврическомъ дворцѣ,—что считалось особенною милостью, такъ какъ гвардейскіе офицеры не имѣли входа на эти вечера. Однако, все это окончилось съ переѣздомъ Императрицы въ Зимній дворецъ. Мы имѣли положеніе офицеровъ гвардіи, которые могли являться во дворецъ лишь по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, занимая мѣсто рядомъ съ дипломатическимъ корпусомъ во время выхода Императрицы. Отправляясь во дворцовую церковь и возвращаясь оттуда, Екатерина удостаивала насъ милостивыхъ взглядовъ, а великіе князья любезно кланялись. Говорятъ, что во время этихъ выходовъ, повторявшихся каждое воскресенье, гвардейскіе

ГРАФЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ЗУБОВЪ.

Съ портрета, принадлежащаго Л. А. Талызиной.

герои, напудренные и напомаженные, въ блестящихъ мундирахъ, старались обратить на себя вниманіе Екатерины своею стройностью, формами, молодцоватымъ видомъ и будто, какъ увѣряли, нѣкоторые имѣли даже успѣхъ. Однако, это говорилось о временахъ давно минувшихъ, теперь же Императрица была уже на склонѣ дней и подобныя вещи повторяться уже не могли.

Строевая служба въ полкахъ гвардіи въ то время велась очень слабо. Правда, были офицеры, которые исполняли свои обязанности болѣе внимательно, но на то было ихъ личное желаніе, а въ глазахъ большинства гвардейской молодежи это не считалось заслугой, и даже подвергало ихъ насмѣшкамъ. Командиры и генералы также не поощряли ихъ къ службѣ. Во дворцѣ въ эту зиму на караулѣ я былъ всего одинъ разъ: въ этотъ день, какъ сейчасъ помню, я находился подъ командой Ханыкова, впослѣдствіи занимавшаго постъ посланника въ Дрезденѣ. Возвращаясь съ карауломъ въ конногвардейскія казармы, я встрѣтилъ князя Трубецкого, который также въ первый разъ назначался во дворцовый караулъ. Разъ, мой братъ Константинъ, какъ пѣхотный офицеръ, находился съ отрядомъ Измайловскаго полка и занималъ ночной караулъ во дворцѣ. Увидѣвъ его, Екатерина милостиво ему поклонилась и сказала, что подъ его охраною она будетъ спать спокойно.

Въ новый 1796 годъ мы съ братомъ были пожалованы въ камеръ-юнкеры. Надо замѣтить, что въ то время званіе придворнаго имѣло въ Россіи несравненно большее значеніе, нежели теперь, имѣя какъ и военные чины преимущество передъ службой гражданской. Поэтому въ аристократическихъ семьяхъ или семьяхъ лицъ, пользовавшихся виднымъ служебнымъ положеніемъ, сыновей старались пристроить въ гвардіи и доставить имъ вмѣстѣ съ тѣмъ придворное званіе, помогавшее имъ потомъ быстро подвигаться по службѣ.

Екатерина II очень желала еще при своей жизни женить великаго князя Константина и заранѣе начала устраивать его придворный штатъ. Для этого были намѣчены нѣкоторыя лица будущаго двора и многіе очень стремились попасть въ это число.

Въ этомъ году пріѣхала въ Петербургъ герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская со своими тремя дочерьми. Издавна существовалъ обычай, что въ случаѣ надобности для кого-либо изъ русскихъ князей невѣсты, представитель дипломатіи объѣзжалъ всѣ маленькіе нѣмецкіе дворы, гдѣ только имѣлись красивыя принцессы, и затѣмъ представлялъ въ Петербургъ подробное донесеніе, въ которомъ излагались всѣ качества предполагаемыхъ невѣстъ.

Уже на основаніи этихъ донесеній, дѣлался выборъ и Екатерина указывала на тѣхъ принцессъ, которыхъ она желала бы видѣть въ Петербургѣ. Въ свое время она, какъ извѣстно, сама прошла подобный экзаменъ и поэтому во всей этой процедурѣ не видѣла ничего унизительнаго для избираемой великой княгини. Съ своей стороны нѣмецкія принцессы считали большимъ счастьемъ, получивъ приглашеніе изъ Петербурга, такъ какъ перспектива выдать дочь за русскаго великаго князя, въ ту эпоху блеска и величія Екатерининскаго царствованія, казалась имъ въ высокой степени привлекательной. Свѣдѣнія о дочеряхъ герцогини Кобургской доставлены были барономъ Будбергомъ, впослѣдствіи министромъ иностранныхъ дѣлъ; такимъ образомъ только ему герцогиня и ея дочери обязаны были своимъ приглашеніемъ къ Петербургскому двору.

Герцогиня Кобургская обладала большимъ умомъ, была очень образована и привѣтлива; дочери же ея всѣ отличались изяществомъ и красотою. Говоря откровенно, было тяжело смотрѣть на мать, пріѣхавшую въ чужую страну затѣмъ, чтобы выставить напоказъ, подобно товару, своихъ дочерей, въ ожиданіи милостиваго взгляда Императрицы и выбора великаго князя. О великомъ князѣ Константинѣ, ходило при дворѣ не мало анекдотовъ такого свойства, что отъ предполагаемой его женитьбы нельзя было ждать семейнаго счастья для молоденькой герцогини.

Екатерина, умѣвшая очаровывать своимъ пріемомъ, приняла гостей съ открытыми объятіями. Ежедневно устраивались катанья, празднества, вечера и балы, во время которыхъ великій князь проводилъ все время въ обществѣ принцессъ и ближе могъ узнать ихъ. Ему дано было приказаніе Императрицей жениться на одной изъ нихъ, при чемъ ему былъ предоставленъ лишь выборъ будущей супруги. Великому князю въ то время шелъ

17-й годъ. Во всю свою жизнь онъ всегда отличался необузданнымъ нравомъ и никогда не владѣлъ своими страстями и порывами. Можно легко себѣ представить то, что было въ тѣ годы. Конечно, о сознательномъ выборѣ будущей подруги жизни нечего было и говорить: онъ просто повиновался волѣ своей всемогущей бабки.

Замѣтно было, что выборъ великаго князя остановится на младшей принцессѣ. Старшая сестра ея довольно удачно вышла изъ щекотливаго положенія: она признавалась откровенно, что ея сердце уже занято, что она уже дала слово одному австрійскому офицеру (впослѣдствіи генералу) и родители не препятствовали этому. Время показало, что выборъ былъ ея удаченъ, по крайней мѣрѣ она была несравненно счастливѣе своихъ сестеръ, которыя не пріобрѣли себѣ супружескаго счастья въ замужествѣ.

Новый 1796 годъ ознаменовался множествомъ наградъ, милостей и назначеній, какъ очередныхъ, такъ и по случаю будущаго бракосочетанія великаго князя Константина. Къ этому же времени состоялось и наше назначеніе камеръ-юнкерами, что, какъ упомянуто выше, служило наградою и средствомъ къ дальнѣйшему возвышенію для молодыхъ людей, особенно если они обладали связями при дворѣ. Ихъ допускали на придворные балы, вечера, танцы и спектакли—въ это святилище, куда далеко не имѣли доступа люди даже самые почтенные и извѣстные своими служебными заслугами, если только они не имѣли высокихъ чиновъ. Поэтому получалось странное явленіе: внутренніе аппартаменты дворцовъ были широко раскрыты для людей, не имѣвшихъ никакихъ личныхъ заслугъ, тогда какъ старые, заслуженные генералы, затерянные въ толпѣ, дожидались лишь въ пріемныхъ. Впрочемъ, лично я, вслѣдствіе этого порядка, получалъ иногда чувство удовлетворенія съ примѣсью злорадства, видя какъ грозный генералъ-губернаторъ завоеванной провинціи совершенно стушевывался въ столицѣ, не удостаиваясь даже взгляда всесильнаго фаворита и почти не появляясь въ высшемъ свѣтѣ. Однако, возвратившись въ подчиненный край, онъ тамъ дѣлался полнымъ сатрапомъ и часто возмѣщалъ перенесенное имъ униженіе на семействахъ тѣхъ лицъ, съ кѣмъ онъ вынуждалъ себя быть почтительнымъ въ Петербургѣ. Благодаря абсолютной власти

генералъ-губернаторовъ, всяческія злоупотребленія были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, добиться же правосудія или простой справедливости было совершенно дѣломъ невозможнымъ. Все дѣлали всесильные чиновники, фактически заправлявшіе краемъ, скрываясь за подписью своего начальства, въ большинствѣ случаевъ бездѣятельнаго и бездарнаго. Имѣть на своей сторонѣ чиновничество было самымъ вѣрнымъ средствомъ успѣха, такъ какъ мѣстные взяточники и грабители отлично спѣлись съ канцелярской мелкотой Сената и министерствъ, вслѣдствіе чего ни одно злоупотребленіе не всплывало наружу.

Наше назначеніе придворными открыло намъ интимную жизнь двора и дало намъ знакомство съ многими высокопоставленными сановниками и молодежью двора, съ многими изъ которыхъ мы очень сошлись. Къ тому же времени относится и сближеніе наше съ двумя великими князьями.

Пора возвратиться къ празднествамъ и процедурамъ, бывшимъ по случаю бракосочетанія великаго князя Константина.

Вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ его выборъ. Младшая изъ сестеръ, Юлія, будущая великая княгиня Анна Ѳеодоровна, обязана была принять греческую вѣру и подъ руководствомъ священника изучить догматы новой религіи. Увѣряютъ, что германскія принцессы, предназначавшіяся въ супруги русскимъ великимъ князьямъ, получали весьма слабыя понятія о догматахъ родной религіи и въ виду этого могли безъ затрудненія переходить въ православіе.

Когда обрядъ присоединенія къ греческой церкви былъ оконченъ въ присутствіи Императрицы, высшаго духовенства и всего двора, назначили торжественное вѣнчаніе принцессы Юліи съ великимъ княземъ Константиномъ, послѣ котораго въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль происходили парадные обѣды, балы, празднества, фейерверки и всевозможныя увеселенія, лишенныя правда, несмотря на внѣшній блескъ, искренней веселости. Всякаго смотрѣвшаго на эту молодую и прекрасную принцессу, прибывшую издалека въ чужую страну, принявшую чуждую ей вѣру и отданную во власть взбалмошнаго юноши, менѣе всего помышлявшаго о ея счастьѣ — всѣ эти празднества могли скорѣе навесть на грустныя размышленія при мысли о судьбѣ юной великой княгини. Самъ Константинъ своимъ поведеніемъ

вскорѣ оправдалъ эти опасенія. Его интимныя бесѣды и болѣе чѣмъ откровенные намеки и разсказы о его медовомъ мѣсяцѣ поражали своимъ цинизмомъ и неделикатностью по отношенію къ юной супругѣ и свидѣтельствовали о его невѣроятно странныхъ капризахъ и привычкахъ.

Обѣ великія княгини вскорѣ соединились узами самой тѣсной дружбы. По происхожденію иностранки, вдали отъ родины и семьи, занимая почти одинаковое положеніе, великія княгини Анна и Елизавета естественно почувствовали другъ къ другу влеченіе и во взаимныхъ откровенныхъ бесѣдахъ находили отраду и утѣшеніе. Великая княгиня Елезавета, предназначенная судьбою къ болѣе высокому жребію, болѣе счастливая благодаря душевнымъ качествамъ своего супруга, поддерживала свою belle-soeur, замѣнивъ ей мать и сестеръ, которыя вскорѣ должны были покинуть Россію.

По окончаніи всѣхъ празднествъ и торжествъ герцогиня Кобурская съ дочерьми возвратилась въ Германію, и жизнь двора опять вошла въ обычную колею. По желанію Императрицы устраивались катанья въ саняхъ, во время которыхъ дежурные камеръ-юнкеры сопровождали государыню и великихъ княгинь. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ мнѣ случилось видѣть Екатерину въ утреннемъ туалетѣ, а Зубова въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ; они оба запросто выходили изъ внутреннихъ апартаментовъ государыни, къ чему видимо всѣ привыкли, по крайней мѣрѣ, никто изъ придворныхъ не былъ этимъ удивленъ.

Вечера въ Зимнемъ дворцѣ назначались въ брилліантовомъ залѣ, называвшемся такъ отъ украшенныхъ драгоцѣнными камнями императорскихъ регалій, хранившихся подъ большими стеклянными витринами. Залъ этотъ одной стороной соприкасался со спальней, уборною и другими внутренними аппартаментами Екатерины, а другой—съ комнатами, занятыми дежурными. Они въ свою очередь отдѣлялись отъ другихъ троннымъ заломъ, также входившимъ въ составъ внутреннихъ аппартаментовъ Императрицы. При входѣ въ него держалъ караулъ отъ кавалергардовъ, которые всѣ сидѣли [1]. Этотъ отрядъ состоялъ изъ

[1]) Члены внутреннихъ дворцовыхъ карауловъ всегда находятся въ залахъ сидя, исключая часовыхъ и тѣхъ внутреннихъ карауловъ, которые наряжаются на время высочайшихъ выходовъ и баловъ.

отборныхъ офицеровъ и происходилъ отъ извѣстной роты преображенцевъ, возведшей на престолъ Елизавету и получившей названіе «лейбъ-кампанцевъ». Всѣ нижніе чины этой роты были произведены въ офицеры и составляли ея личную охрану. Этотъ караулъ сохранился до смерти Екатерины въ томъ же составѣ и носилъ ту же роскошную форму. Имѣть входъ «за кавалергардовъ»—значило имѣть право входа во внутренніе аппартаменты двора. Въ царствованіе Екатерины дворцовая обстановка вѣроятно мѣнялась, но распредѣленіе аппартаментовъ Зимняго дворца оставалось со временъ Анны и Елизаветы. Оно было измѣнено послѣ вступленія на престолъ Павла I.

На вечера въ бриллiантовомъ залѣ собиралось интимное общество и лица изъ дежурствъ. Императрица играла въ карты съ Зубовымъ и двумя другими сановниками. Въ игрѣ Зубовъ бывалъ разсѣянъ и поминутно смотрѣлъ на столъ, гдѣ играли обѣ великія княгини съ своими мужьями. Многіе удивлялись, что Екатерина не замѣчала этихъ его выходокъ, которыя поражали всѣхъ. Были еще и другіе карточные столы. Императрица обычно не оставалась на ужинъ, раньше бросала игру и удалялась въ свои внутренніе покои. Она милостиво раскланивалась присутствующимъ и двери передъ нею растворялись; великіе князья также удалялись. Вслѣдъ за Императрицей уходилъ и Зубовъ, сдѣлавъ общій поклонъ.

Случалось, что около Таврическаго дворца устраивались катанья съ ледяныхъ горъ. Великія княгини и княжны и весь придворный людъ отправлялись на эти горы и, согласно русскому обычаю, скатывались на маленькихъ санкахъ. Здѣсь весело и непринужденно раздавалися смѣхъ молодежи. У великой княгини устраивались очень хорошіе концерты. Въ Эрмитажѣ давались французская комедія и итальянская опера съ прекраснымъ составомъ. Рядомъ съ Императрицей обыкновенно сидѣлъ Австрійскій посолъ графъ Кобенцель. Эти спектакли давались два раза въ недѣлю, и на нихъ присутствовали исключительно члены императорской фамиліи и придворная знать. Я какъ сейчасъ вижу передъ собой всю эту картину; въ центрѣ, противъ самой сцены, въ широкомъ креслѣ сидитъ Императрица; рядомъ съ нею, почтительно наклонивъ голову и прищуривъ свои близорукіе глаза—графъ Кобенцель; въ напудреномъ парикѣ и роскош-

номъ камзолѣ, онъ внимательно слушаетъ свою сосѣдку. Съ обѣихъ сторонъ, красивыя фигуры молодыхъ великихъ княженъ и князей, а позади, амфитеатромъ, размѣстился весь дворъ. Весь Эрмитажъ былъ украшенъ великолѣпными картинами кисти извѣстныхъ художниковъ. Въ послѣдующія царствованія Императоровъ Павла и Александра Эрмитажъ значительно измѣнился.

Въ то время Екатерина была на вершинѣ своей славы и политическаго могущества: раздѣлъ Польши былъ оконченъ согласно ея желаніямъ; преклоняясь передъ ея волей, прусскій король уступилъ Австріи городъ Краковъ; большинство европейскихъ монарховъ заискивали передъ нею, льстили ей и исполняли всѣ ея желанія. Австрійскій и лондонскій кабинеты добивались ея дружбы желая завлечь Россію въ активную борьбу съ Франціей. Опасаясь за цѣлость своихъ владѣній подъ угрозой успѣховъ революціонной Франціи, Неаполь, Римъ и Сардинія стремились къ тому же.

Однако Екатерина, разсылая громовыя дипломатическія ноты противъ французской республики и революціи и возбуждая противъ нея всю Европу, предусмотрительно уклоняясь отъ войны, преспокойно смотрѣла на неудачи союзниковъ и не думала двигать своихъ войскъ. Она властвовала въ сѣверной Европѣ, передъ нею трепетала Турція и, она въ сознаніи своего могущества, отправила еще войска въ Персію подъ начальствомъ Валеріана Зубова. Но это былъ послѣдокъ дней ея славы: побѣда Бонапарта въ Италіи и непреклонное поведеніе молодого шведскаго короля сильно повліяли на ея душевное состояніе и послѣдній годъ ея жизни былъ наполненъ горечью и обидой.

Спектакли, увеселенія и балы, въ которыхъ мы съ братомъ принимали участіе, еще болѣе сблизили насъ съ великими князьями, которые, какъ я уже сказалъ съ самаго начала относились къ намъ особенно милостиво. Въ то время я занимался рисованіемъ; когда великій князь Александръ узналъ объ этомъ, онъ просилъ меня принести нѣсколько моихъ рисунковъ, разсматривалъ ихъ, показалъ великой княгинѣ и вообще проявлялъ ко мнѣ много вниманія.

III.

Свиданіе съ Александромъ въ Таврическомъ дворцѣ.—Знаменательный разговоръ.—Начало дружбы.—Вліяніе Гатчины на Александра.—Ошибка Екатерины.—Рожденіе великаго князя Николая Павловича.—Воспитаніе Александра.—Лагарпъ.—Н. И. Салтыковъ.— Графъ Протасовъ.— Сакенъ.— Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. — Баронъ Будбергъ. — Пріѣздъ шведскаго короля.—Великая княгиня Александра Павловна.—Графъ Морковъ. Неожиданный разрывъ. — Отъѣздъ Густава IV.— Кончина Екатерины.

Когда вскрывается Ладожское озеро и проходятъ его льдины по Невѣ, въ Петербургѣ обыкновенно бываетъ рѣзкій холодъ; это происходитъ всегда въ концѣ апрѣля, но до этого времени выдаются прекрасные солнечные дни, при нѣсколькихъ градусахъ холода. Въ такіе дни набережныя переполняются гуляющими. Здѣсь можно встрѣтить весь Петербургъ: дамъ въ блистательныхъ утреннихъ туалетахъ, а также и кавалеровъ.

Великій князь Александръ часто гулялъ по набережнымъ, когда одинъ, а иногда съ великою княгинею, что привлекало туда еще болѣе великосвѣтское общество. Я съ братомъ также бывали въ числѣ гуляющихъ, и великій князь, повстрѣчавшись съ нами, останавливался, вступалъ въ разговоры и выказывалъ намъ особую благосклонность.

Эти утреннія встрѣчи до нѣкоторой степени были продолженіемъ придворныхъ вечеровъ, и наши отношенія съ великимъ княземъ съ каждымъ днемъ становились все болѣе близкими. Дворъ, какъ обыкновенно, переѣхалъ весною въ Таврическій дворецъ, гдѣ Императрица вела жизнь менѣе открытую, допуская къ себѣ по вечерамъ только избранное общество; въ него не входила вся масса придворныхъ чиновъ, исключая концертовъ, на которые также разсылались особыя приглашенія. Великій князь все еще продолжалъ свои прогулки по набережной. Однажды, встрѣ-

чая меня, онъ жалѣлъ, что мы рѣдко видаемся, и пригласилъ меня посѣтить его въ Таврическомъ дворцѣ и прогуляться съ нимъ по садамъ, которые онъ желалъ мнѣ показать. Онъ назначилъ мнѣ день и часъ.

Весна вполнѣ уже установилась и, какъ случается въ этой мѣстности, природа скоро наверстала упущенное время: листья на деревьяхъ распустились въ нѣсколько дней; все зеленѣло и цвѣло. Въ назначенный день и часъ я поспѣшилъ быть въ Таврическомъ дворцѣ. Жалѣю, что мною не записано число: этотъ день имѣлъ рѣшительное вліяніе на значительную часть моей жизни и на судьбу моей родины. Съ этого знаменательнаго дня началась моя преданность Александру, могу сказать, моя дружба и рядъ событій, счастливыхъ и несчастныхъ, цѣпь которыхъ еще тянется и даетъ себя чувствовать на протяженіе долгихъ лѣтъ.

Едва я вошелъ, какъ великій князь взялъ меня за руку и предложилъ мнѣ пройтись по саду, чтобы посудить, объ искусствѣ англійскаго садовника, устроившаго такъ, что ни откуда не видно предѣловъ весьма небольшого сада. Мы исходили его во всѣхъ направленіяхъ подъ трехчасовый, неумолкаемый и оживленный разговоръ. Великій князь сказалъ, что поведеніе моего брата и мое, наша покорность судьбѣ, такъ для насъ тягостной, и стойкость, съ какой мы приняли все, не придавая цѣны ничему и не отвергая милостей для насъ стѣснительныхъ, внушили ему къ намъ уваженіе и довѣріе; что онъ угадываетъ наши побужденія сочувствуетъ имъ и одобряетъ; что сильно желаетъ познакомить насъ съ истиннымъ образомъ своихъ мыслей, что ему непріятно, если бы мы имѣли о немъ понятіе, далекое отъ дѣйствительности. Онъ открылъ мнѣ затѣмъ, что онъ совершенно не раздѣляетъ мнѣній и правилъ кабинета и двора, что онъ нисколько не одобряетъ образа дѣйствій своей бабки, что всѣ его симпатіи были на сторонѣ Польши и ея славной борьбы, наконецъ, что онъ горевалъ объ ея паденіи; въ его глазахъ Косцюшко былъ великимъ человѣкомъ своей доблестной защитой праваго дѣла. Онъ сознался мнѣ, что ненавидитъ деспотизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ, что любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди; что живо и съ участіемъ слѣдилъ за французскою революціею; что, осуждая ея крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣха и радуется ему. Онъ съ благоговѣніемъ разсказы-

валъ мнѣ о своемъ наставникѣ, г. Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, истинной мудрости, строгихъ правилъ и сильнаго характера. Только ему онъ обязанъ всѣмъ, что имѣетъ хорошаго, всѣмъ, что знаетъ; въ особенности же обязанъ всѣми правилами истины и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастье носить въ своемъ сердцѣ и которыя развилъ въ немъ Лагарпъ. Въ саду мы нѣсколько разъ встрѣтили великую княгиню, прогуливавшуюся отдѣльно. Великій князь передалъ мнѣ, что его супруга хранительница всѣхъ его мыслей, что лишь она одна знаетъ и его чувства раздѣляетъ; что, исключая жену, я первый и единственный ихъ, съ кѣмъ послѣ Лагарпа, онъ рѣшился говорить по душѣ; что онъ никому не можетъ довѣрить своихъ мыслей, такъ какъ никто въ Россіи еще не способенъ раздѣлить или даже понять ихъ; при этомъ великій князь выразилъ радость, что будетъ имѣть человѣка, съ которымъ ему можно будетъ говорить откровенно и съ полнымъ довѣріемъ.

Легко себѣ представить, что разговоръ этотъ кончился съ его стороны изъявленіями дружбы, а съ моей выраженіями удивленія, благодарности и увѣреніями въ преданности. Мы разстались въ надеждѣ видѣться какъ можно чаще; онъ просилъ меня о крайней осторожности и безусловной тайнѣ; хотя и позволилъ передать моему брату содержаніе нашего разговора.

Простился я съ великимъ княземъ сильно взволнованный, не зная, сонъ это, или же дѣйствительность. Мнѣ не хотѣлось вѣрить, что наслѣдникъ Екатерины, любимый ея внукъ и воспитанникъ, тотъ самый, кого она мечтала, помимо сына, видать послѣ себя на престолѣ, тотъ, о комъ говорили, что въ немъ возродится духъ Екатерины—онъ-то именно и отрицалъ правила своей бабки, отрекался отъ нихъ и не признавалъ ея политики. Онъ страстно любилъ свободу и правду, онъ жалѣлъ о Польшѣ и хотѣлъ бы видѣть ее свободною. Не чудо ли, что въ этой средѣ могли развиться столь благородные мысли, столь высокая добродѣтель?

Я былъ молодъ, исполненъ выспреннихъ чувствъ и мыслей; меня не удивляли самыя невѣроятныя вещи, я всему охотно вѣрилъ, что казалось мнѣ величіемъ и доблестью. Я легко поддался понятному очарованію. Въ словахъ и въ мысляхъ этого

царственнаго юноши было такъ много искренности, чистоты, такая несокрушимая рѣшимость, столько самозабвенія и великодушія, что онъ представлялся мнѣ существомъ, предопредѣленнымъ свыше, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей страны. Я почувствовалъ къ нему безграничную привязанность, и это чувство сохранилось даже при постепенномъ разочарованіи въ подданныхъ имъ надеждахъ: позже оно устояло несмотря на всѣ удары, нанесенные самимъ же Александромъ, и никогда не угасло, несмотря на всѣ причины, на всѣ печальныя разочарованія. Я сообщилъ моему брату нашъ разговоръ и, мы излили другъ передъ другомъ нашъ восторгъ и наше удивленіе, предавшись мечтамъ о свѣтломъ будущемъ, которое, казалось, открывалось намъ. Не надо забывать, что тогда либеральныя взгляды были гораздо менѣе распространены, чѣмъ теперь, что они проникали далеко не во всѣ классы общества были чужды въ кабинетахъ государей, и что все съ ними схожее, тамъ напротивъ, клеймилось и предавалось анаѳемѣ; въ особенности же въ Россіи и въ Петербургѣ, гдѣ всѣ воззрѣнія стараго французскаго строя, доведенныя до крайности, такъ шли къ русскому деспотизму и раболѣпству. Встрѣтить среди такого общества человѣка, призваннаго воцариться надъ этимъ народомъ, оказать огромное вліяніе на Европу, съ мнѣніями столь опредѣленными, такъ благородными, и настолько противными существующему порядку,—не былъ ли то самый счастливый, самый сверхъестественный случай?

Сорокъ лѣтъ спустя оглядывая событія, происшедшія и послѣ такого разговора, слишкомъ живо чувствуешь, какъ мало они соотвѣтствуютъ надеждамъ, которые были ими въ насъ вызваны. Причиной было то, что тогда либеральныя идеи явились намъ въ сіяніи, которое съ тѣхъ поръ потускнѣло, и всѣ попытки приложить эти идеи на дѣлѣ повели къ жестокимъ разочарованіямъ. Французская республика, отдѣлавшись отъ террора, казалось, шла побѣднымъ шагомъ къ свѣтлой счастливой и славной будущности. Лучшимъ ея временемъ были 1796 и 1797 годы. Имперія еще не охладила и не сбила съ толку самыхъ горячихъ приверженцевъ революціи. Представьте себѣ наши чувства поляковъ, наши мечты, нашу неопытность, нашу вѣру въ конеч-

ную побѣду правды и свободы, и тогда легко поймете, что въ то время мы съ восторгомъ предались самой заманчивой фантазіи.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ этого знаменательнаго разговора, мы съ великимъ княземъ не находили случая къ бесѣдамъ, но при каждой встрѣчѣ обмѣнивались дружескими привѣтствіями, многозначительными взглядами.

Скоро дворъ переѣхалъ въ Царское Село. По обыкновенію всѣ придворные чины пріѣзжали туда въ праздничные и въ воскресные дни, чтобы присутствовать у обѣдни, обѣдахъ и вечерахъ. Нѣкоторые оставались ночевать и даже проводили нѣсколько времени въ маленькихъ домикахъ, находившихся вокругъ двора противъ дворца, или же въ городѣ, въ домахъ, въ которыхъ кромѣ стѣнъ, дверей и оконъ ничего не было. Великій князь пригласилъ насъ пріѣзжать въ Царское Село чаще, чтобы дольше проводить вмѣстѣ время. Онъ любилъ и искалъ общество, такъ какъ только съ нами могъ говорить откровенно и высказывать всѣ свои мысли. Въ аппартаменты дворца, мы имѣли право являться, когда Императрица выходила туда по вечерамъ; мы участвовали въ прогулкахъ и въ игрѣ въ бары, что повторялось ежедневно пока продолжалась хорошая погода, или присоединялись къ придворнымъ подъ колоннадою во дворцѣ, которую Императрица очень любила и которая соприкасалась съ ея внутренними покоями. Въ обыкновенные же дни за столомъ Императрицы обѣдали лишь дежурные. Однажды это выпало и мнѣ. Я былъ помѣщенъ противъ Екатерины и прислуживалъ ей, что исполнялъ не очень-то ловко.

Въ Царское Село выѣзжали мы часто, а скоро поселились въ немъ почти на все лѣто. Наши отношенія съ Александомъ были въ высокой степени привлекательны. Это было нѣчто въ родѣ франъ-масонства, коему не была чужда и великая княгиня. Эта близость была намъ очень дорога и наполнялась разговорами, которые мы весьма не охотно прерывали, обѣщая другъ другу возобновлять ихъ. Политическія ученія, которыя нынѣ показались бы лишь общими мѣстами, были тогда животрепещущими новостями; а тайна, которую мы должны были хранить, мысль, что это происходитъ на глазахъ двора, утопавшаго въ предразсудкахъ абсолютизма, среди этихъ министровъ, такъ

убѣжденнымъ въ своей непогрѣшимости, придавала еще болѣе торжественности и силы этимъ отношеніямъ, и они становились болѣе частыми и болѣе дружескими.

Екатерина видимо относилась благосклонно къ близости между ея внукомъ и нами; она одобряла эту дружбу, не догадываясь, конечно, ни до истиннаго его повода, ни послѣдствій. Я думаю судя по ея представленіямъ и по стариннымъ воззрѣніямъ на значеніе аристократіи, что считала небезполезнымъ привязать къ своему внуку представителей вліятельной польской семьи. Она не могла подозрѣвать, что эта дружба укрѣпитъ въ своихъ мнѣніяхъ, внушавшихъ уже ей опасенія и ненависть, ея внука и что она будетъ одною изъ множества причинъ успѣха либеральныхъ идей въ Европѣ, и, увы, кратковременнаго появленія ихъ на политической аренѣ Польши, которую она считала на всегда разрушенную. Это одобреніе Императрицею, заставляла молчать всѣхъ недоброжелателей и поощряло насъ въ нашихъ отношеніяхъ, и безъ того такъ привлекательныхъ.

Великій князь Константинъ, безъ подражанія брату и желанія угодить Императрицѣ, подружился съ моимъ братомъ, приглашалъ его къ себѣ, и вводилъ его насильно въ свой семейный кругъ, но при этомъ о политикѣ у нихъ не было и рѣчи. Судьба здѣсь не благопріятствовала моему брату; ни одна изъ причинъ, сблизившихъ насъ съ Александромъ, не могла существовать по отношенію къ Константину; его капризный, вспыльчивый, не знавшій никакого удержу, кромѣ страха характеръ, не внушалъ желаній сближенія съ нимъ. Великій князь Александръ просилъ моего брата не избѣгать этого сближенія, но только не открывать нашихъ тайныхъ разговоровъ Константину, хотя къ нему онъ питалъ братскія чувства.

Въ началѣ этого лѣта великій князь жилъ въ большомъ дворцѣ и еще не переселялся въ небольшой расположенный въ паркѣ дворецъ, который для него построила Императрица и который только-что былъ оконченъ. Нѣкоторое время посѣщеніе этого дворца было цѣлью нашихъ послѣобѣденныхъ прогулокъ. Наконецъ, великій князь переселился, и теперь наши свиданія стали болѣе свободными. Онъ часто оставлялъ насъ у себя обѣдать, и рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы послѣ разъѣзда одинъ изъ насъ не ходилъ къ нему ужинать, изъ Большаго

Дворца. Утрами мы гуляли пѣшкомъ, проходя иногда по нѣскольку верстъ. Великій князь любилъ ходить пѣшкомъ въ окрестныя деревни и здѣсь особенно предавался онъ любимымъ своимъ мечтамъ. Онъ былъ подъ обаяніемъ едва разцвѣтшей юности, которая создаетъ себѣ образы, живетъ ими, не находитъ имъ препятствій и родитъ безконечные планы будущаго. Его мнѣнія походили на мнѣнія школьника 89-го года, желавшій видѣть повсюду республику и считавшій эту форму правленія единственно соотвѣтствующую желаніямъ и правамъ человѣчества. Хотя я самъ въ это время былъ очень восторженнымъ, къ тому же родился и выросъ въ республикѣ, съ жаромъ принявшій всѣ начала французской революціи, однако, въ нашихъ спорахъ я всегда бралъ сторону благоразумія и старался умѣрять крайнія мнѣнія великаго князя. Между прочимъ, онъ утверждалъ, что престолонаслѣдіе установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть не можетъ даровать случай рожденія, а лишь приговоръ всей націи, она сама умѣетъ избрать способнѣйшаго къ управленію собою. Возражая на это, я старался представить всѣ доводы противъ такого мнѣнія, указывая на трудность и случайность избранія, на все то, что отъ этого перенесла Польша и какъ мало подготовлена Россія къ такому порядку. Я прибавлялъ, что въ данное время, Россія отъ этого ничего не выиграла бы, такъ какъ она лишилась бы того, кто достойнѣе всѣхъ верховной власти, чьи намѣренія самыя лучшія и самыя чистыя. По этому вопросу у насъ бывали безконечные споры. Иногда наши долгія прогулки, мы посвѣщали инымъ предметамъ. Разговоръ шелъ уже не о политикѣ, а о природѣ. Юный великій князь восторгался ея красотами. Нужна была особая любовь къ природѣ, чтобы находить наслажденіе въ той мѣстности, гдѣ мы совершали наши прогулки; однако въ этомъ мірѣ все относительно и которому великій князь восхищался цвѣткомъ, зеленью дерева, открытымъ видомъ съ небольшого пригорка, такъ какъ нѣтъ ничего менѣе живописнаго и менѣе красиваго, чѣмъ окрестности Петербурга. Александръ очень любилъ крестьянъ и наивную красоту крестьянокъ. Ихъ занятія и труды, простая и тихая жизнь на хорошенькой фермѣ, въ странѣ отдаленной и цвѣтущей—вотъ идеалъ, который ему хотѣлось осуществить и къ которому стремился онъ постоянно.

Я очень хорошо чувствовалъ, что подобныя мечты ему не шли, что при его высокомъ назначенiи и для того, чтобы совершить въ государственномъ строѣ великiя и счастливыя измѣненiя, нужны были большая сила и большая вѣра въ себя, чѣмъ имѣлъ ихъ великiй князь; что онъ заслуживалъ скорѣе порицанiе за свое желанiе сбросить съ себя громадное бремя, мечтая о счастiи спокойной жизни; что чувствовалъ трудность своего положенiя и бояться его недостаточно, а что нужно стремиться къ его укрѣпленiю. Эти мысли приходили на умъ лишь временами, но и тогда, когда справедливость ихъ болѣе всего меня поражала, они не могли уменьшить моего восторга и моей преданности великому князю. Его искренность, его прямота, легкость, съ которою онъ предавался прекраснымъ заблужденiямъ, имѣли неотразимую прелесть. При томъ же онъ былъ еще такъ молодъ, что могъ прiобрѣсти все, чего ему недоставало, сами обстоятельства, необходимость — могли развить способности, не имѣвшiя ни времени, ни случая показаться, но его взгляды, его намѣренiя, оставались чистымъ золотомъ, и хотя онъ съ того времени сильно перемѣнился, однако, нѣкоторые вкусы и мнѣнiя своей юности онъ сохранилъ до самой кончины.

Многiе особенно мои соотечественники упрекали меня впослѣдствiи за то, что я слишкомъ поддался увѣренiямъ Александра; я всегда отстаивалъ передъ его противниками искренность и неподдѣльность его взглядовъ. Впечатлѣнiе первыхъ лѣтъ нашей дружбы не могло изгладиться. Несомнѣнно, что когда 19-тилѣтнiй Александръ изливалъ передо мною подъ величайшимъ, секретомъ волнующiя его душу сомнѣнiя и чувства, скрываемыя имъ ото всѣхъ,—онъ дѣйствительно переживалъ ихъ и чувствовалъ необходимымъ съ кѣмъ-нибудь подѣлиться ими [1]). Какое иное побужденiе могло быть тогда у него? Кого хотѣлъ онъ обмануть? Онъ лишь повиновался влеченiю своего сердца и довѣрялъ мнѣ истинныя свои мысли. Я еще буду имѣть случай вернуться къ этому вопросу, когда буду говорить объ перемѣнахъ, произошедшихъ въ характерѣ этого государя.

Помимо описанныхъ только великодушныхъ наклонностей и

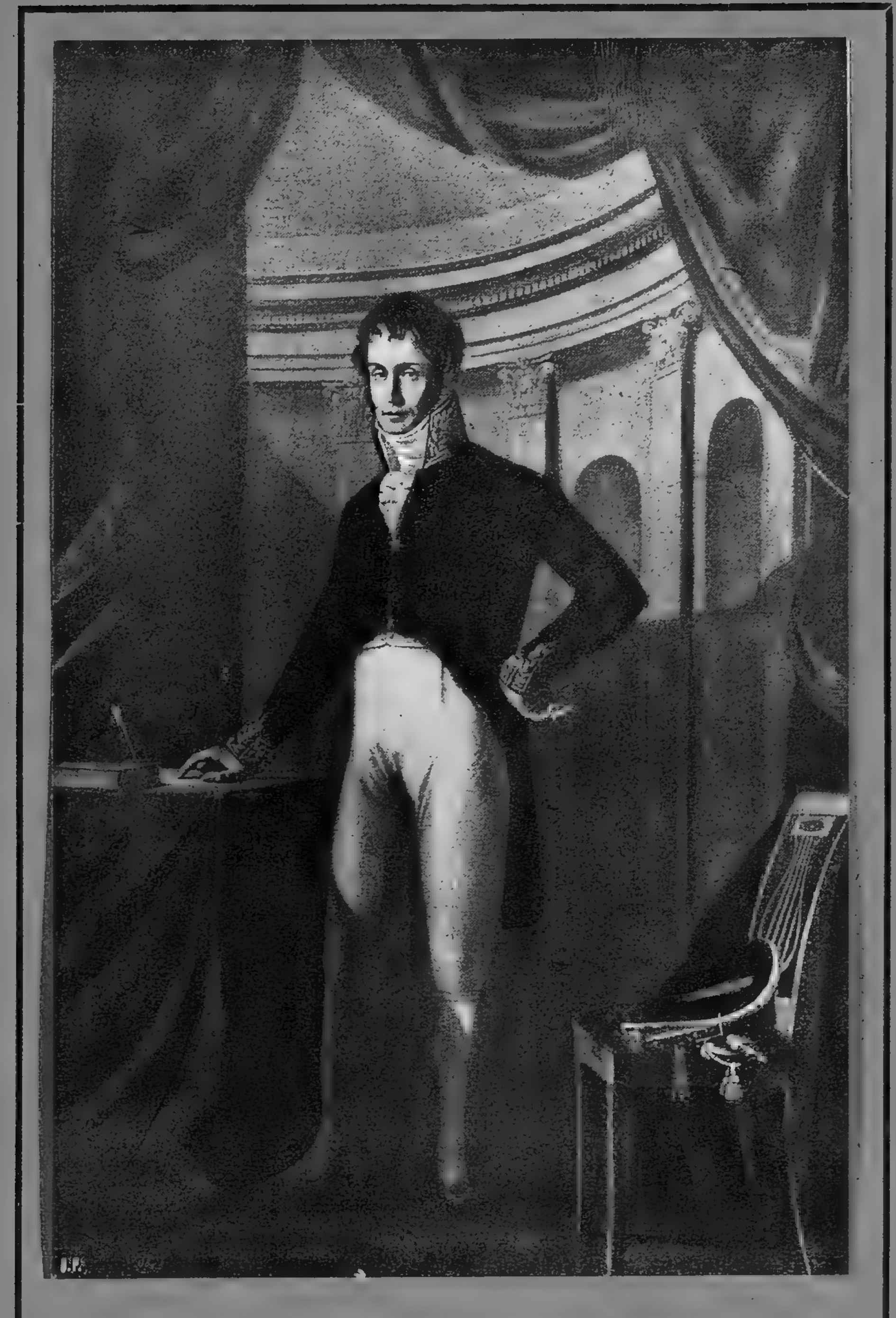
---

[1]) Несомнѣнность этого засвидѣтельствована и письменно. Смотри письмо Александра къ Кочубею съ такими же излiянiями тоски и мечтанiй. *Ред.*

стремленій у великаго князя Александра было еще одно влеченіе, которому онъ отдавался съ особеннымъ рвеніемъ и которое онъ, видимо, получилъ въ наслѣдство отъ отца—это любовь къ военной выправкѣ, смотрамъ и ученіямъ, словомъ,—та парадоманія, та страсть къ чисто внѣшней, показной сторонѣ военнаго дѣла, происхожденіе которой нужно искать въ Гатчинѣ и ея пресловутой арміи.

Екатерина, жалуя своему сыну почетный титулъ генералъ-адмирала флота, подарила ему также имѣніе Гатчину, устройствомъ которой Павелъ занялся съ обычной для него стремительностью. Здѣсь, хотя и въ меньшемъ видѣ онъ могъ осуществить свой прусскій идеалъ и создать себѣ маленькое Гатчинское государство, на которое Императрица снисходя смотрѣла какъ на безвредную забаву. Насколько помнится гатчинская «армія» состояла изъ нѣсколькихъ батальоновъ пѣхоты, кирасиръ, гусаръ, артиллеріи и морскихъ командъ. Надъ ними Павелъ командовалъ вполнѣ самостоятельно, награждалъ чинами, орденами, грамотами и рескриптами, которые сколько-нибудь значили конечно только въ Гатчинѣ.

Оба великіе князья получили командованіе въ этихъ войскахъ, и должно сказать, что какъ Александръ, такъ и Константинъ, чрезвычайно серьезно несли возложенныя на нихъ обязанности весьма ревностно вникали во всѣ мелочи строевой службы, стараясь доказать отцу свое къ ней рвеніе. При этомъ ихъ самолюбію льстило, что на нихъ лежала отвѣтственность за ввѣренныя имъ части, и молодые люди гордились сознаніемъ, что въ этой небольшой арміи они играютъ уже извѣстную роль, въ то время какъ при Большомъ дворѣ они находились на положеніи любимыхъ внуковъ бабушки, которая смотрѣла на нихъ почти какъ на дѣтей; это была большая ошибка Екатерины, которая, сильно заботясь объ образованіи великихъ князей (особенно же Александра), не предоставила имъ живой активной дѣятельности. Это имѣло самыя плачевныя послѣдствія, особенно же для Александра, какъ Императора. Оба великіе князя въ душѣ считали себя въ рядахъ Гатчинской арміи, а нисколько не въ Русской; Гатчина являлась имъ особымъ міромъ, и мнѣ часто приходилось слышать какъ въ разговорѣ между собою братья съ особеннымъ удареніемъ произносили «это по-нашему, по-гатчински». Я помню, что

Князь Адамъ Адамовичъ
ЧАРТОРЫЖСКІЙ.
Работы Олешкевича.

разъ Императрица хотѣла послать Александра съ генераломъ Кутузовымъ инспектировать крѣпости по шведской границѣ, но великій князь не выразилъ къ этому никакого интереса, и дѣло это окончилось ничѣмъ. А между тѣмъ его интересовали всѣ мелочи гатчинскихъ вахтъ-парадовъ и смотровъ и послѣ въ теченіе всего его царствованія парадоманія, эта эпидемическая болѣзнь многихъ монарховъ, заставила его потерять много драгоцѣннаго времени, которое онъ съ большимъ бы успѣхомъ могъ потратить на государственную пользу. Та же парадоманія была звеномъ, связывавшимъ его особенною дружбою съ Константиномъ, котораго онъ находилъ великимъ знатокомъ военнаго искусства.

Въ 1796 году произошло событіе, игравшее тоже огромную роль для Европы и самую плачевную для Польши. Великая княгиня Марія Θеодоровна родила сына. Крещеніе новорожденнаго торжественно отправлено въ Царскомъ Селѣ. Въ огромной Дворцовой церкви собрался Дворъ, всѣ высшіе сановники Имперіи и дипломатическій корпусъ. Не помню, какіе именно послы держали новорожденнаго отъ лица своихъ монарховъ; младенца же назвали Николаемъ. Видя этого миловиднаго ребенка, лежащаго на подушкахъ, я никакъ не предвидѣлъ, что это слабое, и нѣжное существо будетъ со временемъ бичемъ для Польши.

Одною изъ причинъ, невольно располагавшихъ обоихъ великихъ князей къ Павлу, было и болѣе благородное чувство, а именно симпатія къ Гатчинскому Двору. На воображеніе внуковъ Екатерины несомнѣнно, дѣйствовала та необычайная рѣзкость, почти жестокость Екатерины, съ какой она лишала своего сына и его супругу законныхъ родительскихъ правъ по отношенію къ дѣтямъ, такъ какъ едва только у Маріи Θеодоровны рождался ребенокъ, его тотчасъ отбирали у матери, какъ и другіе его братья и сестры, онъ переходилъ на воспитаніе бабки. До самой смерти Екатерины ни одинъ ребенокъ Павла не былъ предоставленъ своимъ родителямъ. Эта несправедливость очень возмущала Александра и Константина и отдаляла ихъ отъ Императрицы, особенно перваго, который въ душѣ кромѣ того совершенно не сочувствовалъ взглядамъ своей бабки. Что же касается Константина, то, хотя онъ и не раздѣлялъ многихъ либеральныхъ убѣжденій брата, однако что касалось нравовъ и распущенности ека-

терининскаго двора, онъ также недоброжелательно относился къ своей бабкѣ. Я не разъ слыхалъ его крайне рѣзкіе отзывы объ Императрицѣ, и даже послѣ ея смерти онъ относился къ ней съ обычною суровостью.

Наши дружественныя отношенія съ в. к. Александромъ не имѣли къ сожалѣнію, вліянія къ смягченію участи нашихъ плѣнныхъ соотечественниковъ, заключенныхъ въ крѣпости или находившихся подъ арестомъ въ городѣ. Мы не рѣдко бесѣдовали съ нимъ о Косцюшкѣ; къ судьбѣ его Александръ относился съ большимъ сочувствіемъ, но, робкій отъ природы и не обладая по своему положенію никакой властью онъ не считалъ для себя даже возможнымъ ходатайствовать за него. Хотя Александръ всегда считался любимымъ внукомъ Екатерины, и хотя его положеніе, обѣщало ему постъ государя, но онъ не имѣлъ никакого вліянія на дѣла; въ нихъ его даже и не посвящали.

Кажется совершенно непонятнымъ, почему Екатерина, безъ сомнѣнія, смотрѣвшая на Александра, какъ на своего наслѣдника и пріемника славнаго царствованія, не готовила его раньше къ этой тяжелой и отвѣтственной роли и не посвящала постепенно въ дѣла государственныя, или въ отдѣльныя отрасли управленія. Ничего подобнаго не было сдѣлано. Допустимъ даже, что Александръ не успѣлъ усвоить себѣ въ совершенствѣ многихъ нужныхъ познаній, то во всякомъ случаѣ онъ привыкъ бы къ серьезному труду, что могло бы спасти его отъ бездѣлія этого обычнаго спутника придворной жизни. Проходя по шаблону, она пуста, и заставляетъ тратить время на ничтожныя мелочи, хотя сама по себѣ создаетъ тысячу причинъ, оправдывающихъ бездѣйствіе. Возвращаясь домой послѣ цѣлаго ряда парадовъ или придворныхъ церемоній, Александръ только отдыхалъ, и ему, ужъ было не до чтенія. Прочитывалъ онъ все что попадалось подъ руку, урывками, безъ увлеченія и безъ пользы. Онъ слишкомъ рано женился и сознавая необходимость болѣе серьезныхъ занятій, онъ не обладалъ достаточной силой воли, чтобы преодолѣть массу мелочныхъ препятствій, порождавшихся придворной жизнью.

Воспитаніе великаго князя Александра было прекращено со времени его женитьбы, совпавшей съ отъѣздомъ Лагарпа изъ Россіи. Ему исполнилось 18 лѣтъ. Послѣ Лагарпа онъ остался

безъ руководителя научныхъ занятій и даже безъ извѣстной программы, столь необходимой при чтеніи. По этому поводу я всегда много говорилъ съ нимъ и не разъ предлагалъ ему разныя сочиненія по исторіи, законовѣдѣнію и политикѣ. Онъ сознавалъ ихъ пользу и значеніе, но, къ сожалѣнію укладъ придворной жизни не давалъ ему возможности систематическихъ занятій.

Вопреки всему этому въ годы своего царствованія Императоръ Александръ сталъ совершенно инымъ человѣкомъ. Достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ самостоятельнаго царствованія, постояннаго столкновенія со множествомъ государственныхъ людей, необходимости вникать въ важныя дѣла, чтобы сдѣлать изъ Александра не только вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, но, къ удивленію всѣхъ опытнымъ политикомъ съ тонкимъ проницательнымъ умомъ, легко справлявшагося съ самыми сложными дипломатическими вопросами, всегда обаятельнаго, не исключая самыхъ серьезныхъ разговоровъ. Невольно спрашиваешь себя: что вышло бы изъ Александра, при его блестящихъ дарованіяхъ если бы ему было дано болѣе серьезное первоначальное воспитаніе.

Въ числѣ лицъ, которымъ было поручено воспитаніе Александра, Лагарпа, говоря о которомъ нельзя не отозваться съ похвалою, конечно должно поставить на первомъ мѣстѣ. Я не знаю, кому именно предоставила Екатерина сдѣлать этотъ важный выборъ, но думаю, что Лагарпъ былъ рекомендованъ однимъ изъ энциклопедистовъ изъ кружка Гримма и Гольбаха.

Лагарпъ, повидимому, ни одинъ изъ отдѣловъ наукъ не проходилъ съ Александромъ особенно серьезно, по крайней мѣрѣ, при томъ вліяніи, которое онъ имѣлъ на умъ и сердце своего воспитанника, надо требовать большаго. Хотя надо сказать, что Лагарпъ все же сдѣлалъ очень много, воспиталъ въ Александрѣ любовь къ человѣчеству, справедливости, равенству и свободѣ, и употребилъ съ своей стороны, все стараніе, чтобы предразсудки, лесть и тому подобные недостатки характерные для придворной жизни, не загасили его благородныхъ порывовъ. Внушеніе и развитіе всѣхъ этихъ великихъ душевныхъ качествъ будущему Императору является большой заслугою Лагарпа. Но, къ сожалѣнію, эти прекрасные принципы установились во взглядахъ Александра лишь поверхностно, въ видѣ общихъ фразъ и теорій и не были въ состояніи проявиться, когда пришло время приложить ихъ на дѣлѣ...

Выборъ остальныхъ руководителей воспитанія Александра (Лагарпу была предоставлена только научная часть) былъ таковъ, что ему нельзя не удивляться.

Графъ Николай Салтыковъ, уже со времени Семилѣтней войны не служившій въ дѣйствительной военной службѣ,—что не помѣшало ему, однако, получить высшія военныя степени—былъ главнымъ руководителемъ обоихъ великихъ князей. Небольшого роста, съ огромной головой, нервный, постоянно больной, нуждавшійся въ постоянномъ уходѣ за собой—онъ оглашался самымъ ловкимъ царедворцемъ въ Россіи. Послѣ паденія Дмитріева-Мамонова Салтыковъ представилъ Императрицѣ Платона Зубова и такимъ образомъ устроилъ судьбу этого избранника. Это обстоятельство и послѣдовавшая затѣмъ вскорѣ смерть Потемкина усилили положеніе Салтыкова при дворѣ Императрицы. Онъ не только былъ посредникомъ, черезъ котораго Екатерина передавала свои желанія великимъ князьямъ, но даже и довѣреннымъ въ ея сношеніяхъ съ цесаревичемъ Павломъ. Салтыковъ старался смягчать и сглаживать всѣ рѣзкости между матерью и сыномъ часто многое умалчивалъ и добивался того, что съ обѣихъ сторонъ были имъ довольны. Вслѣдствіе этого мнѣніе оставалось невысказаннымъ, но это зналъ лишь одинъ Салтыковъ, боявшійся передавать всю правду. Всѣ эти качества, конечно, свидѣтельствовали о его дипломатическихъ талантахъ, но едва ли онъ могъ быть особенно полезнымъ въ роли воспитателя великихъ князей и имѣть благотворное на нихъ вліяніе. Кромѣ Н. И. Салтыкова, которому было поручено общее наблюденіе за воспитаніемъ великихъ князей, оба изъ нихъ имѣли еще своего наставника.

При Александрѣ эту должность занималъ графъ Протасовъ; всѣ его заслуги состояли лишь въ томъ, что онъ приходился родственникомъ фрейлинѣ фаворитки Императрицы, очень доброй женщины, о свойствѣ обязанностей которой ходили самые удивительные толки. Я думаю, что ничего не преувеличу, если сочту Протасова совершенно пустымъ и ограниченнымъ человѣкомъ: великій князь Александръ, очень мягкій въ отношеніяхъ, никогда не смѣялся надъ нимъ, но, конечно, не могъ относиться къ нему съ уваженіемъ.

Ближайшее воспитаніе Константина было вручено графу

Остенъ Сакену, человѣку—доброму мягкосердечному и слабохарактерному, бывшему постоянно предметомъ насмѣшекъ и выходокъ своего взбалмошнаго воспитанника.

Изъ всего здѣсь сказаннаго ясно, что окружавшіе великихъ князей едва ли могли быть очень имъ полезны. Поэтому проявленныя Александромъ впослѣдствіи качества должны были особенно поразить всѣхъ и доставляютъ ему еще больше похвалы: онъ ихъ проявилъ несмотря на недостаточное свое воспитаніе.

Во время пребыванія въ 1796 году Екатерины и ея двора въ Таврическомъ дворцѣ, только и говорили о скоромъ пріѣздѣ молодого шведскаго короля, чтобы вступить въ бракъ со старшей внучкой Екатерины великой княжной Александрой Павловной. Императрица приказала великимъ княжнамъ и фрейлинамъ разучить въ совершенствѣ французскую кадриль, наиболѣе модный танецъ при шведскомъ дворѣ.

Пріѣздъ короля былъ обставленъ изысканной любезностью: Густавъ IV прибылъ со своимъ дядей герцогомъ Зюдерманландскимъ, регентомъ королевства, съ многочисленной свитой. Національный костюмъ придворныхъ кавалеровъ, напоминалъ собою старые испанскіе костюмы и былъ чрезвычайно живописенъ, особенно выдѣляясь на выходахъ, балахъ и празднествахъ, дававшихся въ честь молодаго короля и его свиты. Великія княжны танцовали почти только со шведами, и оказывали имъ согласно желанію Императрицы особенное вниманіе.

Въ это время какъ въ Зимнемъ дворцѣ происходили увеселенія и торжественные пріемы, а въ Таврическомъ шли балы, концерты и едва ни ежедневно устраивали катанья съ горъ, король былъ представленъ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, какъ будущій ея женихъ. Эта внучка Екатерины имѣла рѣдкую красоту и очаровывала всѣхъ привлекательностью и ангельскою кротостью своего характера. Знать ее—означало уже восхищаться ею; поэтому не мудрено, что молодой король, подъ вліяніемъ ежедневнаго общенія съ нею, стремился къ заключенію брачнаго союза; кромѣ того онъ соотвѣтствовалъ соображеніямъ политическимъ—скрѣпить дружескія отношенія между Швеціей и домомъ Романовыхъ. Такого же взгляда держался и регентъ, герцогъ Зюдерманландскій, которому и принадлежала мысль о поѣздкѣ короля въ Россію.

Итакъ, въ принципѣ рѣшенія были готовы; оставалась лишь формальная сторона брачнаго договора и подписаніе его не могло вызвать какія-либо затрудненія, это было поручено графу Моркову, котораго Зубовы выдвигали для того, чтобы обойти графа Безбородко, не склонявшаго головы передъ всесильнымъ фаворитомъ и несмотря на это, пользовавшагося довѣріемъ Императрицы. Послѣ нѣсколькихъ недѣль празднествъ и увеселеній день торжественнаго обрученія былъ, наконецъ, назначенъ и церемонія должна была произойти вечеромъ. Митрополитъ, высшее духовенство, дворъ и весь дипломатическій корпусъ явились въ назначенное время; наконецъ, прибыла и сама Императрица. Стали ждать короля, но онъ почему-то не являлся. Началось довольно утомительное ожиданіе и скрытое перешептываніе, среди наиболѣе приближенныхъ бѣготня ихъ на глазахъ всего двора изъ внутреннихъ аппартаментовъ Императрицы и обратно. Наконецъ, спустя четыре часа мучительнаго ожиданія объявили, что торжество отмѣняется. Императрица выслала придворнаго [1]), который отъ ея имени выразилъ извиненіе передъ духовенствомъ и всѣми собравшимися чинами, заявивъ, что подписаніе брачнаго договора по нѣкоторымъ причинамъ временно пріостанавливается.

Однако, быстро стало извѣстнымъ, что все кончено. Самонадѣянность и небрежность Моркова, не потрудившагося даже изложить письменно всѣхъ статей договора и условиться объ ихъ предварительно съ королемъ служили причиною этого небывалаго въ дипломатическихъ и придворныхъ лѣтописяхъ событія. Увѣренный въ томъ, что король подпишетъ безъ колебаній всѣ статьи договора, онъ поднесъ его королю только въ день совершенія церемоніи. Въ дѣйствительности оказалось, что Густавъ IV ни за что не соглашался на то, чтобы будущая королева, сохраняя свое вѣроисповѣданіе, отправляла публично богослуженіе въ особомъ помѣщеніи, по обрядамъ греко-россійской церкви. Напрасно шведскіе министры, совѣтники и даже самъ регентъ уговаривали юнаго короля [2]) не настаивать на своемъ желаніи, а пойти на взаимныя уступки; Густавъ IV остался непре-

---

[1]) Оберъ-гофмаршалъ князь Θеодоръ Сергѣевичъ Барятинскій. Участникъ переворота 1762 года. Онъ скончался въ 1813 г.

[2]) Въ 1762 году Густаву IV было всего 16 лѣтъ.

клоннымъ и не принялъ предложеній Моркова, старавшагося уладить этотъ инцидентъ.

Сильное веселье начавшееся съ пріѣздомъ шведскаго короля, на другой день смѣнилось при дворѣ страшно подавленнымъ настроеніемъ. На этотъ день былъ назначенъ придворный балъ по случаю дня рожденія младшей изъ великихъ княженъ Анны Павловны — впослѣдствіи королевы Нидерландской. Екатерина появилась на немъ съ обычною улыбкой на устахъ, но взглядъ ея выражалъ сильное волненіе и гнѣвъ. Всѣ поражались ея твердости и наружному спокойствію, съ которымъ она принимала гостей. На балъ явился и король со свитою, и держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, хотя также имѣлъ удрученный видъ. Великій князь Павелъ Петровичъ казался до крайности раздраженнымъ, хотя многіе на ушко увѣряли, что онъ втайнѣ радовался дипломатической неудачѣ Екатерины. Александръ былъ глубоко возмущенъ поступкомъ короля, обвиняя впрочемъ во всемъ графа Моркова.

Черезъ два дня король выѣхалъ изъ столицы, и она сразу потеряла свой шумный, оживленный видъ. Весь дворъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ событіемъ, могшее повлечь за собой серьезныя послѣдствія. Удивлялись твердости «маленькаго шведскаго короля», рѣшившагося нанести это оскорбленіе могущественной государынѣ, и очень интересовались чѣмъ все это можетъ кончиться. Никто не допускалъ, чтобы Екатерина оставила безнаказанно подобную дерзость... Собранія и балы при дворѣ прекратились, великій князь Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ Гатчину, Императрица же не показывалась, оставаясь все время въ своихъ внутреннихъ аппартаментахъ. Говорили, что она придумываетъ свое рѣшеніе, которое заставитъ шведскаго короля жестоко раскаяться въ своемъ поступкѣ. Предположенія эти, однако, не подтвердились: случилось совсѣмъ иное—сама Императрица не вынесла этого удара.

Ноябрь былъ еще въ началѣ. Наступившіе пасмурные и холодные дни—всецѣло соотвѣтствовали мрачному настроенію всего двора. Великій князь Александръ не прекращалъ своихъ обычныхъ прогулокъ по набережной. Разъ (это было 5-го ноября) онъ встрѣтился съ моимъ братомъ и разговаривая съ нимъ, дошелъ до нашего дома. Я только-что сошелъ внизъ, и мы

бесѣдовали втроемъ, какъ прибѣгаетъ придворный скороходъ и впопыхахъ сообщаетъ Александру, что графъ Салтыковъ проситъ его высочество немедленно пожаловать къ нему. Александръ быстро пошелъ за скороходомъ и совсѣмъ не догадывался о причинѣ столь спѣшнаго вызова.

Скоро разнеслась вѣсть что съ Императрицей произошелъ апоплексическій ударъ. Она уже съ давнихъ поръ страдала опухолью въ ногахъ и, не слушая совѣтовъ врачей (которымъ вообще мало довѣряла), пользовалась домашнимъ лѣченіемъ, которое ей охотно совѣтовали ея ближайшія комнатныя прислужницы. Въ этотъ день она встала довольно рано и не чувствовала себя плохо. Пройдя въ свою уборную, она долго изъ нея не выходила; это обезпокоило ея камердинера, который, видя, что Императрица долго не выходила, пошелъ къ уборной и пріотворилъ дверь. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ Императрицу, лежавшую на полу безъ сознанія. Увидавъ своего вѣрнаго Захара, Екатерина взглянула на него, съ усиліемъ и сильнымъ страданіемъ поднесла руку къ сердцу, затѣмъ закрыла глаза и больше ихъ не открывала. Это былъ единственный признакъ жизни, который она проявила за всѣ послѣдніе дни. Всѣ усилія призванныхъ врачей возвратить къ жизни угасавшую Императрицу не имѣли успѣха.

Вѣсть о смертельной болѣзни Екатерины распространилась по всей столицѣ. На другой день всѣ, кто только имѣлъ право пріѣзда поспѣшили во дворецъ и въ страхѣ и смятеніи ждали дальнѣйшихъ событій. Большая часть присутствующихъ чувствовали искреннюю скорбь, однако было не мало и такихъ, которые сильно боялись потерять свое положеніе при дворѣ и занимаемыя мѣста, съ трепетомъ думая о завтрашнемъ днѣ. Мы съ братомъ также находились во дворцѣ и были свидѣтелями, какъ всеобщая растерянность и страхъ охватили многихъ высокопоставленныхъ лицъ, еще вчера столь гордыхъ своимъ положеніемъ и властью. Князь Платонъ Зубовъ имѣлъ растерянный и страдательный видъ и конечно обращалъ на себя общее вниманіе. Онъ то сжигалъ нѣкоторыя бумаги, которыя могли ему повредить, то приходилъ къ умирающей, напрасно ожидая, помощи врачей и надежды на выздоровленіе Императрицы. Этикета уже не существовало, и во дворцѣ царилъ полный безпорядокъ.

Наконецъ, намъ удалось пройти въ комнату Императрицы, гдѣ мы съ ужасомъ увидѣли ее лежащую безъ всякихъ признаковъ жизни на матрацѣ, спущенномъ на полъ; она не открывала глазъ, и только отъ времени до времени слышалось ея тяжелое дыханіе, смѣшанное съ хрипомъ.

Получивъ категорическое заявленіе врачей, что надежды, уже нѣтъ, князь Зубовъ сейчасъ же уничтожилъ множество бумагъ и отправилъ брата своего, графа Николая, въ Гатчину, доложитъ цесаревицу Павлу Петровичу о безнадежномъ положеніи Императрицы, его матери. Хотя Павелъ не разъ подумывалъ о возможности вступить на престолъ, но извѣстіе это его сильно взволновало, и онъ, прибывъ въ Петербургъ очень разстроеннымъ, до послѣдней минуты Екатерины сторонился всего, не считая себя Императоромъ. Все время безсознательнаго положенія Императрицы, онъ два раза въ день со всѣмъ своимъ семействомъ являлся въ ея комнату.

IV.

(1801).

Возвращеніе въ Петербургъ. — Свиданіе съ Императоромъ Александромъ. Частная съ нимъ бесѣда о событіи 11 марта.— Паденіе Палена.—Генералъ-прокуроръ Беклешовъ.—Недовольство участниковъ заговора. Разговоръ съ гр. Валеріаномъ Зубовымъ.—Положеніе Александра.—Графъ Н. П. Панинъ.— Его характеристика.—Роль Палена.

Приближаясь ближе къ Петербургу я очень волновался и все время находился подъ дѣйствіемъ двухъ противоположныхъ чувствъ: съ одной стороны, мною овладѣла радость и нетерпѣніе при мысли о свиданіи съ людьми мнѣ близкими и дружественными, съ другой же—меня тяготили неизвѣстность и размышленія могущихъ произойти въ этихъ людяхъ перемѣнахъ вслѣдствіе такъ рѣзко измѣнившихся обстоятельствъ въ ихъ положеніи.

Мнѣ былъ посланъ навстрѣчу фельдъегерь; онъ засталъ меня въ Ригѣ и вручилъ мнѣ письмо отъ Императора Александра и подорожную съ приказомъ почтовому начальству ускорить мой переѣздъ. Адресъ на конвертѣ написанъ былъ рукою самого государя, и въ немъ онъ титуловалъ меня дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ—чинъ, соотвѣтствующій военному чину генералъ-аншефа. Я крайне удивился, что государь такъ быстро произвелъ меня въ этотъ чинъ, и рѣшилъ не принимать его, находя это лишь недоразумѣніемъ. И дѣйствительно, пріѣхавъ въ Петербургъ, я представился Александру, показалъ ему конвертъ и оказалось, что надпись эта была сдѣлана имъ по ошибкѣ. Въ Россіи свободно можно воспользоваться подобною ошибкою государя, считая эту надпись высочайшимъ повелѣніемъ. Я не думалъ этого дѣлать и съ тѣхъ поръ не получилъ въ Россіи ни одной почетной награды.

Когда я снова увидалъ Александра, то первое впечатлѣніе, ко-

торое онъ произвелъ на меня, подтвердило мои тревожныя предчувствія. Императоръ возвращался съ парадовъ или ученій такой же, какъ и при жизни своего отца: блѣднымъ и усталымъ. Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно привѣтливо и имѣлъ видъ человѣка совершенно печальнаго и сильно убитаго горемъ. Теперь, когда онъ сталъ уже самодержцемъ, я началъ замѣчать за нимъ, хотя быть можетъ и ошибочно, особенный оттѣнокъ сдержанности и волненія, отъ которыхъ невольно сжималось сердце. Онъ провелъ меня въ свой кабинетъ, говоря:—«Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали: всѣ наши ожидаютъ васъ съ нетерпѣніемъ»,—и тѣмъ намекая на нѣкоторыхъ болѣе близкихъ ему лицъ, которыхъ онъ считалъ болѣе просвѣщенными и передовыми и которыя пользовались его исключительнымъ довѣріемъ.—«Находись вы здѣсь», продолжалъ государь, «всего этого бы не случилось: если бы вы были со мною, меня никогда бы имъ не удалось увлечь»... Затѣмъ, онъ началъ разсказывать о кончинѣ Павла и въ словахъ его слышались сильная скорбь и горькое раскаяніе.

Это грустное и трагическое событіе, въ теченіе нѣкотораго времени, было предметомъ частыхъ и продолжительныхъ нашихъ разговоровъ, при этомъ Александръ, несмотря на видимыя страданія, приносимыя ему этими разговорами, съ особенной подробностью передавалъ это ужасное происшествіе. Объ этихъ подробностяхъ я упомяну ниже, сопоставивъ ихъ съ другими свѣдѣніями, полученными мною отъ непосредственныхъ участниковъ этой мрачной драмы.

Возвращаясь ко многимъ другимъ вопросамъ, бывшимъ предметомъ нашихъ бесѣдъ съ Александромъ и на которые я желалъ узнать его теперешніе взгляды въ виду такъ измѣнившихся обстоятельствъ—я убѣдился, что вообще государю, какъ я надѣялся, попрежнему не были чужды его былыя мечты, но уже чувствовалось, что желѣзная рука дѣйствительности имѣетъ на него свое давленіе и онъ,—уступая силѣ, не властвуя еще ни надъ чѣмъ и не сознавая своего могущества, не умѣлъ имъ еще пользоваться.

Столица, когда я въ нее въѣхалъ, напоминала мнѣ видъ моря послѣ сильной бури, которое продолжало еще волноваться, хотя постепенно успокаиваясь.

Графъ Паленъ только-что былъ уволенъ государемъ. Паленъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ покойнаго Императора

Павла и былъ вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ главою и душою заговора, прекратившаго дни этого несчастнаго монарха. Событія 11 марта 1801 года никогда бы не существовало, если бы Паленъ имѣвшій въ своихъ рукахъ власть и всѣ средства въ роли военнаго губернатора Петербурга, не былъ во главѣ заговора. По совершеніи переворота, Паленъ считалъ себя всемогущимъ, пользуясь своими силами. И дѣйствительно, съ первыхъ же дней новаго царствованія онъ проявилъ энергію, руководилъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политикой, принявъ мѣры, необходимыя въ виду возможнаго появленія англійскаго флота въ водахъ Ревеля, Риги и Кронштадта послѣ кровавыхъ копенгагенскихъ событій. Нельсонъ торжествовалъ побѣду въ Копенгагенѣ въ то время, когда Императоръ Павелъ погибъ въ Петербургѣ, куда извѣстіе о гибели датскаго флота пришло черезъ два дня послѣ смерти Императора. Пользуясь неопредѣленностью и всеобщей растерянностью правительства въ первое время послѣ убійства, Паленъ пожелалъ захватить въ свою власть расшатанныя бразды правленія и къ всесильной должности военнаго губернатора Петербурга занять постъ статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ. Такъ, въ главнѣйшихъ правительственныхъ актахъ того времени всюду стоитъ его подпись. Ничего не должно было происходить безъ его согласія: онъ взялъ на себя роль покровителя юнаго государя и даже дѣлалъ ему сцены, когда онъ тотчасъ же не соглашался на его представленія, или вѣрнѣе сказать на то, что онъ навязывалъ Александру. Уже поговаривали, что Паленъ стремится къ роли «палатнаго мэра». Императоръ Александръ, поглощенный весь горемъ и отчаяніемъ, среди безутѣшной семьи, казалось, въ собственномъ дворцѣ находился во власти заговорщиковъ, которыхъ принужденъ былъ щадить и подчиняться ихъ волѣ.

Въ то время одна изъ важнѣйшихъ должностей государства— генералъ-прокурора Сената, которому подчинены были внутреннія дѣла юстиціи, финансы и полиція—была не занята послѣ удаленія одного изъ павловскихъ фаворитовъ. Императоромъ Александромъ былъ сдѣланъ удачный выборъ, когда на эту должность былъ назначенъ генералъ Беклешовъ, въ это время находившійся въ Петербургѣ, по вызову Императора Павла, желавшаго, вѣрно, это мѣсто предоставить ему.

Совершенно незнакомый съ вопросами внѣшней политики, но

изучившій въ совершенствѣ многочисленные указы и знавшій всѣ тонкости административной рутины русскаго правительства, Беклешовъ умѣло пользовался своею властью, проводя начала справедливости въ вопросахъ правосудія. Ему были совершенно чужды политическія партіи и онъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ, что служило особенною заслугою въ глазахъ Императора Александра, почему тотъ и относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ и однажды откровенно сказалъ ему, какъ онъ тяготится ролью Палена. Беклешовъ отвѣчалъ ему на это со свойственной ему рѣзкостью, выраженіемъ своего недоумѣнія, что самодержецъ на что-то жалуется и не осмѣливается выказать своей воли.— «Когда мнѣ досаждаютъ мухи» — сказалъ государь— «я просто ихъ прогоняю».

Вскорѣ послѣ этого Императоромъ былъ подписанъ указъ, въ которомъ Палену предписывалось немедленно оставить Петербургъ и выѣхать въ свои помѣстья. Беклешовъ, находясь съ нимъ все время въ дружескихъ отношеніяхъ, въ качествѣ генералъ-прокурора, взялъ на себя обязанность вручить ему указъ, равно и повелѣніе выѣхать изъ столицы въ 24 часа. На другой день рано утромъ, Беклешовъ явился къ Палену и, разбудивъ его, передалъ волю Императора. Послѣдній повиновался. Такимъ образомъ Александръ впервые проявилъ свою самодержавную власть, не имѣющую въ Россіи границъ.

Это событіе надѣлало много шума среди участниковъ заговора, которые обвинили Александра въ двуличіи и неискренности. Передавали, что наканунѣ лишенія Палена всѣхъ должностей и отправленія его въ ссылку, Александръ, во время доклада, происходившаго поздно вечеромъ, принялъ его какъ и обыкновенно и совершенно спокойно бесѣдовалъ о дѣлахъ и ни чѣмъ не измѣнился въ своемъ обращеніи. Но могъ ли онъ поступить иначе? Какъ бы то ни было, этотъ первый актъ проявленія самостоятельности молодого государя вызвалъ неудовольствіе среди заговорщиковъ и сильно ихъ встревожилъ.

Съ Зубовыми, принадлежавшимъ столь выдающаяся роль въ событіи 11 марта, у меня были отношенія еще въ царствованіе Императрицы Екатерины. Благодаря ихъ всемогуществу въ то время, намъ удалось получить значительную часть имѣній нашего отца. Когда вступилъ на престолъ Императоръ Павелъ, и

когда при дворѣ всѣ стали ихъ избѣгать, боясь даже подойти къ нимъ, мнѣ удалось доставить имъ свиданіе съ великимъ княземъ Александромъ.

Нѣсколько дней спустя по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, графъ Валеріанъ Зубовъ пожелалъ увидѣться со мною. При томъ онъ много и подробно говорилъ о совершившемся переворотѣ и о современномъ настроеніи умовъ, жалуясь, что государь не стоитъ за своихъ истинныхъ друзей, которымъ онъ обязанъ престоломъ, несмотря на всѣ для нихъ опасности. «Не такъ поступала Императрица Екатерина», говорилъ Зубовъ: «она открыто поддерживала тѣхъ, кто ради ея спасенія рисковали своей жизнью. Она, не задумываясь, искала въ нихъ опору и благодаря этой столь же мудрой, сколь предусмотрительной политикѣ, она всегда могла разсчитывать на ихъ безграничную преданность. Она обѣщала съ первыхъ дней вступленія на престолъ не забывать оказанныхъ ей услугъ, и этимъ пріобрѣла преданность и любовь всей Россіи. Вотъ почему — продолжалъ Зубовъ—царствованіе Екатерины было столь могущественнымъ и славнымъ: никто не колебался принести самую величайшую жертву для государыни, такъ какъ зналъ, что онъ будетъ вполнѣ вознагражденъ. Императоръ же Александръ, своимъ двусмысленнымъ, нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій, рискуетъ самыми гибельными послѣдствіями; онъ колеблется и тѣмъ отталкиваетъ рвеніе своихъ истинныхъ друзей, которые, если только-что и желаютъ доказать, то ему лишь свою преданность». Затѣмъ, графъ Зубовъ прибавилъ, что «императрица Екатерина опредѣленно заявила ему и его брату, князю Платону, что на Александра имъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на единственнаго законнаго ихъ государя, и служить только ему, и никому другому, вѣрой и правдой. Они это сдѣлали свято, а между тѣмъ, чѣмъ ихъ за это наградили?» Это, несомнѣнно, было сказано, чтобы оправдаться въ глазахъ молодого Императора за участіе въ заговорѣ на жизнь его отца и чтобы доказать ему, что этотъ образъ дѣйствій былъ прямымъ слѣдствіемъ тѣхъ обязательствъ, которыя сама Императрица на нихъ возложила по отношенію къ Александру. Но они, очевидно, не знали, что послѣдній и даже великій князь Константинъ, совсѣмъ не питали по отношенію къ своей бабкѣ тѣхъ чувствъ, которыя они въ нихъ предполагали.

Во время этого разговора продолжавшагося около часу, я не разъ перебивалъ моего собесѣдника, стараясь объяснить ему нѣкоторыя дѣйствія молодого государя, не входя, однако, въ обсужденіе подробностей послѣднихъ событій, такъ какъ вслѣдствіе моего отсутствія изъ Петербурга я стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ заговора. Графъ же Зубовъ несомнѣнно высказывалъ мнѣ свои взгляды для того, чтобы я передалъ нашъ разговоръ государю. Хотя я и не далъ ему такого обѣщанія, однако, при первомъ же удобномъ случаѣ я сообщилъ объ немъ Императору Александру. Послѣдній, видимо, не придалъ этому особаго смысла несмотря на то, что я почти дословно передалъ ему нашъ разговоръ. Онъ доказывалъ, что заговорщики, а особенно же главари, открыто хвалились своимъ поступкомъ, считая его, заслугой передъ отечествомъ и молодымъ государемъ, на благодарность и милости котораго они были въ правѣ надѣяться. Они даже намекали, что удаленіе и опала не безопасны для Александра, и что изъ благодарности, а также изъ благоразумія ему слѣдуетъ окружить себя людьми, которые возвели его преждевременно на высоту престола и которые могутъ ему составить самый вѣрный и естественный оплотъ. Подобное разсужденіе, вполнѣ естественное въ Россіи, классической странѣ дворцовыхъ переворотовъ, не имѣло, однако, желаемаго впечатлѣнія на Александра. Странно впрочемъ было бы думать, что онъ могъ когда-нибудь сочувствовать убійцамъ своего отца и добровольно предаться въ ихъ руки.

Всѣ дѣйствія Императора Александра являлись результатомъ его характера, воспитанія, его чувства и его положенія, и измѣнить ихъ онъ не могъ. Однако онъ все же удалилъ Палена того, единственно, кто быть можетъ, изъ главарей заговора могъ возбудить серьезныя опасенія и стать дѣйствительно опаснымъ вслѣдствіе своей ловкости, огромныхъ связей, личной храбрости и безмѣрнаго честолюбія, затѣмъ Александръ постепенно удалилъ и другихъ главарей заговора,—не потому, что считалъ ихъ опасными, а изъ чувства непріязни и отвращенія, которое долженъ былъ онъ испытывать при одномъ ихъ видѣ. Графъ Валеріанъ Зубовъ былъ единственнымъ, кто изъ заговорщиковъ остался въ Петербургѣ и былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта. Его пріятная внѣшность, искренность и прямота нравились Алек-

сандру и вселяли къ нему довѣріе; оно укрѣплялось еще тою привязанностью, я думаю, вполнѣ искреннею, которую онъ проявлялъ къ особѣ Императора, а также его вялымъ даже нѣсколько безпечнымъ характеромъ и отсутствіемъ карьеризма. Онъ имѣлъ большую склонность къ прекрасному полу и почти исключительно имъ былъ занятъ.

Теперь я постараюсь передать о заговорѣ и его ближайшихъ результатахъ все, что мнѣ стало извѣстно лично, а также всѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось получить нѣсколько позже, начиная съ возникновенія самаго плана, и кончая выполненіемъ заговора. Я изложу факты такъ, какъ я ихъ припоминаю, или по мѣрѣ того, какъ они мнѣ стали извѣстны, не придерживаясь строго хронологическаго порядка офиціальнаго изложенія. Изъ моего разсказа читатель увидитъ, что самые опытные и ловкіе люди часто дѣлаютъ ошибки вслѣдствіе ложной оцѣнки своихъ обязанностей и тѣхъ средствъ, которыми они располагали, а также вслѣдствіе невѣрнаго знанія характера людей, отъ которыхъ зависитъ окончательный успѣхъ ихъ плана и осуществленіе ихъ желаній.

Сейчасъ же послѣ окончанія кроваваго дѣла заговорщики отдались безстыдной, и неприличной радости. Это было какъ бы всеобщее опьянѣніе не только въ переносномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ дворцовые погреба были опустошены и вина лились рѣкою, когда пили за здоровье новаго Императора и гларныхъ «героевъ» заговора. Въ первые дни послѣ цареубійства заговорщики открыто хвалились совершеннымъ злодѣяніемъ, наперерывъ перечисляя свои заслуги въ этомъ кровавомъ дѣлѣ, выдвигаясь другъ передъ другомъ на первый планъ, причисляя себя къ той или другой партіи, и т. п. Среди этой всеобщей распущенности, этой радости, Императоръ и его семейство, подъ бременемъ горя и слезъ, почти не выходили изъ дворца.

Со временемъ, когда постепенно начало улегаться возбужденіе умовъ, большинство убѣдилось, что вся эта радость, которую такъ открыто проявляли, не раздѣляется большинствомъ и что подобнаго рода хвастовство, не отвѣчающее ни уму, ни сердцу, вызываетъ только презрѣніе и негодованіе; наконецъ, если даже самая смерть Павла, быть можетъ, и избавила Россіо отъ большихъ бѣдствій, то во всякомъ случаѣ участіе въ этомъ крова-

вомъ преступленіи едва ли могло считаться заслугою. Однако руководители заговора прикрывались высокими фразами, говоря, что главною и единственною причиною, побудившею ихъ, было спасеніе государства.

Между тѣмъ молодой государь, оправившись послѣ первыхъ дней потрясеній и упадка духа, почувствовалъ непреодолимое презрѣніе къ главарямъ заговора, особенно же къ тѣмъ изъ нихъ, чьи убѣжденія заставили его согласиться съ ихъ планомъ, исполненіе котораго, по ихъ словамъ нисколько не угрожало жизни его отца, такъ какъ, говорили они, для спасенія Россіи достаточно лишить его власть убѣдивъ Павла отказаться отъ престола въ пользу сына, чему бывали неоднократно случаи среди государей Европы.

Императоръ Александръ передавалъ мнѣ, что первый, кто подалъ ему эту злополучную мысль, былъ графъ Панинъ которому этого онъ никогда не могъ простить. Этотъ человѣкъ былъ, видимо рожденъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, играть выдающуюся роль въ государствѣ. Онъ владѣлъ всѣми необходимыми для этого качествами: громкимъ именемъ, необыкновенными способностями и огромнымъ честолюбіемъ. Еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ онъ уже сдѣлалъ блестящую карьеру. Назначенный русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, онъ вскорѣ былъ вызванъ Императоромъ Павломъ и назначенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ подъ начальствомъ князя Александра Куракина, приходившагося ему дядей со стороны матери. Князь Куракинъ, другъ и товарищъ дѣтскихъ игръ Павла, былъ единственнымъ изъ всѣхъ близкихъ ко двору лицъ, котораго не затронули выходки государя и который остался въ милости за все время его царствованія. Графъ Н. П. Панинъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ сыномъ извѣстнаго генерала, оставившаго послѣ своей смерти весьма почтенное и уважаемое имя, и племянникомъ графа Панина, бывшаго министра и воспитателя великаго кнкзя Павла Петровича.

Молодой графъ Панинъ воспользовался всѣми этими данными и очень скоро пріобрѣлъ вѣсъ и вліяніе въ обществѣ и быстро сталъ двигаться по служебной лѣстницѣ. Онъ былъ высокаго роста, холодный, говорившій въ совершенствѣ на французскомъ языкѣ: мнѣ не разъ приходилось читать его донесенія, которыя

всегда выдѣлялись глубиной мысли и блестящимъ слогомъ. Въ Россіи онъ имѣлъ репутацію чрезвычайно даровитаго и энергичнаго человѣка, съ большимъ здравымъ смысломъ, но сухого, черстваго властнаго и непокладистаго характера.

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ иностранной коллегіи, графъ Никита Петровичъ навлекъ чѣмъ-то неудовольствіе Императора, былъ отстраненъ отъ должности и высланъ на жительство въ Москву. Какъ мы увидимъ ниже, онъ хорошо использовалъ это пребываніе въ Москвѣ, переписывался со своими единомышленниками и, несмотря на ссылку, продолжалъ влiять на умы. Извѣстіе о смерти Павла онъ встрѣтилъ съ нескрываемою радостью и сейчасъ же былъ въ Петербургѣ съ самыми радужными надеждами на будущее. И дѣйствительно, онъ тутъ же былъ назначенъ управляющимъ иностранными дѣлами. Будучи въ Петербургѣ мнѣ не удалось съ нимъ встрѣтиться, такъ какъ, вслѣдствіе своей дипломатической службы, онъ рѣдко пріѣзжалъ въ столицу. Жена его, урожденная Орлова, оставалась въ Петербургѣ. Она была чрезвычайно симпатичная, милая и любезная женщина относившаяся ко мнѣ весьма дружески. По моемъ возвращеніи въ Петербургъ, она очень желала сблизить меня съ мужемъ и сдѣлала все возможное, чтобы связать насъ дружбою. Усилія однако ея, не имѣли успѣха, такъ какъ кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, одна внѣшность графа, его ледяная холодность и почти суровая выдержанность мало располагали въ его пользу. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ прозвалъ меня «Сарматомъ» и въ обществѣ, когда рѣчь заходила обо мнѣ, постоянно спрашивалъ: «а что дѣлаетъ Сарматъ?»

Панинъ и Паленъ, главари заговора, были, конечно въ то время самыми выдающимися и способными людьми въ имперіи, среди сановниковъ и придворныхъ. Они были несравненно дальновиднѣе и умнѣе всѣхъ членовъ совѣта Павла, въ составѣ котораго они оба находились. Сговорившись между собою, они рѣшили привлечь на свою сторону Александра. Какъ люди благоразумные и осторожные, они понимали, что прежде всего имъ нужно имѣть согласіе наслѣдника престола и что безъ него такое рискованное дѣло, въ случаѣ неудачи можетъ окончиться для нихъ крайне печально. Если бы на ихъ мѣстѣ были люди молодые, увлекающіеся и преданные дѣлу, они непремѣнно бы

поступили иначе: они стали бы вмѣшивать сына въ такое дѣло, гдѣ вопросъ идетъ о низверженіи отца, а пошли бы на смерть, пожертвовавъ собою ради спасенія отечества, чтобы избавить будущаго государя всякаго участія въ переворотѣ. Но такого рода дѣйствія были почти немыслимы и требовали отъ заговорщиковъ или беззавѣтной храбрости, или античной доблести, на что не были способны дѣятели этой эпопеи.

Въ качествѣ военнаго губернатора Петербурга, Графъ Паленъ имѣлъ всегда возможность видаться съ Александромъ; онъ убѣдилъ великаго князя согласиться на тайное свиданіе съ Панинымъ. Это первое свиданіе происходило въ ванной комнатѣ. Панинъ представилъ Александру въ яркихъ краскахъ плачевное положеніе Россіи и тѣ ужасы, которые можно ожидать въ будущемъ, если Павелъ будетъ продолжать властвовать. Онъ старался убѣдить его, что содѣйствіе перевороту является для него священной обязанностью по отношенію къ отечеству, и что преступно приносить въ жертву судьбу милліоновъ своихъ подданныхъ самодурству и дикости одного человѣка, если бы даже этотъ человѣкъ былъ его отцомъ.

Онъ указалъ Александру что жизнь, по крайней мѣрѣ свобода его матери, его собственная и всей царской семьи находится въ опасности, вслѣдствіе того отвращенія, которое Павелъ имѣлъ къ своей супругѣ; съ нею онъ совсѣмъ разошелся и свою ненависть, все болѣе возраставшую, онъ даже не скрывалъ и легко могъ при такомъ отношеніи принять самыя суровыя и крутыя мѣры; что вопросъ идетъ только объ отнятіи у Павла престола, чтобы воспрепятствовать ему подвергнуть страну еще большимъ бѣдствіямъ, спасти императорское семейство отъ угрожающей ему опасности, дать самому Павлу спокойную и счастливую жизнь, вполнѣ гарантирующую ему полную безопасность отъ всякихъ случайностей, которымъ онъ подвергается теперь. Что, наконецъ, спасеніе Россіи находится въ его, великаго князя власти, и поэтому его нравственная обязанность поддержать тѣхъ, кто стремится теперь спасти отечество и династію.

Эти слова Панина произвели сильное впечатлѣніе на Александра, однако не убѣдили его окончательно дать свое согласіе; лишь послѣ шестимѣсячныхъ увѣщаній и убѣжденій удалось, наконецъ, его вырвать. Графъ Паленъ, какъ чрезвычайно ловкій

человѣкъ, заставилъ предварительно высказаться Панина, находя его наиболѣе скромнымъ и способнымъ для столь труднаго дѣла, какъ убѣжденіе наслѣдника престола къ поступкамъ, противнымъ его мыслямъ и чувствамъ. Послѣ опалы Панина и высылки его въ Москву, Паленъ приступилъ уже лично воздѣйствовать на великаго князя всевозможными намеками, полусловами и словечками, понятными одному Александру, сказанными въ видѣ откровенности военнаго человѣка—отличительная манера краснорѣчія этого генерала[1]). Такимъ образомъ, послѣ отъѣзда въ Москву Н. П. Панина, Паленъ остался одинъ во главѣ заговора, и въ концѣ концовъ онъ вырвалъ у Александра роковое согласіе на устраненіе Павла отъ престола.

Весьма жалко, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ роковыхъ обстоятельствъ, Александръ, такъ всегда стремившійся къ добру и обладавшій такими качествами для его осуществленія, былъ причастенъ къ этой ужасной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неминуемой катастрофѣ, бывшей концомъ жизненному поприщу Павлу.

Конечно, Россія страдала подъ властью такого человѣка, душевное равновѣсіе котораго было совершенно нарушено, и что самый переворотъ былъ вызванъ силой вещей, однако Александръ всю свою жизнь чувствовалъ въ душѣ этотъ тяжелый упрекъ въ соучастіи съ заговорщиками, посягнувшими, хотя и безъ его вѣдома, на жизнь его отца. Въ его глазахъ событіе 11 марта было несмываемымъ пятномъ на его репутаціи, какъ монарха и какъ человѣка, хотя на дѣлѣ оно доказывало только его юношескую неопытность, полное незнакомство съ людьми и своей страны. Это угрызненіе преслѣдовало его всю жизнь и

---

[1]) Паленъ слылъ всегда за самаго тонкаго и хитраго человѣка, обладавшаго удивительною способностью выворачиваться изъ положеній самыхъ затруднительныхъ, особенно когда дѣло шло о быстромъ движеніи корабля его фортуны. Послѣдній тѣмъ не менѣе благодаря непредвидѣнной случайности потерпѣлъ крушеніе у самаго входа въ гавань, когда ему почти нечего было опасаться. Въ Лифляндіи на родинѣ Палена мѣстное дворянство, хорошо его знавшее, говорило о немъ такъ: «Er hat die Pfiffologie studiert»—отъ немѣцкаго слова «pfiffig»: хитрый, ловкій, пронырливый человѣкъ, который всегда мистифицируетъ другихъ, а самъ никогда не остается въ дуракахъ. Самъ Паленъ всегда употреблялъ это выраженіе, когда онъ хотѣлъ похвалить кого-нибудь.

А. Ч—скій.

подобно коршуну терзало его чувствительное сердце, парализуя въ началѣ его царствованія лучшія его способности и начинанія, а подъ конецъ жизни привело его къ мистицизму, граничившему иногда съ суевѣріемъ.

Императоръ Павелъ велъ государство къ неизбѣжной гибели и разложенію, внеся полную дезорганизацію въ правительственную систему. Онъ царствовалъ порывами, минутными вспышками, не думая о послѣдствіяхъ своихъ приказовъ, какъ человѣкъ, который не даетъ себѣ труда взвѣсить всѣ стороны вопроса, который повелѣваетъ и лишь требуетъ мгновеннаго выполненія своей воли. Высшіе классы общества, сановники, генералы, офицеры, значительное чиновничество, словомъ всѣ, кто въ Россіи составляли мыслящую и правящую часть страны было почти увѣрены, что Императоръ совсѣмъ ненормаленъ и подверженъ болѣзненнымъ припадкамъ. Это было настоящее царство страха; Павла ненавидѣли даже за его добрыя качества, хотя въ глубинѣ души онъ желалъ правды и справедливости и иногда въ своихъ порывахъ гнѣва онъ каралъ справедливо и вѣрно. Вотъ почему въ его краткое царствованіе русскіе чиновники менѣе позволяли себѣ злоупотребленій, были болѣе доступны, держались въ страхѣ, менѣе грабили и были менѣе заносчивы, чѣмъ въ предыдущія и послѣдующія царствованія. Однако это правосудіе Павла, поистинѣ слѣпое, преслѣдованіе правыхъ и виноватыхъ, карали безъ толку, были безумны и ужасны ежеминутно угрожали одинаково какъ генераламъ, офицерамъ, арміи, такъ и гражданскимъ чиновникамъ и въ результатѣ вызывало глухую ненависть къ Павлу, заставлявшему всѣхъ дрожать и наводившему на всѣхъ постоянный страхъ за свою судьбу.

Вслѣдствіе этого, заговоръ можно назвать всебщимъ; высшая аристократія, дворянство, гвардія и армія, среднее сословіе, ремесленники,—словомъ, все населеніе столицы, а равно помѣщики, чиновники и купечество—всѣ трепетали, всѣ сознавали невыносимый гнетъ его жестокаго самовластія и изнемогали отъ постояннаго страха. Подобное состояніе общества, угнетеннаго и терроризованнаго, должно было, наконецъ, разразиться катастрофой.

Въ такомъ положеніи Россія оказалась съ первыхъ же дней царствованія Павла, при чемъ съ каждымъ годомъ странности и

самодурства Императора все увеличивались. Это и было истинной причиной заговора, закончившагося его смертью. Не мало увѣряли, что заговору способствовало англійское золото. Я лично этого не думаю. Если даже допустимъ, что тогдашнее англійское посольство было лишено всякихъ нравственныхъ правилъ, такъ и тогда обвиненіе его въ соучастіи въ заговорѣ едва ли основательно, такъ какъ переворотъ 11 марта 1801 г. вызванъ вполнѣ естественными причинами. Съ самаго вступленія Павла на престолъ, въ Россіи началось хотя еще и смутное, но единодушное предчувствіе скорой, давно желанной перемѣны правленія. Объ этомъ говорили полусловомъ, намеками, но очень упорно. Еще въ 1797 году, до моего отъѣзда изъ Петербурга, среди придворной молодежи считалось признакомъ хорошаго тона критиковать и высмѣивать дѣйствія Павла составлять на него эпиграммы и вообще позволять себѣ вольности, при томъ говорившіяся почти во всеуслышаніе. Это была государственная тайна, которая довѣрялась всѣмъ, даже женщинамъ и еще юнымъ щеголямъ общества, и все же никто не проговорился, никто не выдалъ эту тайну. И это при монархѣ столь подозрительномъ и недовѣрчивомъ, какимъ былъ Павелъ.

Однако заговоръ этотъ никогда бы не осуществился и тайна была бы все-же раскрыта, если бы постъ петербургскаго военнаго губернатора, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи войска и полицію, не находился въ рукахъ рѣшительнаго человѣка, который самъ руководилъ всѣмъ заговоромъ.

Говорятъ, что однажды, во время доклада, Императоръ Павелъ, устрѣмивъ испытующій взглядъ на Палена, сказалъ ему: «Мнѣ извѣстно, что противъ меня задуманъ заговоръ». — «Это невозможно, государь», отвѣтилъ совершенно спокойно Паленъ: «такъ какъ въ такомъ случаѣ я, который все знаю, былъ бы самъ въ числѣ заговорщиковъ».—Этотъ отвѣтъ и добродушная улыбка генералъ-губернатора совершенно успокоили Павла. Передаютъ, однако, что какія-то анонимныя письма все-таки вызвали подозрѣніе Императора, и уже наканунѣ своей смерти онъ приказалъ тайно вызвать въ Петербургъ Аракчеева, для того, чтобы занять мѣсто Палена. Если бы Аракчеевъ во время былъ въ столицѣ — ходъ дѣла могъ бы совершенно перемѣниться, и въ Петербургѣ произошли бы самыя ужасныя событія. Суровый,

почти звѣрскій нравъ этого человѣка служитъ тому порукою. Вмѣстѣ съ Аракчеевымъ появился бы и Ростопчинъ, и Павелъ, могъ бы быть спасенъ. Однако, событія сложились иначе: разогнавъ вслѣдствіе своей горячности многихъ преданныхъ ему и энергичныхъ людей. Павелъ окружилъ себя людьми неспособными, въ рукахъ которыхъ были всѣ высшія правительственныя должности. Такимъ былъ князь Куракинъ, — человѣкъ добрый, но бездарный; онъ во главѣ иностранныхъ дѣлъ; генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, занимавшій этотъ высокій и отвѣтственный постъ только благодаря тому, что когда-то управлялъ гатчинскими землями. Наконецъ, самымъ довѣреннымъ и близкимъ къ Императору лицомъ былъ графъ Кутайсовъ, бывшій брадобрей Павла и получившій званіе шталмейстера и андреевскую ленту. Онъ не былъ злымъ человѣкомъ, но безпечный, онъ любилъ пожить; у него на другой день, при арестѣ, въ карманѣ камзола найдены были письма, сообщавшія подробный планъ заговора и списокъ всѣхъ его участниковъ. Но Кутайсовъ даже не потрудился распечатать этихъ писемъ, сказавъ спокойно: «Ну, дѣла можно отложить и до завтрашняго дня». Онъ спѣшилъ на ночное свиданіе, и потому положилъ письма въ карманъ, не читая ихъ.

V.

Постройка Михайловскаго замка.—Ужинъ у Платона Зубова.—11 марта 1801 г.—Бенигсенъ.—Валеріанъ Зубовъ.—Императрица Марія Өеодоровна.—Молодая Императрица.—Насколько справедливо обвиненіе Александра въ смерти отца?

Постройка Михайловскаго дворца только что окончена. Этотъ дворецъ, стоившій огромныхъ денегъ, представлялъ собою неуклюжее массивное зданіе, походившее скорѣе на крѣпость; въ немъ Императоръ считалъ себя совершенно безопаснымъ отъ всякихъ опасностей. Изъ роскошнаго и помѣстительнаго Зимняго дворца онъ переѣхалъ въ новый замокъ; стѣны его еще были совершенно сыры и мокры, и, несмотря на это Императоръ былъ въ восхищеніи отъ новой постройки, расхваливалъ ее своимъ приближеннымъ и вообще имѣлъ видъ счастливаго и довольнаго, съ восхищеніемъ показывая своимъ гостямъ богато убранные аппартаменты новаго дворца. Это было въ январѣ 1801 года.

Тѣмъ временемъ заговоръ, постепенно подготовлявшійся, былъ уже близокъ къ осуществленію. Нуженъ лишь былъ толчокъ, который быстро долженъ былъ сдвинуть дѣло; толчкомъ этимъ было согласіе, вырванное у великаго князя Александра Павловича главарями заговора: графомъ Н. П. Панинымъ, Паленомъ и братьями Зубовыми — Платономъ и Николаемъ. Графъ Панинъ жилъ въ ссылкѣ въ Москвѣ, въ Петербургѣ же всѣ нити заговора были въ рукахъ Палена и Зубовыхъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, только были недавно возвращены изъ ссылки и осыпаны милостями Павла; государь не считая ихъ болѣе опасными весь отдался чувству великодушія по отношенію къ недавнимъ своимъ врагамъ.

Между тѣмъ Паленъ и Зубовы, подъ всевозможными благовидными предлогами, вызвали въ столицу много генераловъ и офицеровъ, считавшихъ своими единомышленниками. Многіе са-

новники и генералы были также приглашены въ Петербургъ самимъ Императоромъ для присутствованія на торжествахъ бракосочетанія одной изъ великихъ княженъ. Паленъ и Зубовы не преминули воспользоваться и этимъ; они вошли въ сношеніе съ многими изъ этихъ лицъ, узнать ихъ образъ мыслей, не открывая, однако, имъ подробностей заговора. Подобное положеніе вещей не могло тянуться долго: малѣйшій поводъ, малѣйшій доносъ, даже лишенный всякихъ доказательстъ, могли возбудить подозрительность Павла и вызвать гнѣвъ, послѣдствія котораго всегда были такъ ужасны. Ходили слухи, что онъ уже отдалъ тайный приказъ о вызовѣ въ Петербургъ Аракчеева и Ростопчина—людей въ безусловной преданности которыхъ онъ всегда могъ быть увѣренъ. Аракчеевъ находился въ это время въ своемъ имѣніи недалеко отъ Петербурга и менѣе чѣмъ въ сутки могъ явиться въ столицу. Положеніе заговорщиковъ дѣлалось дѣйствительно опаснымъ, и всякое замедленіе, всякая нерѣшимость угрожали теперь страшными бѣдствіями. Въ виду всего этого, выполненіе заговора было назначено на 11-ое марта 1801 года.

Вечеромъ въ тотъ же день князь Платонъ Зубовъ далъ большой ужинъ; на него были приглашены всѣ генералы и высшіе офицеры, взгляды которыхъ были хорошо извѣстны. Большинство изъ нихъ только въ тотъ же вечеръ узнали настоящую суть дѣла, на которое ихъ приглашали идти тотчасъ послѣ ужина. Нужно сознаться, что этотъ образъ дѣйствій несомнѣнно, наиболѣе удачный для заговора: всѣ его подробности знали лишь два-три руководителя, всѣ же остальные участники этого событія должны быть извѣщены лишь въ самый моментъ его выполненія, чѣмъ естественно, лучше всего гарантировались сохраненіе тайны и безопасность отъ какого-нибудь доноса.

Платонъ Зубовъ за ужиномъ произнесъ рѣчь, въ которой, описавъ плачевное положеніе Россіи, указывалъ на бѣдствія, угрожающія государству и отдѣльнымъ лицамъ, если безумства Павла не будетъ прекращены. Онъ указалъ на дикость разрыва съ Англіей, благодаря чему нарушаются важные интересы страны и ея экономическое благосостояніе; доказывалъ, что при такомъ направленіи нашей внѣшней политики портамъ Балтійскаго моря и даже самой столицѣ угрожаетъ неминуемая опасность, что, наконецъ, никто изъ присутствующихъ не можетъ быть

увѣренъ въ личной безопасности, не зная, что его ожидаетъ на другой день.

Затѣмъ онъ началъ говорить о прекрасныхъ качествахъ души наслѣдника престола великаго князя Александра, на котораго еще покойная Императрица Екатерина всегда смотрѣла, какъ на единственнаго своего наслѣдника и которому она несомнѣнно передала бы престолъ, если бы не внезапная ея смерть. Рѣчь свою Зубовъ кончилъ заявленіемъ, что великій князь Александръ, удрученный бѣдственнымъ положеніемъ страны рѣшилъ ее спасти и что, слѣдовательно все дѣло заключается теперь лишь въ томъ, чтобы свергнуть Императора Павла, заставивъ его отречься въ пользу наслѣдника престола. Провозглашеніе Александра, по его словамъ спасетъ отечество и самаго Павла, отъ неминуемый гибели. Въ заключеніе графы Паленъ и Зубовы рѣшительно заявили всему собранію, что этотъ проектъ совершенно одобренъ Александромъ. Они умолчали только о томъ, какихъ усилій и клятвъ стоило имъ получить это согласіе. Съ этой минуты колебанія заговорщиковъ прекратились: пили здоровье будущаго Императора, и вино полилось рѣкой.

Паленъ, оставившій на время собраніе, поскакалъ во дворецъ и, вернувшись вскорѣ извѣстилъ, что ужинъ въ Михайловскомъ замкѣ прошелъ спокойно, что Павелъ, видимо, ничего не подозрѣваетъ и простился съ Императрицей и великими князьями, какъ обыкновенно. Бывшія за ужиномъ во дворцѣ, послѣ вспоминали, что Александръ, прощаясь съ отцомъ, не выказалъ при этомъ ни малѣйшаго волненія, и сильно обвиняли его въ безсердечіи и жестокости. Это глубоко несправедливо, потому что въ позднѣйшихъ моихъ разговорахъ съ Императоромъ Александромъ онъ неоднократно разсказывалъ мнѣ совершенно искренно о своемъ ужасномъ душевномъ волненіи въ эти минуты, когда сердце его буквально разрывалось отъ горя и отчаянія. Да это и не могло быть иначе, такъ какъ въ то время онъ не могъ не думать объ опасности, угрожавшей ему, его матери и всему семейству, если бы заговоръ не удался. При этомъ нужно сказать, что почти насильно вырванное у него согласіе на низложеніе отца было дано имъ послѣ торжественнаго обѣщанія не причинять никакого зла Павлу, и что возможность лишенія его жизни даже и не приходила ему въ голову. Это тѣмъ болѣе

правоподобно, что въ планы заговора входило лишь устраненіе Павла отъ престола, и что роковое убійство произошло совершенно неожиданно для большинства заговорщиковъ, среди которыхъ являлось нѣсколько человѣкъ, совершенно потерявшихъ самообладаніе, вслѣдствіе чрезмѣрно выпитаго количества вина, и сводившихъ въ этотъ моментъ свои личные счеты съ злополучнымъ монархомъ. Что же касается поведенія Александра во время ужина, то извѣстно всѣмъ, что великіе оба князя были чрезвычайно сдержанны въ присутствіи отца, и эта привычка подавлять свои мысли и чувства, это принужденное спокойствіе служитъ лучшимъ объясненіемъ тому, что никто изъ присутствующихъ въ этотъ вечеръ не замѣтилъ той глубокой душевной борьбы, которая происходила въ душѣ Александра.

Ужинъ продолжался, а съ нимъ росло всеобщее возбужденіе вслѣдствіе обильныхъ возліяній. Только главари заговора удерживались, и старались сохранить присутствіе духа, столь необходимое въ эти минуты, большая же часть гостей были сильно навеселѣ, при чемъ нѣсколько человѣкъ уже едва держались на ногахъ. Наконецъ, наступило время, назначенное для выполненія заговора. Въ полночь всѣ встали изъ-за стола и двинулись въ путь. Заговорщики были раздѣлены на двѣ партіи, въ каждой изъ которыхъ было до 60-ти человѣкъ. Первая партія, во главѣ которой находились братья Платонъ и Николай Зубовы и генералъ Бенигсенъ, направились прямо къ Михайловскому дворцу, другая во главѣ съ графомъ Паленомъ должна была проникнуть во дворецъ со стороны Лѣтняго сада. Плацъ-адъютантъ замка [1]) хорошо знавшій всѣ ходы и выходы дворца по обязанности своей находился во главѣ перваго отряда съ потайнымъ фонаремъ въ рукахъ и провелъ заговорщиковъ до передней опочивальни Павла. Стоявшій у двери лакей сталъ не пропускать заговорщиковъ и звать на помощь. Защищаясь отъ наступавшихъ на него заговорщиковъ, раненый онъ упалъ, обливаясь кровью. Тѣмъ временемъ Императоръ, услыхавъ возьню и шумъ за стѣной проснулся, быстро вскочилъ съ кровати и направился къ двери, ведшей въ комнату Императрицы завѣшенной тяжелой портьерой. Къ несчастью злополучнаго Павла, эта дверь по его же приказанію еще недавно была наглухо заколочена.

---

[1]) Капитанъ Аргамаковъ.

Въ то же время громкіе крики о помощи вѣрнаго камеръ-гусара сильно смутили заговорщиковъ: они остановились въ нерѣшительности и стали совѣщаться. Бывшій во главѣ отряда Зубовъ растерялся и уже хотѣлъ скрыться, увлекая за собою другихъ; но въ это самое время къ нему подошелъ генералъ Бенигсенъ и, взявъ его за руку, сказалъ: «Что? Вы сами же привели насъ сюда и теперь хотите бѣжать? Это невозможно, мы слишкомъ далеко зашли, чтобы слѣдовать за вашими совѣтами, которые насъ ведутъ къ гибели. Жребій брошенъ, надо дѣйствовать. Впередъ!»—Слова эти я слышалъ впослѣдствіи отъ самого Бенигсена.

Такимъ образомъ, этотъ человѣкъ, вслѣдствіе смѣлости и отваги сталъ во главѣ происшествія, имѣвшаго столь важное вліяніе на судьбу имперіи и европейской политики. А между тѣмъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые узнали о заговорѣ лишь въ этотъ же самый день. Онъ храбро становится во главѣ отряда, и наиболѣе рѣшительные слѣдуютъ за нимъ. Они врываются въ спальню Императора и спѣшатъ прямо къ его постели, но въ ужасѣ видятъ, что Павла уже нѣтъ. Трепетъ снова охватываетъ заговорщиковъ: они бѣгаютъ по комнатѣ и со свѣчой ищутъ Павла. Наконецъ, злополучный монархъ найденъ за портьерой, куда онъ укрылся, услыхавъ шумъ.

Его выводятъ изъ этого убѣжища, и генералъ Бенигсенъ, со шляпой и съ обнаженной шпагой въ рукѣ, обращается къ Императору: «Государь, вы мой плѣнникъ и вашему царствованію наступилъ конецъ; отказывайтесь отъ престола и подписывайте немедленно актъ объ отреченіи въ пользу великаго князя Александра». Въ то же время Императору подносятъ заготовленный листъ съ актомъ отреченія. Павелъ беретъ въ руки перо, но въ это время за дверью снова раздаются крики. Бенигсенъ выходитъ изъ комнаты, чтобы узнать, почему крики и чтобы принять нужныя мѣры для безопасности императорскаго семейства, но едва онъ переступилъ за порогъ, какъ началась возмутительная сцена.

Несчастный Павелъ остался одинъ среди массы заговорщиковъ, окруженный людьми, изъ которыхъ многіе горѣли жаждою мщенія: одни за издѣвательства, другіе за причиненныя имъ жестокости, иные, наконецъ, за простые отказы на ихъ просьбы.

Тутъ началось надъ нимъ возмутительное вымещенiе со стороны этихъ людей, озвѣрѣвшихъ при видѣ жертвы, оказавшейся въ ихъ рукахъ. Возможно, что смерть Павла была ранше рѣшена наиболѣе мстительными и жестокими заговорщиками, вѣроятно, безъ извѣщенiя главныхъ руководителей и во всякомъ случаѣ безъ ихъ формальнаго согласiя. Ужасный конецъ, повидимому, ускорили крики, раздавшiеся въ коридорѣ и потребовавшiе уходъ Бенигсена. Графъ Николай Зубовъ, человѣкъ атлетическаго тѣлосложенiя, какъ говорили первымъ нанесъ ударъ Императору, послѣ же него ничто уже не могло удержать озвѣрѣвшихъ заговорщиковъ. Теперь въ лицѣ Павла они видѣли только изверга, тирана, жестокаго врага: беззащитность жертвы уже ихъ не останавливала, а лишь возбуждала дикое чувство мести. На несчастнаго посыпались удары. Одинъ изъ заговорщиковъ, имени котораго я теперь не вспоминаю, отстягнулъ свой офицерскiй шарфъ и затянулъ имъ шею злополучнаго монарха. Послѣднiй началъ отбиваться и по врожденному чувству самосохраненiя, освободивъ одну руку, просунувъ ее подъ охватывавшiй шею шарфъ и закричалъ «воздуху! воздуху!»

Въ это время, увидя красный конно-гвардейскiй мундиръ на одномъ изъ заговорщиковъ и считая его за сына своего Константина, Павелъ въ ужасѣ закричалъ: «Ваше высочество, пощадите! воздуху! воздуху!» Однако заговорщики скручиваютъ руку Павла и затягиваютъ шарфъ съ безумной силой. Несчастный Павелъ уже испустилъ послѣднiй вздохъ, но озвѣрѣвшiе люди все продолжаютъ затягивать петлю и тащатъ по комнатѣ уже безжизненное тѣло. Тѣмъ временемъ болѣе струсившiе и бросившiеся было къ выходу, снова возвратились въ комнату, принимаютъ участiе въ убiйствѣ и даже превосходятъ первыхъ убiйцъ своими звѣрствомъ и жестокостью.

Генералъ Бенигсенъ въ это время возвращается и онъ въ ужасѣ видитъ страшную картину. Не зная, насколько искренно было его негодованiе при видѣ всей картины, произошедшей въ его отсутствiе, но онъ постарался положить конецъ этой возмутительной сценѣ. Тогда крики: «Павла болѣе не существуетъ!» и другихъ заговорщиковъ, пришедшихъ позже; они не скрывая, громко выражаютъ свою радость, забывъ всякое чувство приличiя и человѣческаго достоинства. Они толпами ходятъ по кори-

дорамъ и заламъ дворца, громко передаютъ другъ другу о своихъ подвигахъ, а нѣкоторые проникаютъ въ винные погреба и тамъ продолжаютъ оргiю, начатую въ домѣ Зубова.

Паленъ, который видимо заплутался со своимъ отрядомъ въ аллеяхъ Лѣтняго сада, прибылъ во дворецъ со своей партiей уже тогда когда все было кончено. Говорятъ, что онъ нарочно запоздалъ для того, чтобы въ случаѣ неудачи заговора принять на себя роль защитника Императора и при надобности арестовать своихъ сподвижниковъ. Какъ бы то ни было, извѣстно только то, что Паленъ, явившись во дворецъ, тотчасъ началъ проявлять необычайную энергiю, отдавать приказанiя и въ теченiе всей остальной ночи выказалъ распорядительность и дѣятельность, свойственныя его характеру и сдѣлавшiя его въ эти времена почти единовластнымъ распорядителемъ судьбы Россiи.

Изъ сказаннаго выше не трудно видѣть насколько, несмотря на всѣ принятыя мѣры, исходъ заговора зависилъ отъ цѣлаго ряда случайностей, благодаря которымъ весь планъ могъ разрушиться. Послѣдующiя событiя докажутъ справедливость этихъ словъ.

Можно сказать, не ошибаясь, что заговоръ былъ предпринятъ при почти единодушномъ согласiи высшихъ классовъ общества и главнымъ образомъ офицеровъ. Однако не то было среди солдатъ. Дикiя выходки и строгости Императора Павла обыкновенно падали на сановниковъ и высшiя чины военнаго сословiя. Чѣмъ выше было служебное положенiе лица, тѣмъ болѣе было опасности навлечь на себя гнѣвъ государя; солдаты же рѣдко бывали въ отвѣтѣ. Напротивъ, положенiе ихъ было несравненно лучше; нижнiе чины послѣ вахтъ-парадовъ и смотровъ получали удвоенную пищу, порцiю водки и денежныя награды. Особенно же среди гвардiи много было женатыхъ, и солдаты живя въ извѣстномъ довольствѣ, въ большинствѣ были преданы Императору.

Генералъ Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, одинъ изъ видныхъ заговорщиковъ, человѣкъ, пользовавшiйся любовью солдатъ, поручился доставить во дворецъ, въ ночь заговора, батальонъ командуемаго имъ полка. Послѣ ужина у Зубовыхъ онъ вызвалъ батальонъ и, обратясь къ солдатамъ съ рѣчью, объявилъ людямъ, что тягость и строгости ихъ службы скоро

прекратятся, что приближается время, когда у нихъ будетъ государь милостивый, добрый и снисходительный, при которомъ все будетъ по другому. Взглянувъ на солдатъ, онъ, однако, замѣтилъ, что слова его не имѣли на нихъ ожидаемаго впечатлѣнія; всѣ стояли молча съ угрюмыми лицами и въ рядахъ послышался сдержанный ропотъ. Тогда онъ оборвалъ свои слова и суровымъ голосомъ командира крикнулъ: «Полуоборотъ направо.—Маршъ!»—и войска машинально повиновались его голосу. Батальонъ былъ приведенъ въ Михайловскій дворецъ и разставленъ у всѣхъ его выходовъ. Графъ Валеріанъ Зубовъ, который потерялъ ногу въ Польскую войну, не былъ вмѣстѣ съ заговорщиками; онъ явился во дворецъ значительно позже, когда уже распространилось извѣстіе о смерти Императора Павла. Зубовъ прошелъ въ залу, гдѣ стоялъ пѣхотный караулъ и пожелалъ узнать настроеніе солдатъ. Подойдя къ караулу, онъ поздравилъ солдатъ съ новымъ Императоромъ. Гробовое молчаніе было въ отвѣтъ на слова Зубова и графъ поспѣшилъ скрыться, не желая подвергнуться враждебнымъ манифестаціямъ.

Всѣ эти мелочи доказываютъ то, что Императоръ Павелъ могъ бы легко справиться съ заговорщиками, если бы онъ вырвался хотя на минуту изъ ихъ рукъ и показался войскамъ. Если бы нашелся хоть одинъ человѣкъ, который пришелъ бы отъ его имени къ солдатамъ—онъ всего вѣроятнѣе былъ бы спасенъ, а заговорщики всѣ арестованы. Успѣхъ всего заговора обезпечивался быстротой его выполненія. Это указываетъ въ свою очередь сколь невѣроятнымъ и неосуществимой являлась мысль Александра взять Императора подъ опеку. Останься Павелъ живымъ, кровь полилась бы на плахахъ, половина Россіи сослана была бы въ Сибирь, и весьма возможно что дикій гнѣвъ его коснулся бы и собственнаго его семейства.

Взглянемъ теперь, что совершалось въ эту ужасную ночь въ тѣхъ аппартаментахъ дворца, гдѣ помѣщалось императорское семейство. Великій князь Александръ уже былъ извѣщенъ что въ эту самую ночь отцу его предложатъ отреченіе отъ престола. Взволнованный самыми разнообразными чувствами, терзаемый жесточайшими душевными муками, великій князь въ платьѣ бросился на постель. Ночью, въ началѣ перваго часа раздался стукъ въ его комнату и въ двери появился графъ Николай Зу-

бовъ, возбужденный, съ дикимъ блуждающимъ взглядомъ съ лицомъ, измѣнившимся подъ вліяніемъ вина и такъ недавно содѣяннаго злодѣянія. Подойдя къ великому князю, глухимъ голосомъ онъ сказалъ: «Все кончено».—«Что такое? Что случилось?»— воскликнулъ въ испугѣ Александръ. Великій князь плохо слышалъ и не сразу понялъ значеніе этихъ словъ; съ своей стороны Зубовъ также не рѣшался высказаться яснѣе. Произошло короткое молчаніе. Великій князь настолько былъ далекъ отъ возможности смерти отца, что не допускалъ даже и мысли объ ней. Наконецъ Александръ замѣтилъ что въ разговорѣ Зубовъ все время называлъ его «государь» и «ваше величество»... Тогда, наконецъ, Александръ, предполагавшій быть только регентомъ имперіи, догадался объ ужасной истинѣ и погрузился въ неутѣшную и неудержимую печаль.

Можно ли этому удивляться? Величайшіе честолюбцы, даже тѣ не могутъ совершить преступленіе или считать себя его виновниками безъ ужаса и содроганія, а вѣдь Александръ въ то время былъ чуждъ всякаго честолюбія, да впослѣдствіи никогда не проявлялъ его.

Мысль, что онъ даже косвенно является виновникомъ смерти отца, была для него острымъ мечомъ, терзавшимъ его чувствительное сердце сознаніемъ, что это будетъ вѣчнымъ укоромъ и ляжетъ чернымъ пятномъ на его репутацію.

Когда слухъ о бунтѣ и о покушеніи на жизнь Павла дошелъ до Императрицы, она быстро вскочила съ кровати и наскоро стала одѣваться. Вѣсть о совершившемся преступленіи бросила ее въ ужасъ, горе и отчаяніе, смѣшанные съ опасеніями за собственную судьбу. Весьма возможно что многія Императрицы и вообще иностранныя принцесы попавшія волею судьбы въ Россію, могли иногда предполагать въ глубинѣ души возможность вступленія на престолъ при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ. Императрица Марія Θеодоровна явилась передъ заговорщиками въ сильномъ волненіи; и крики ея раздавались въ коридорахъ, прилегающихъ къ ея аппартаментамъ. Увидѣвъ солдатъ она бросилась къ нимъ и начала говорить, повторяя нѣсколько разъ: «Что же, разъ нѣтъ болѣе Императора, который палъ жертвою злодѣевъ-измѣнниковъ, то теперь я ваша Императрица, я одна ваша законня государыня! Защищайте меня и слѣ-

дуйте за мною!» Тогда Бенигсенъ и Паленъ, приведшіе во дворецъ преданный себѣ отрядъ войскъ, хотя съ большимъ трудомъ, но уговорили Императрицу возвратиться въ свои аппартаменты, и около нихъ тотчасъ былъ поставленъ караулъ.

Императрица, подъ вліяніемъ охватившаго ее желанія, рѣшилась однако не жалѣть никакихъ мѣръ воздѣйствія на войска, чтобы добиться престола и отмстить за смерть своего супруга. Однако ни въ ея внѣшности, ни въ характерѣ не было тѣхъ качествъ, которыя могутъ дѣйствовать на людей и увлекать на подвиги и отважные планы. Какъ женщина и Императрица, она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, но ея короткія фразы, ея рѣчь съ довольно рѣзкимъ нѣмецкимъ акцентомъ не произвели должнаго впечатлѣнія на солдатъ, и часовые, молча, скрестили передъ нею ружья. Ей оставалось, подавивъ свое волненіе, удалиться въ свою комнату; тамъ она предалась безмолвному горю.

Мнѣ никогда не удалось узнать подробностей перваго свиданія Александра съ матерью послѣ катастрофы. О чемъ они говорили? Какое объясненіе было между ними по поводу совершившихся ужасныхъ событій? Несомнѣнно, впослѣдствіи они поняли другъ друга, но въ это первое ужасное время Императоръ Александръ, угнетенный всѣмъ, что ему пришлось пережить, едва ли былъ въ силахъ высказать что бы то ни было. Съ другой стороны, Императрица-мать дошла до высшей степени экзальтаціи и раздражительности и смотрѣла на самыхъ близкихъ ей лицъ почти враждебно, утерявъ всякое чувство самообладанія и справедливости.

Въ эти тяжелые для всей царской семьи дни среди происходившаго во дворцѣ смятенія, молодая императрица Елисавета была, по словамъ всѣхъ очевидцевъ, единственнымъ человѣкомъ, владѣвшимъ спокойствіемъ и полнымъ присутствіемъ духа. Впослѣдствіи Императоръ Александръ не разъ объ этомъ вспоминалъ. Нѣжная и любящая, она утѣшала Александра, поддерживая его мужество и настроеніе. Она не покидала его все время и отлучалась только на время, чтобы побывать у вдовствующей Императрицы; она уговаривала ее оставаться въ своихъ аппартаментахъ, сдерживала ея порывы; указывала на печальныя послѣдствія, угрожавшія отъ малѣйшаго неосторожнаго слова въ такое время, когда заговорщиками, опьяненными успѣхомъ, были наполнены

всѣ залы и они властвовали во дворцѣ. Словомъ, въ ту полную ужаса и тревоги ночь, Императрица Елисавета являлась умиротворительницею и примирительницею; авторитетъ ея признавался всѣми; она была настоящимъ ангеломъ утѣшителемъ и посредницею между молодымъ Императоромъ, вдовствующей государыней и заговорщиками.

Первое время Императоръ Александръ находился въ ложномъ и крайне затруднительномъ положенiи по отношенiю къ заговорщикамъ. Въ продолженiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ находился какъ бы въ ихъ власти, не рѣшаясь поступать во всемъ вполнѣ самовластно. Это не изъ чувства страха или опасенiй, а вслѣдствiе присущаго ему чувства справедливости, которое и послѣ мѣшало ему предать суду наиболѣе изъ нихъ виновныхъ. Александръ хорошо зналъ, что желанiе заговора явилось въ умахъ чуть ли не съ первыхъ же дней царствованiя Павла, но что осуществилось оно лишь съ того момента, какъ сдѣлалось извѣстнымъ согласiе наслѣдника престола. Какъ же могъ онъ принимать строгiя мѣры, когда это согласiе, хотя бы и вынуждено и условно, все же было имъ дано? Чѣмъ могъ руководиться судъ, выдѣляя главныхъ дѣятелей отъ менѣе виновныхъ? Къ послѣдней же категорiи придется отнести главнѣйшихъ представителей высшаго общества, гвардiи и армiи. Почти все петербургское общество было замѣшано въ этомъ дѣлѣ. Какъ установить по закону различiе этой отвѣтственности между лицами, принявшими непосредственное участiе въ убiйствѣ, и тѣмъ, кто желалъ только отреченiя? Заставить Павла подписать отреченiе—не есть ли это уже насилiе надъ его личностью, допускающее само по себѣ возможность, въ случаѣ сопротивленiя и борьбы, поднять на него руку?

Вотъ почему едва ли справедливы тѣ, кто осуждалъ Императора Александра за то, что онъ немедленно не предалъ суду лицъ, принимавшихъ ближайшее участiе въ этомъ преступленiи, вопреки ясно выраженной имъ волѣ. При томъ же онъ долгое время не зналъ ихъ именъ, которыя естественно отъ него скрывали. Никто изъ заговорщиковъ не хотѣлъ ихъ выдать, такъ какъ, въ качествѣ ихъ сообщниковъ и единомышленниковъ, они сознавали грозившую имъ всѣмъ опасность. Александру лишь черезъ нѣсколько лѣтъ постепенно удалось узнать имена этихъ

лицъ, которыя частью сами удалились со сцены, частью же были сосланы на Кавказъ при содѣйствіи весьма многочисленныхъ ихъ соучастниковъ, сохранившихъ свои мѣста и положеніе. Всѣ они умерли несчастными, начиная съ Николая Зубова, который, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Александра, умеръ вдали отъ двора, не смѣя появляться въ столицѣ, терзаемый болѣзнью, угрызеніями совѣсти и неудовлетвореннымъ честолюбіемъ.

Бенигсенъ никогда не вернулся ко двору. Должность литовскаго генералъ-губернатора, которую онъ занималъ, была передана Кутузову. Только въ концѣ 1806 года военныя дарованія Бенигсена побудили Императора Александра снова призвать его къ дѣятельности и поставить во главѣ арміи, сражавшейся подъ Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ.

Князь Платонъ Зубовъ, офиціальный руководитель заговора, не добился, несмотря на всѣ свои старанія, никакой высшей должности въ управленіи и, сознавая, насколько его присутствіе непріятно Императору Александру, поспѣшилъ удалиться въ свои помѣстья. Затѣмъ онъ предпринялъ заграничное путешествіе, долго странствовалъ и умеръ, не возбудивъ ни въ комъ сожалѣній.

Я уже упомянулъ выше, какимъ образомъ былъ удаленъ графъ Паленъ. То же произошло и съ графомъ Панинымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ, незадолго до коронаціи, Императоръ Александръ отнялъ у него портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Эти главные руководители и вдохновители всего заговора были поставлены подъ надзоръ высшей военной полиціи и получили приказаніе не только не показываться при дворѣ, но никогда не появляться даже вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ находиться Императоръ. Карьера ихъ была навсегда закончена и обоимъ имъ пришлось навсегда отказаться отъ государственной дѣятельности, которая между тѣмъ была ихъ стихіей, и закончить существованіе въ одиночествѣ и полномъ забвеніи.

Если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, то легко убѣдиться, что Императоръ Александръ въ его положеніи не могъ поступить иначе по отношенію къ заговорщикамъ, несмотря на увѣщанія своей матери.

Эта форма наказанія, избранная для нихъ Александромъ, была имъ наиболѣе чувствительна, но несомнѣнно и то, что бо-

лѣе всѣхъ наказалъ онъ себя самого, какъ бы умышленно терзая себя упреками совѣсти, вспоминая объ этомъ ужасномъ событіи въ теченіе всей своей жизни. Приближалось время коронованія. Въ концѣ августа 1801 года дворъ и высшія власти Петербурга переѣхали въ Москву. Здѣсь среди величественныхъ церемоній, празднествъ и увеселеній, среди трогательныхъ проявленій народной любви и восторга, воображенію Александра невольно представлялся образъ его отца, еще недавно съ тою же торжественностью всходившаго на ступени трона, вскорѣ обагреннаго его кровью. Пышная обстановка коронаціонныхъ торжествъ, съ ея блестящимъ ореоломъ самодержавной власти, не только не прельщала Александра, но еще болѣе растравила его душевную рану. Я думаю, что онъ въ эти минуты былъ особенно несчастенъ. Цѣлыми часами оставался онъ въ безмолвіи и одиночествѣ, съ блуждающимъ взоромъ, устремленнымъ въ пространство, и въ такомъ состояніи находился почти въ теченіе многихъ дней, не допуская къ себѣ почти никого.

Я былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, съ которыми онъ видѣлся болѣе охотно въ эти тяжелыя минуты, тѣмъ болѣе, что съ давнихъ поръ онъ дѣлился со мною самыми тайными, сокровенными мыслями и довѣрялъ свое горе. Получивъ отъ него разрѣшеніе входить къ нему во всякое время безъ доклада, я старался по мѣрѣ силъ вліять на его душевное состояніе и призывать его къ бодрости, напоминая о лежащихъ на немъ обязанностяхъ. Нерѣдко однако упадокъ духа былъ настолько силенъ, что онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующей фразой: «Нѣтъ, все, что вы говорите, для меня невозможно, я долженъ страдать, ибо ничто не въ силахъ уврачевать мои душевныя муки».

Всѣ близкіе къ нему люди, видя его въ такомъ состояніи, стали опасаться за его душевное равновѣсіе, и такъ какъ я былъ единственный человѣкъ, который могъ говорить съ нимъ откровенно, то меня часто просили навѣщать его. Смѣю думать, что усилія мои повліяли благотворно на его душевное состояніе и что многіе мои доводы поддержали его падающую энергію. Нѣсколько лѣтъ спустя, великія событія, въ которыхъ Императоръ Александръ игралъ такую выдающуюся и славную роль, доставили ему успокоеніе и въ теченіе нѣкотораго времени поглотили все его вниманіе и вызвали кипучую дѣятельность. Но въ по-

слѣдніе годы его царствованія та же мрачная идея снова завладѣла имъ, вызвала отвращеніе къ жизни и повергла въ мистицизмъ, близкій къ ханжеству.

Во время неоднократныхъ бесѣдъ нашихъ о событіи 11 марта Александръ не разъ говорилъ мнѣ о своемъ желаніи облегчить, насколько возможно, участь отца послѣ его отреченія. Онъ хотѣлъ предоставить ему въ полное распоряженіе его любимый Михайловскій замокъ, въ которомъ низверженный монархъ могъ бы найти спокойное убѣжище и пользоваться комфортомъ и покоемъ. Въ его распоряженіе хотѣлъ отдать обширный паркъ для прогулокъ и верховой ѣзды, хотѣлъ выстроить для него манежъ и театръ—словомъ, доставить ему все, что могло бы въ той или иной формѣ скрасить и облегчить его существованіе.

Въ благородномъ и великодушномъ характерѣ Александра было, однако, что-то женственное, со всѣми качествами и недостатками этихъ натуръ. Вотъ почему нерѣдко наряду съ прямотой и ясностью взгляда, съ мужествомъ и твердостью, отличающими истинно великихъ людей, онъ соединилъ въ себѣ чисто женскую мечтательность и фантазерство. Къ числу такихъ иллюзій слѣдуетъ отнести фантастическій, можно сказать, романическій планъ Александра успокоить низверженнаго Императора, отнявъ у него корону и водворивъ въ Михайловскій замокъ. Это была, конечно, фантазія, неосуществимая мечта, которую слѣдуетъ приписать его молодости, неопытности и полному незнанію жизни.

Я счелъ необходимымъ ничего не умалчивать о печальной катастрофѣ, которою началось царствованіе Александра, считая это лучшимъ средствомъ воздать должную справедливость этому монарху, о которомъ стоустная молва распространила множество слуховъ, незаслуженно пятнающихъ его память. Простая безыскусственная правда, чуждая всякихъ прикрасъ, обѣляетъ его отъ этого возмутительнаго обвиненія и лучше всего объясняетъ, какимъ образомъ онъ былъ вовлеченъ въ дѣйствіе, совершенно противное его образу мыслей, его наклонностямъ, а также причину, почему онъ не наказалъ болѣе строго людей, къ которымъ питалъ органическое отвращеніе.

Чтобы оправдать память Императора Александра отъ столь ужаснаго возмутительнаго обвиненія, я рѣшилъ лишь описать съ

полной правдивостью его совершенную неопытность и полное отсутствіе честолюбія, благодаря которому онъ стремился избѣгать престола, чѣмъ добиваться царскаго вѣнца. Если уяснить себѣ всѣ эти многообразныя причины, безпристрастный читатель, несомнѣнно, придетъ къ заключенію, что, по всей справедливости, можно только жалѣть объ Александрѣ, но не предъявлять къ нему столь тяжкаго и несправедливаго обвиненія.

Прочтя недавно «Исторію Консульства и Имперіи» Тьера, я нашелъ въ ней матеріалъ, относящійся къ этому событію. Это записка графа Ланжерона о кончинѣ Императора Павла. Описанные въ ней факты справедливы, но, чтобы освѣтить этотъ разсказъ и сдѣлать его вполнѣ справедливымъ, необходимо сдѣлать слѣдующія весьма важныя добавленія:

1) Необходимо добавить тѣ доводы и средства, къ которымъ прибѣгли Панинъ и Паленъ, чтобы получить отъ Александра согласіе на отреченіе его отца.

2) Согласіе это было получено ими послѣ продолжительной борьбы и послѣ формальнаго и торжественнаго обѣщанія не причинять никакого зла Императору Павлу. Необходимо также указать на искреннюю скорбь Александра при извѣстіи о гибели отца.

3) Эта скорбь продолжалась многіе годы и была настолько сильна, что заставила опасаться за здоровье и жизнь Александра, и была причиной его влеченія къ мистицизму.

4) Александръ не могъ простить Панину и Палену—двумъ иниціаторамъ заговора,—что они вовлекли его въ поступокъ, который онъ считалъ несчастіемъ всей своей жизни. Оба они навсегда были удалены отъ двора и не смѣли показаться ему на глаза.

5) Императоръ Александръ не наказалъ второстепенныхъ участниковъ заговора потому, что они имѣли въ виду лишь отреченіе Павла, необходимое для блага имперіи. Онъ не считалъ себя въ правѣ карать ихъ, ибо почиталъ себя столь же виновнымъ, какъ и они. Что касается ближайшихъ участниковъ убійства, то имена ихъ долгое время были ему неизвѣстны, и онъ узналъ ихъ только черезъ нѣсколько лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ (какъ, напримѣръ, графъ Николай Зубовъ) къ этому времени уже умерли, другіе же были сосланы на Кавказъ, гдѣ и погибли.

VIII.

(1801—1802).

Нашъ тайный совѣтъ.—Бесѣды съ государемъ.—Партія молодыхъ людей.—Назначеніе Строганова и Новосильцева.—Значеніе Лагарпа.—Пріѣздъ принцессы Баденской.—Лѣто 1801 года.—Отставка и удаленіе Панина. — Назначеніе Кочубея.—Облегченіе участи ссыльныхъ поляковъ.—Коронованіе Александра.

Мнѣнія и взгляды Александра, которыми я такъ восхищался, повидимому, остались прежніе; но уже съ того времени, когда Императоръ Павелъ приблизилъ его къ власти, и теперь, когда онъ уже самъ сталъ неограниченнымъ властителемъ, мнѣнія эти естественно должны были нѣсколько поколебаться, хотя въ глубинѣ своего сердца онъ все-таки не измѣнилъ своимъ прежнимъ идеаламъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ сохранилъ ихъ въ глубинѣ своей души, лелѣя и оберегая отъ посторонняго вліянія, какъ тайную страсть, которую онъ не рѣшался раскрыть передъ обществомъ, неспособнымъ понимать ее, но которая постоянно властвовала надъ нимъ и увлекала его, какъ только представлялась возможность ей подчиниться. Мнѣ еще неоднократно придется говорить объ этомъ для объясненія характера Александра, потому что во многихъ случаяхъ своей жизни Императоръ, проникнутый сознаніемъ справедливости этихъ принциповъ и сопряженныхъ съ ними обязанностей, могъ бы уподобиться человѣку, который находитъ удовольствіе въ старыхъ игрушкахъ своего дѣтства, но чувствуетъ съ сожалѣніемъ, что уже настало время покинуть ихъ для болѣе серьезныхъ занятій, отвѣчающихъ требованіямъ дѣйствительности.

О былыхъ мечтахъ и крайнихъ либеральныхъ стремленіяхъ, конечно, уже не было рѣчи; Императоръ не вспоминалъ уже болѣе о своемъ намѣреніи отказаться отъ престола, не говорилъ уже со мною о запискѣ, которую нѣкогда заставилъ меня

написать, и, которая, видимо, ему такъ понравилась. Въ то же время, онъ не переставалъ думать и заботиться о практическомъ осуществленіи излюбленныхъ своихъ идей: объ усовершенствованіи правосудія, объ освобожденіи народа, о справедливыхъ реформахъ въ цѣломъ рядѣ либеральныхъ учрежденій. Конечно, онъ уже сознавалъ неизбѣжность препятствій, нерѣдко непреодолимыхъ, которыя самыя элементарныя реформы должны встрѣтить въ Россіи; но онъ всегда стремился доказать близкимъ къ нему людямъ, что чувства, которыя онъ имъ нѣкогда высказывалъ, оставались неизмѣнными. Несмотря на его настоящее положеніе, онъ сознавалъ, что ему невозможно высказывать свои чувства откровенно и проявлять ихъ передъ обществомъ, столь мало подготовленнымъ къ воспріятію этихъ идей, и которое встрѣтило бы ихъ съ недоумѣніемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ. Вотъ почему правительственная машина продолжала функціонировать на прежнихъ основаніяхъ, согласно старой рутинѣ, и Александръ волей-неволей былъ принужденъ считаться съ прежними теченіями.

Чтобы до извѣстной степени смягчить это печальное противорѣчіе съ самимъ собою, Александръ образовалъ родъ тайнаго совѣта, составленнаго изъ лицъ, которыхъ онъ считалъ своими личными друзьями, раздѣлявшими его взгляды и убѣжденія. Ядро этого совѣта составили: графъ Павелъ Строгановъ, Новосильцевъ и я. Всѣ мы трое, какъ я уже упомянулъ, были связаны самой искренней дружбой. Теперь же отношенія наши приняли болѣе серьезный характеръ. Всѣхъ насъ особенно сближало сознаніе необходимости сгруппироваться около особы Императора и всѣми силами поддерживать таившееся въ немъ искреннее стремленіе къ реформамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ союзъ нашъ могъ считаться образцомъ самой искренней, неизмѣнной дружбы; желаніе стать выше всякихъ личныхъ интересовъ, отказываться отъ всѣхъ почестей и наградъ—было девизомъ нашего союза. Девизъ этотъ не могъ, конечно, вполнѣ акклиматизироваться въ тогдашней придворной средѣ, но вполнѣ согласовался съ юношескими взглядами Императора и внушалъ ему особенное уваженіе къ своимъ друзьямъ.

Я былъ единственнымъ искреннимъ приверженцемъ этого девиза, который по справедливости подходилъ къ моему особен-

ному положенію. Онъ не всегда приходился по вкусу моимъ товарищамъ, и самъ Императоръ сталъ, въ концѣ-концовъ, тяготиться сподвижниками, желавшими отличиться въ его глазахъ, отказываясь отъ наградъ, къ которымъ всѣ такъ жадно стремились.

Первоначальное основаніе этому союзу, какъ я уже упомянулъ выше, было положено въ Москвѣ, во время коронованія Императора Павла. Всѣ мы уже давно связаны были дружескими узами и ежедневно собирались у стараго графа Строганова. Четвертый членъ этого союза, принятый Императоромъ, былъ Кочубей. Племянникъ Безбородки, вліятельнаго министра Екатерины, онъ съ раннихъ лѣтъ вступилъ на служебное поприще. Онъ былъ назначенъ на постъ въ Константинополь, будучи еще молодымъ человѣкомъ. Во время поѣздки моей за границу, я встрѣтилъ его въ Вѣнѣ, откуда онъ направлялся на востокъ. Это былъ едва не единственный изъ русскихъ дипломатовъ, съ которымъ хорошо обращались въ этой столицѣ. То было время нашего великаго сейма, въ царствованіе Императора Леопольда, когда русскіе не пользовались успѣхомъ въ вѣнскихъ салонахъ. У него была чисто европейская складка, изящныя манеры, привлекавшія къ нему иностранцевъ, и въ обществѣ онъ пользовался всеобщимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Честолюбіе, недостатокъ, до извѣстной степени свойственный всѣмъ людямъ, но въ особенности являющееся національною чертою русскихъ и всѣхъ вообще славянъ,—дѣлало Кочубея предметомъ нападокъ со стороны завистниковъ. Но онъ на это мало обращалъ вниманія, благодаря прирожденной мягкости характера. Въ дѣлахъ онъ былъ достаточно свѣдущъ, но глубокими и обширными познаніями не обладалъ. У него былъ прямой, хотя и не глубокій умъ, много мягкости характера и еще болѣе доброты и искренности,—явленіе довольно рѣдкое среди русскихъ.

Всѣ эти качества, не исключая, однако, нѣкоторыхъ слабостей и недостатковъ, свойственныхъ его народу: огромнаго стремленія къ почестямъ, служебнымъ повышеніямъ и денежнымъ наградамъ, необходимымъ, какъ для личныхъ его расходовъ, такъ и для весьма многочисленной его семьи. Нельзя также не указать на чрезвычайную слабость его натуры, благодаря которой онъ особенно охотно подлаживался къ господствующимъ мнѣ-

ніямъ. Съ нами онъ охотно высказывалъ либеральныя мнѣнія, хотя съ нѣкоторою сдержанностью, такъ какъ подобнаго рода взгляды не сходились съ его личными мнѣніями. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить особенное честолюбіе, которое у него проявлялось невольно и подвергало его саркастическимъ насмѣшкамъ двухъ другихъ коллегъ, и отъ которыхъ я, по возможности, воздерживался, цѣня его другія качества и дружбу. Послѣднюю онъ неоднократно мнѣ доказывалъ много лѣтъ спустя.

Въ то время, мы пользовались особенною привилегіею являться къ столу государя безъ особаго приглашенія, совѣщанія наши происходили два—три раза въ недѣлю. Послѣ кофе и краткой бесѣды съ окружающими, Императоръ удалялся въ свои покои. Въ то время, какъ другіе приглашенные уходили, мы четверо проходили черезъ коридоръ во внутренніе аппартаменты и являлись въ небольшой кабинетъ, гдѣ уже находился Императоръ. Здѣсь, въ откровенной и непринужденной бесѣдѣ, онъ обсуждалъ съ нами планы будущихъ реформъ. Не было предмета, болѣе или менѣе важнаго государственнаго вопроса, который бы не былъ затронутъ во время этихъ бесѣдъ. Императоръ съ большою откровенностью высказывалъ здѣсь свои мысли и взгляды, и, хотя эти собранія въ теченіе долгаго времени являлись бесѣдами интимнаго, частнаго характера, тѣмъ не менѣе не было важнаго вопроса, касающагося внутренняго устройства государства, который не получилъ бы здѣсь принципіальнаго одобренія и утвержденія. Настоящій совѣтъ, т.-е. Сенатъ и министры, тѣмъ не менѣе управлялъ и двигалъ дѣлами; Императоръ, по выходѣ изъ нашего тайнаго собранія, снова находился подъ вліяніемъ старыхъ министровъ, повидимому, не былъ въ силахъ провести въ жизнь намѣченныхъ имъ реформъ.

Нашъ тайный союзъ, которому все-таки не удалось укрыться отъ подозрѣній двора, и который получилъ названіе «партіи молодыхъ людей», чрезвычайно волновался и негодовалъ на пассивность своей роли. Неоднократно дѣлались попытки убѣдить государя въ необходимости проведенія въ жизнь выработанныхъ нами реформъ, но вся наша энергія разбивалась о характеръ Александра, желавшаго идти путемъ уступокъ и избѣгавшаго рѣзкихъ мѣръ. При томъ же онъ считалъ еще свое положеніе недостаточно окрѣпшимъ и не рѣшался прибѣгать къ мѣрамъ

энергичнымъ и рѣзкимъ. Самой горячей головой нашего союза былъ Строгановъ; Новосильцевъ былъ наиболѣе опытнымъ; Кочубей—наиболѣе умѣреннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всѣхъ горѣлъ желаніемъ играть активную роль въ дѣлахъ управленія, что касается меня, то, какъ наименѣе заинтересованный, я старался примирить и успокоить болѣе нетерпѣливыхъ.

Тѣ, которые побуждали Императора къ принятію немедленныхъ мѣръ, выказывали совершенное незнаніе его характера. Всякій рѣзкій шагъ всегда его тревожилъ и вызывалъ недовѣріе къ лицу, дававшему такой совѣтъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что онъ постоянно жаловался на своихъ министровъ и не любилъ ни одного изъ нихъ, мы рѣшили прежде, чѣмъ убѣдить его въ необходимости смѣнить то или другое лицо,—перейти изъ области мечтаній къ реальной дѣйствительности. Строгановъ рѣшилъ сдѣлаться оберъ-прокуроромъ перваго департамента Сената; Новосильцевъ былъ назначенъ однимъ изъ статсъ-секретарей—должность, дававшая ему значительныя преимущества, ибо всякая бумага, адресованная на имя государя, проходила черезъ его руки, и онъ имѣлъ право объявлять высочайшіе указы. Былъ еще одинъ пятый членъ нашего тайнаго союза. То былъ извѣстный Лагарпъ, наставникъ Александра, который прибылъ въ Петербургъ навѣстить своего ученика, ставшаго теперь неограниченнымъ монархомъ.

Лагарпъ не участвовалъ въ нашихъ послѣобѣденныхъ собраніяхъ, но онъ имѣлъ частыя бесѣды съ Императоромъ и представлялъ ему множество записокъ по разнымъ государственнымъ и административнымъ вопросамъ. Записки эти прочитывались сначала на нашихъ совѣщаніяхъ; а затѣмъ, въ виду ихъ чрезвычайной обширности, передавались намъ для прочтенія на дому. Лагарпу въ это время было сорокъ лѣтъ съ лишнимъ; онъ состоялъ членомъ Швейцарской директоріи и постоянно носилъ присвоенную этой должности форму, съ большой саблей на боку. Онъ казался намъ всѣмъ гораздо ниже своей репутаціи, несмотря на высокое о немъ мнѣніе Александра, искренно любившаго его, какъ наставника и человѣка. То былъ одинъ изъ тѣхъ людей, воспитанныхъ на философскихъ идеяхъ конца XVIII вѣка, которые считали, что ихъ доктрины, подобно философскому камню, являлись всеобщей панацеей, и думали, что

при помощи нѣсколькихъ сакраментальныхъ доктринъ можно достигнуть всеобщаго блага и уврачевать всѣ язвы страждущаго человѣчества.

Самъ Императоръ, быть можетъ, втайнѣ сознавалъ, что обаяніе его бывшаго наставника уже значительно поколебалось, тѣмъ не менѣе, онъ всюду и во всемъ поддерживалъ его въ нашихъ глазахъ. Онъ не любилъ, когда кто-нибудь изъ насъ иронически относился къ его несбыточнымъ проектамъ, и всегда старался увѣрить его, что его идеи имъ вполнѣ одобрены и будутъ примѣнены при первой возможности. Пребываніе его въ Петербургѣ въ началѣ царствованія Александра, въ дѣйствительности, не имѣло серьезнаго значенія, и самъ онъ весьма мало оказалъ вліянія на будущія реформы Александра. Онъ имѣлъ настолько такту, что самъ не пожелалъ участвовать въ нашихъ собраніяхъ, и Императоръ, вѣроятно, былъ также этимъ доволенъ, несомнѣнно, сознавая странную роль, которую пришлось бы играть швейцарскому гражданину и революціонеру при обсужденіи предстоящихъ для русской имперіи реформъ. Впрочемъ, изъ вѣжливости, ему было сказано, что онъ считается членомъ нашего совѣта, и что на собраніяхъ нашихъ для него заготовлено кресло. Уѣзжая изъ Россіи, онъ сказалъ намъ, что мысленно всегда будетъ присутствовать на нашихъ совѣщаніяхъ.

Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Александра, Петербургъ посѣтила принцесса Баденская, мать Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Она прибыла въ Россію вмѣстѣ со своимъ супругомъ, старшимъ сыномъ царствующаго великаго герцога Баденскаго, горя желаніемъ увидѣть свою дочь послѣ семилѣтней разлуки. Съ русскимъ дворомъ ее соединяли двойныя родственныя связи, такъ какъ она была родной сестрой первой супруги Павла Петровича, великой княгини Натальи Алексѣевны, рожденной принцессы Гессенъ-Дармштадтской. Высокаго роста, величественной наружности, она въ молодости блистала красотою и пользовалась въ Германіи репутаціей женщины необычайно умной, образованной и тактичной. Будучи убѣжденной противницей политическихъ взглядовъ и принциповъ Лагарпа, она, повидимому, должна была сойтись съ Императрицею-матерью, какъ извѣстно, не сочувствовавшей идеямъ наставника Александра. Между тѣмъ, на дѣлѣ вышло иначе. Какъ мать, принцесса

Баденская не могла примириться съ второстепенной ролью, которую играла дочь ея, Императрица Елисавета Алексѣевна, въ то время, какъ Императрица-мать пользовалась всеми прерогативами царствующей государыни. Вступивъ на престолъ, Императоръ Александръ, въ стремленіи своемъ смягчить горе своей матери послѣ ужасной катастрофы, прекратившей дни Павла, сохранилъ Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ назначенную ей покойнымъ Императоромъ ежегодную сумму въ милліонъ рублей, супругѣ же своей оставилъ скромную сумму, получаемую ею въ качествѣ великой княгини. Молодая Императрица подчинилась этому распоряженію, которое впослѣдствіи не разъ ставило ее въ затруднительное положеніе, лишая возможности удовлетворять просьбы о помощи, съ которыми къ ней обращались.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вдовствующей Императрицѣ предоставлено также вѣдѣніе всѣми благотворительными и воспитательными учрежденіями, которыми она руководила въ минувшее царствованіе. Все это вмѣстѣ взятое сильно огорчало принцессу Баденскую, считавшую не безъ основанія, что дочь ея въ качествѣ супруги царствующаго Императора должна была также пользоваться прерогативами своего сына и имѣть возможность оказывать широкую помощь, которую подданные могли ожидать отъ своей государыни.

Я былъ представленъ принцессѣ, которая отнеслась ко мнѣ чрезвычайно милостиво и неоднократно бесѣдовала со мною, при чемъ темою этихъ бесѣдъ почти исключительно служилъ Императоръ. Она высказывала при этомъ опасеніе, что многія изъ задуманныхъ имъ реформъ окажутся несвоевременными, безполезными и даже вредными, и всегда стремилась разубѣдить его въ этихъ замыслахъ. Она также открыто высказывала, что не одобряетъ стремленій Александра упростить церемоніалы и блескъ его двора и чрезвычайную простоту его обращенія съ приближенными къ нему лицами, что, по мнѣнію ея, пагубно вліяетъ на окружающихъ и придаетъ неподобающій для двора монарха оттѣнокъ. При этомъ, она всегда проводила параллель между Александромъ и первымъ консуломъ, который, несомнѣнно, хорошо зналъ людей и тѣмъ не менѣе постоянно окружалъ себя пышностью и блескомъ, столь необходимыми для поддержанія престижа верховой власти.

Принцесса Баденская старалась возбудить честолюбіе Александра, указывая на дѣятельность Бонапарта, о славныхъ дѣлахъ котораго уже гремѣла вселенная; она хотѣла бы, чтобы примѣръ этого геніальнаго человѣка вдохновилъ русскаго Императора и чтобы государственная дѣятельность послѣдняго носила такой же отпечатокъ величія, могущества и энергіи, которыя одинаково необходимы для русскаго народа, какъ и для Франціи. Съ своей стороны, считая, что многіе взгляды принцессы, несомнѣнно, правильны, я нерѣдко передавалъ Александру содержаніе нашихъ бесѣдъ, но всегда замѣчалъ, что онѣ не производили на него должнаго впечатлѣнія. Правда, онъ также нерѣдко восхищался геніемъ перваго консула, но, повидимому, не считалъ себя въ силахъ брать съ него примѣръ. При томъ же, это были двѣ совершенно противоположныя натуры, и только значительно позже Александръ, передъ угрозой неминуемой опасности и непомѣрнаго честолюбія Императора французовъ, выказалъ дѣйствительно великія качества, но, всегда оставаясь, такъ сказать, въ оборонительномъ положеніи, что, впрочемъ, не мѣшало ему выйти побѣдителемъ въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ.

Принцесса Баденская съ своимъ супругомъ вскорѣ оставила Петербургъ и направилась въ Стокгольмъ навѣстить свою младшую дочь, королеву шведскую, вышедшую за Густава IV, бывшаго жениха великой княжны Александры Павловны. Во время этого пребыванія въ Швеціи принцесса-мать скончалась послѣ несчастнаго паденія изъ кареты.

Въ теченіе лѣта 1801 года тайный совѣтъ нашъ продолжалъ собираться. Единственною важною мѣрою, явившеюся результатомъ этихъ совѣщаній, передъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію, была отставка и удаленіе Панина. Императоръ давно уже желалъ избавиться отъ этого человѣка, который былъ ему ненавистенъ, подозрителенъ и вообще стѣснялъ его. Въ принципѣ, послѣ удаленія Палена, ближайшая очередь была за Панинымъ, и Императоръ только колебался о способѣ и времени его удаленія. Вопросъ этотъ былъ предметомъ долгаго обсужденія, и, въ концѣ-концовъ, было рѣшено отнять у графа Панина портфель министра иностранныхъ дѣлъ и передать его Кочубею. На этотъ разъ Императоръ сдержалъ слово, тѣмъ болѣе, что выборъ Кочубея вполнѣ сходился съ его взглядами. Рѣшено было, что Па-

нинъ предварительно получитъ разрѣшеніе оставаться въ Петербургѣ, послѣ своей отставки. Высочайшее повелѣніе было объявлено Панину письменно, и Кочубей немедленно вступилъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей къ удовольствію государя и нашего комитета.

За все время пребыванія Панина въ Петербургѣ, онъ находился подъ надзоромъ агентовъ, зорко слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ. Ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ разъ Императоръ получалъ самые подробные доклады о томъ, что дѣлалъ и съ кѣмъ видѣлся въ теченіе дня опальный графъ. Все это доказывало, что Императоръ чрезвычайно стѣснялся пребываніемъ Панина въ столицѣ и подозрѣвалъ его въ тайныхъ переговорахъ. Видя все это, утомленный постояннымъ преслѣдованіемъ, Панинъ, наконецъ, самъ удалился изъ Петербурга. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ прямое повелѣніе, запрещавшее ему въѣздъ въ Петербургъ и пребываніе въ тѣхъ вообще мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться Императоръ. Повелѣніе это осталось неотмѣннымъ, и Панинъ удалился въ свои московскія имѣнія, гдѣ съ тѣхъ поръ жилъ въ совершенномъ уединеніи.

Такимъ образомъ, трое изъ членовъ нашего комитета получили назначенія, давшія имъ возможность принимать активное участіе въ дѣлахъ внутренняго управленія и внѣшней политики. Что касается меня, который никогда не стремился къ занятію какой-нибудь офиціальной должности, то я попрежнему оставался членомъ тайнаго совѣта, внѣ всякихъ должностей. Положеніе это тѣмъ не менѣе всегда меня тяготило, и я болѣе чѣмъ когда-либо стремился какъ можно скорѣе снова очутиться на родинѣ и увидать своихъ родныхъ. Единственное, что меня удерживало здѣсь, это была моя личная привязанность къ Императору и желаніе принести пользу моей родинѣ. Но надежда эта постепенно уничтожалась, и я рѣшилъ окончательно покинуть Петербургъ. Александръ изрѣдка попрежнему говорилъ со мною о Польшѣ и судьбѣ ея народа, но разговоры эти уже не носили прежняго характера. Изрѣдка онъ утѣшалъ меня, но въ большинствѣ случаевъ сохранялъ молчаніе по вопросу, нѣкогда служившему основаніемъ нашей дружбы, а теперь видимо все болѣе и болѣе его стѣснявшему. Избѣгая серьезныхъ бесѣдъ по этому вопросу, Александръ тѣмъ не менѣе желалъ убѣдить меня, что

чувства его и намѣренія остались неизмѣнными. Но что могъ онъ сдѣлать въ его положеніи? Могъ ли я самъ, разсуждая благоразумно, ожидать отъ него какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ царствованія Александра, я имѣлъ счастіе оказать услуги многимъ моимъ соотечественникамъ, сосланнымъ въ Сибирь при Екатеринѣ и при Павлѣ, и почти позабытымъ въ ссылкѣ. Многіе изъ нихъ получили при Александрѣ свободу и были возвращены семьямъ. Судебные процессы ихъ были прекращены, конфискованныя имущества были имъ возвращены; польскіе эмигранты, служившіе во Франціи и иностранныхъ легіонахъ, получили разрѣшеніе вернуться на родину. Мало того, Александръ принялъ мѣры къ облегченію участи многихъ поляковъ, заключенныхъ въ крѣпости Шпильбергъ и въ другихъ австрійскихъ тюрьмахъ. Аббатъ Коллонтай, одинъ изъ главныхъ польскихъ революціонеровъ, получилъ свободу и вернулся на родину въ одну изъ провинцій русской Польши. Огинскій и многіе другіе поляки также вернулись на родину и получили обратно свои обширныя владѣнія. Словомъ, время преслѣдованій и политическихъ процессовъ миновало, и снова наступила эпоха тишины, спокойствія и мира.

Императоръ пожелалъ также улучшить административное и судебное устройство въ польскихъ губерніяхъ и, съ этою цѣлью, предоставилъ много должностей наиболѣе выдающимся по своимъ способностямъ полякамъ. Благодаря этому большинство процессовъ были закончены быстро и справедливо, какъ на мѣстахъ, такъ и въ Петербургѣ въ III департаментѣ Сената, въ которомъ сосредоточены были дѣла по судебному и административному управленію польскихъ провинцій. Въ число сенаторовъ этого департамента назначены были нѣкоторые поляки. Всѣ эти прекрасныя и благородныя мѣропріятія Императора заслуживали полную признательность поляковъ, но не могли, къ сожалѣнію, возвратить Польшѣ уничтоженную и утраченную національность, и, конечно, были далеки отъ тѣхъ плановъ и проектовъ, которые нѣкогда составляли предметъ нашихъ юношескихъ бесѣдъ и мечтаній.

Обо всемъ этомъ я съ полною откровенностью продолжалъ бесѣдовать съ Императоромъ, отъ котораго я попрежнему ничего

не скрывалъ и полнымъ довѣріемъ котораго я попрежнему продолжалъ пользоваться. И дѣйствительно, я убѣдился, что со мною онъ попрежнему чувствовалъ себя болѣе свободнымъ и довѣрялъ мнѣ болѣе другихъ. Съ своей стороны я лучше другихъ понималъ его мысли и имѣлъ возможность болѣе откровенно высказывать ему правдивые взгляды на людей, на вещи и на него самого.

Путешествіе двора въ Москву на коронацію прекратило навремя наши совѣщанія. Весь придворный штатъ, министры и петербургская знать отправились въ Москву. Воспоминанія объ этомъ времени произвели на меня, какъ это ни странно, тяжелое впечатлѣніе. Всѣ эти празднества, пріемы, балы и увеселенія произвели на меня впечатлѣніе пустоты, скуки и нѣкоторой грусти; все было такъ натянуто, строго распредѣлено по этикету, напыщенно, что невольно приходишь къ сознанію пустоты и тщетности, и суеты дѣлъ человѣческихъ. Естественная веселость здѣсь очевидно отсутствуетъ именно потому, что все указано заранѣе и дѣлается по обязанности. Подобныхъ торжествъ и пышныхъ празднествъ въ Россіи чрезвычайно много, и мнѣ пришлось ихъ видѣть столько, что вспоминаніе о нихъ для меня чрезвычайно тягостно, и я съ особенной радостью всегда старался избѣгать ихъ, когда это возможно.

Молодая и прекрасная чета, которая шла на коронованіе, не имѣла счастливаго вида, не могла внушать радости и распространять среди окружающихъ тѣхъ чувствъ, которыхъ Александръ и его супруга, повидимому, сами не испытывали. Александръ не владѣлъ искусствомъ властвовать и увлекать умы; качества эти, столь необходимыя для монарха, у него отсутствовали, въ особенности въ первые годы его царствованія. При томъ же коронаціонныя торжества были для него источникомъ усиленной грусти: трагическія событія послѣднихъ лѣтъ вызывали въ немъ тяжелыя воспоминанія, и никогда, быть можетъ, угрызенія совѣсти не мучили его болѣе, чѣмъ теперь, при мысли о невольномъ соучастіи въ кончинѣ отца. Цѣлыми часами оставался онъ въ глубокомъ размышленіи, и въ такомъ мрачномъ душевномъ настроеніи, что приближенные боялись за его разсудокъ. Пользуясь, какъ я уже говорилъ, его довѣріемъ, я въ эти часы входилъ въ его кабинетъ и всѣми мѣрами старался смягчить это

мрачное настроеніе и разными доводами примирить его съ самимъ собою. Хотя я не всегда достигалъ полнаго успѣха, но слова мои, несомнѣнно, возвращали ему самообладаніе, и наружно, въ присутствіи постороннихъ, онъ уже держалъ себя вполнѣ спокойно, несмотря на происходившую въ немъ внутреннюю тяжелую борьбу. Вотъ почему воспоминаніе объ этихъ дняхъ оставило на мнѣ самое грустное впечатлѣніе на всю мою жизнь, и я, до сихъ поръ, безъ сердечной боли не могу говорить объ этомъ времени.

Зимою дворъ вернулся въ Петербургъ, и жизнь вошла въ обычный порядокъ. Послѣобѣденныя совѣщанія у государя продолжались и въ скоромъ времени утеряли свое значеніе, къ тому же они были прерваны новой поѣздкой государя, которую онъ предпринялъ весною 1802 года съ дипломатической цѣлью.

Кочубей руководилъ русскою дипломатіей, при чемъ самъ государь сталъ уже спеціально заниматься внѣшней политикой. Система, которую принялъ Кочубей и которая сходилась съ взглядами самого государя, заключалась въ томъ, чтобы держаться во внѣшней политикѣ по возможности въ сторонѣ отъ европейскихъ дѣлъ, не вмѣшиваясь въ дѣла другихъ державъ, дабы тѣмъ самымъ имѣть возможность посвятить болѣе времени внутреннимъ реформамъ и улучшеніямъ. По мнѣнію Кочубея, Россія была достаточно велика и могущественна, благодаря своему пространству, населенію и географическому положенію, чтобы не бояться своихъ сосѣдей при условіи невмѣшательства въ ихъ дѣла. Она, къ сожалѣнію, слишкомъ часто нарушала этотъ принципъ, вмѣшиваясь постоянно въ дѣла другихъ державъ, почему и вовлекалась въ многочисленныя и дорого стоившія ей, но нерѣдко безполезныя для нея войны. Русскій Императоръ можетъ между тѣмъ оставаться въ мирѣ со всѣмъ свѣтомъ и всецѣло предаться благодѣтельнымъ для страны внутреннимъ реформамъ, не опасаясь, чтобы кто-нибудь воспрепятствовалъ ему въ этихъ благородныхъ и полезныхъ стремленіяхъ. Россія прежде всего нуждается во внутреннемъ порядкѣ, въ утвержденіи правосудія, въ финансовыхъ реформахъ, въ развитіи ея торговли, промышленности и земледѣлія. Какое дѣло Россіи до европейскихъ войнъ, въ которыя ее такъ часто вовлекали и ради которыхъ она жертвовала столько людей и денегъ? Истинныя пользы государства

требовали мирной и мудрой администраціи, а отнюдь не вмѣшательства въ дѣла чуждыхъ ей народовъ.

Таковы были взгляды Кочубея, которымъ въ эту эпоху вполнѣ сочувствовалъ Императоръ, все еще мечтавшій о всеобщемъ мирѣ и о проведеніи въ жизнь своихъ завѣтныхъ реформъ для Россіи. Система эта въ общихъ чертахъ была та, которой въ настоящее время держится Франція, при Людовикѣ-Филиппѣ не имѣющая, однако, того выгоднаго географическаго положенія, которымъ пользуется Россія и которую усиленно проповѣдуютъ англійскіе радикалы. Система эта, имѣющая несомнѣнно свои хорошія стороны, можетъ тѣмъ не менѣе пагубно вліять на дѣла государства, которое слѣдуетъ ей слѣпо, сдѣлавъ его послушнымъ орудіемъ въ рукахъ болѣе дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ державъ. Она также требуетъ высокаго дипломатическаго такта и, такъ сказать, пассивной твердости въ политикѣ чуждой полумѣръ, которыхъ такъ трудно избѣжать при современномъ положеніи европейскихъ сношеній. Недостатки ея дали себя вскорѣ почувствовать.

Монархи Россіи и Пруссіи выразили взаимное желаніе встрѣтиться. Король прусскій видѣлъ въ этомъ свиданіи удобный способъ покончить съ выгодою дѣло о секуляризаціи духовныхъ владѣній, которое велось подъ вліяніемъ Франціи. Александръ просто хотѣлъ лично сойтись съ своимъ сосѣдомъ и родственникомъ. Къ этому же еще съ гатчинскихъ временъ онъ сохранилъ, какъ бы по наслѣдству отъ отца, склонность къ Пруссіи, ея королю и особенно ея арміи, о которой онъ былъ очень высокаго мнѣнія. Прусскій военный уставъ, прусская выправка, парады и смотры интересовали Александра, какъ гатчинца, не менѣе, чѣмъ его брата Константина. Не менѣе привлекалъ молодого Императора и образъ красавицы-королевы Луизы и весь ея дворъ, вслѣдствіе чего мысль о поѣздкѣ въ Берлинъ была ему очень по душѣ. Во время этого путешествія Александра сопровождали министръ иностранныхъ дѣлъ Кочубей, Новосильцевъ, въ качествѣ статсъ-секретаря, флигель-адъютанты и лица свиты и оберъ-гофмаршалъ гр. Толстой, который завѣдывалъ его дворомъ еще въ бытность его великимъ княземъ и который неотлучно находился при немъ. Это былъ человѣкъ усердный, искренне преданный государю, но недалекаго ума и мало обра-

зованный; Императоръ, хотя и довѣрявшій его преданности, нерѣдко подымалъ его на смѣхъ.

Александръ и прусскій король встрѣтились въ Мемелѣ, небольшомъ городкѣ восточной Пруссіи, ставшимъ впослѣдствіи мѣстомъ новаго свиданія тѣхъ же монарховъ, но уже при значительно измѣнившихся обстоятельствахъ. Начались парады, смотры, празднества и балы въ честь высокаго гостя. Къ этому времени положено было основаніе той тѣсной дружбѣ между русскимъ государемъ и королемъ Пруссіи, благодаря которому послѣдній имѣлъ возможность сохранить цѣлость своей монархіи. Король Фридрихъ немедленно воспользовался этимъ свиданіемъ и дружбой съ Александромъ, чтобы заручиться поддержкой Россіи въ дѣлѣ раздачи бывшихъ духовныхъ владѣній свѣтскимъ государямъ Германіи, въ цѣляхъ увеличенія прусскихъ владѣній на счетъ Германіи.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Кочубей, бывшій противъ этой поѣздки, все время старался убѣдить Александра въ ея нежелательности для Россіи. Участіе въ вопросѣ о вознагражденіяхъ въ Германіи совершенно нарушало принятую имъ систему невмѣшательства и явно противорѣчило русскимъ интересамъ, тѣмъ болѣе, что главную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ первый консулъ, который велъ все дѣло самостоятельно. Но всѣ усилія Кочубея не могли убѣдить Александра, который велъ лично всѣ переговоры съ королемъ и уже установилъ главные пункты соглашенія.

Во время этого перваго свиданія въ Мемелѣ началось то платоническое ухаживаніе Императора за прусской королевой, которое особенно нравилось Александру и которому онъ охотно посвящалъ свои досуги. Объ этомъ много говорили писатели, преувеличивая значенія этого чисто свѣтскаго увлеченія, тѣмъ болѣе, что мнѣ хорошо извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ добродѣтель дамъ, пользовавшихся благоволеніемъ Александра, весьма рѣдко находилась въ опасности. Королева почти всегда находилась въ обществѣ своей сестры, принцессы Сальмской (нынѣ герцогини Кумберлэндской), повѣренной ея тайныхъ мыслей и руководительницы ея дѣйствій. Во время одного изъ посѣщеній Берлинскаго двора, Александръ, въ то время увлекавшійся другою женщиною, сообщилъ мнѣ откровенно, что его

очень обезпокоило расположеніе комнатъ, сообщавшихся съ его спальней, которую онъ, во избѣжаніе недоразумѣній, рѣшилъ запереть на ключь изнутри. Онъ даже высказалъ это двумъ дамамъ Берлинскаго двора, съ откровенностью и рѣшительностью, почти несвойственными его обычному изысканно-вѣжливому обращенію съ женщинами.

По возвращеніи изъ Мемеля трактатъ о раздѣлѣ духовныхъ нѣмецкихъ владѣній былъ опубликованъ. Это было настоящее хищеніе, которымъ больше другихъ воспользовалась Пруссія. Всѣ церковныя земли, распредѣленныя между свѣтскими государями Германіи, раздавались фактически въ Парижѣ, съ утвержденія перваго консула и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Талейрана, учредившаго здѣсь родъ аукціона, на которомъ право оцѣнивалось звонкими аргументами и политическими разсчетами. Германія была перекроена въ интересахъ Пруссіи, пользовавшейся покровительствомъ Бонапарта и тѣхъ владѣтелей, которые заручились поддержкой въ Парижѣ. Престижъ и вліяніе Франціи сильно поднялись. Россія же потеряла его, играя второстепенную роль и принимая участіе въ соглашеніи, далеко не основанномъ на принципахъ права и справедливости. Кочубей былъ сильно огорченъ и смущенъ, слушая въ салонахъ нападки на внѣшнюю политику и упреки по адресу дипломатіи, низведшей Россію до столь ничтожнаго положенія. Франція гордилась своими успѣхами и вліяніемъ, а берлинскіе министры потирали руки. Все это значительно уронило Александра въ мнѣніи высшихъ классовъ и общества. Чтобы позолотить пилюлю, первый консулъ предоставилъ нѣкоторыя преимущества Вюртенбергскому и Баденскому дворамъ, родственнымъ съ Россіей. Впрочемъ, эти послѣдніе хорошо сознавали, что обязаны этимъ исключительно Франціи, оказавшей какъ бы милость Россіи. Что касается герцога ольденбургскаго, зятя Императрицы Маріи Ѳеодоровны, то послѣдній тщетно жаловался на неправильное распредѣленіе и ничего не достигъ, такъ какъ Наполеонъ имѣлъ причины быть недовольнымъ его рѣзкими выходками по адресу Франціи.

ГЛАВА IX.

Дѣятельность тайнаго совѣта.—Графъ Строгановъ-отецъ.— Братья Воронцовы.—Сенатъ и коллегіи.

По возвращеніи государя изъ Пруссіи совѣщанія наши снова продолжались, и тайный совѣтъ получилъ особое значеніе, благодаря участію въ дѣлахъ государственныхъ трехъ нашихъ членовъ, особенно же Кочубея и Новосильцева. Пріемная послѣдняго стала наполняться людьми новаго образа мыслей, желавшими получить служебныя назначенія. Множество дѣлъ проходило черезъ его руки, и государь нашелъ въ немъ человѣка, сумѣвшаго придать національный характеръ западно-европейскимъ идеямъ, проводимымъ въ русскую жизнь.

Партія «молодыхъ людей» пользовалась также поддержкой нѣкоторыхъ старыхъ сановниковъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ графъ Строгановъ, отецъ графа Павла. Старый графъ провелъ большую часть жизни въ Парижѣ, въ эпоху Людовика XV, посѣщалъ извѣстные парижскіе салоны, въ которыхъ представители высшей французской аристократіи встрѣчались со знаменитыми писателями того времени; былъ знакомъ съ Гримомъ, Гольбахомъ, Д'Аланберомъ и другими энциклопедистами. Самъ графъ являлъ собою странный типъ, въ которомъ удивительнымъ образомъ сочетались: энциклопедистъ XVIII вѣка со старымъ русскимъ бояриномъ. Онъ соединялъ остроуміе француза съ нравомъ и привычками чисто русскаго человѣка; имѣлъ большое состояніе и множество долговъ; владѣлъ обширнымъ, прекрасно обставленнымъ домомъ и весьма цѣнной картинной галлереей, описаніе которой самъ составилъ; множество слугъ, среди которыхъ были и иностранцы, наполняло его домъ; всѣ они усердно обкрадывали графа, который самъ надъ этимъ смѣялся. Роскошный столъ его былъ всегда къ услугамъ его многочисленныхъ гостей, собиравшихся въ опредѣленные дни. Въ этомъ отношеніи домъ графа Строганова отличался отъ дома оберъ-шталмейстера *Нарышкина*, у котораго общество было менѣе разнообразно, но въ немъ преобладали ученые и художники.

Несмотря на либеральный образъ мыслей, Строгановъ былъ въ душѣ царедворцемъ, для котораго положеніе и милостивый

пріемъ при дворѣ представляли насущную потребность. Холодный пріемъ или малѣйшее неудовольствіе монарха дѣлали его несчастнымъ, измѣняли настроеніе духа, отнимали покой. Онъ пользовался неизмѣннымъ благоволеніемъ Императрицы Екатерины, Павла I, вдовствующей государыни Маріи Өеодоровны и особенно Императора Александра. Послѣдній былъ искренно расположенъ къ его сыну,—чрезвычайно любилъ общество молодой графини, которая имѣла на него вліяніе, благодаря прекраснымъ качествамъ своего характера. Государь также любилъ общество стараго графа, который собиралъ у себя лицъ, наиболѣе ему симпатичныхъ по ихъ образу мыслей и склонности къ новымъ, либеральнымъ идеямъ, которыми все еще увлекался Александръ.

Не менѣе важную поддержку имѣла молодая партія въ лицѣ графа *Александра Воронцова*, который пользовался репутаціей выдающагося государственнаго дѣятеля. Воронцовъ и графъ Завадовскій считались друзьями *Безбородки*, котораго они постоянно навѣщали вдвоемъ и вели съ нимъ продолжительныя политическія бесѣды. Злые языки говорили, что послѣ ихъ ухода Безбородко приказывалъ отворять настежь окна и двери и, тяжело дыша и отдуваясь, быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ, приговаривая въ полголаса: «Слава Богу! Наконецъ-то ушли мои наставники». Дѣло въ томъ, что Воронцовъ и Завадовскій нерѣдко упрекали Безбородку въ безпечности, благодаря которой онъ пренебрегалъ дѣлами въ то время, какъ его вмѣшательство въ нѣкоторые вопросы могло, по ихъ мнѣнію, принести несомнѣнную пользу дѣлу. Тѣмъ не менѣе тотъ и другой являлись весьма цѣнными союзниками для нашей партіи.

Мнѣ не извѣстны причины, заставившія графа *Александра Воронцова* удалиться отъ дѣлъ въ царствованіе Екатерины. При Павлѣ I онъ благоразумно держался въ сторонѣ, несмотря на то, что Императоръ былъ расположенъ къ семьѣ Воронцовыхъ, въ виду весьма благосклоннаго отношенія покойнаго отца его Петра III къ одной изъ сестеръ графа. Только со вступленіемъ на престолъ Императора Александра графъ снова появился въ Петербургѣ, окруженный ореоломъ блестящаго вѣка Екатерины и съ репутаціей опытнаго государственнаго дѣятеля. Къ партіи старыхъ министровъ, большинство которыхъ, по знанію дѣла, стояло значительно ниже его, онъ не примкнулъ, предпочитая играть

более видную роль посредника между государемъ, стремившимся проводить свои новыя идеи, и представителями старой правительственной рутины. Онъ быстро сошелся съ партіей «молодыхъ людей».

Братъ его, графъ *Семенъ Воронцовъ* прибылъ въ Петербургъ также послѣ долгаго отсутствія. Это былъ человѣкъ твердыхъ убѣжденій, прямой, слѣпо преданный однажды усвоенной идеѣ— натура цѣльная, устойчивая. Во время переворота, предшествовавшаго вступленію на престолъ Екатерины, онъ открыто заявилъ себя сторонникомъ злополучнаго Петра III, что не помѣшало однако Императрицѣ назначить его вскорѣ посломъ въ Лондонъ. Эта же преданность графа *Семена Воронцова Петру III побудила Павла I* вызвать его изъ Лондона въ Петербургъ, и предложить ему на выборъ нѣсколько высшихъ должностей въ Имперіи, отъ которыхъ онъ, однако, отказался и просилъ оставить его въ Лондонѣ. Въ Англіи, благодаря своему благородному, положительному и открытому характеру, графъ Семенъ Романовичъ пріобрѣлъ много друзей. Онъ, что называется, сроднился съ Англіей, полюбилъ ее такою, какою она была въ тѣ времена, полюбилъ сильнѣе, чѣмъ любой завзятый торій, преклоненіе его передъ Питтомъ доходило до такой степени, что все, походившее не только на критику, но на малѣйшее осужденіе или сомнѣніе въ политическихъ пріемахъ этого министра, считалось имъ за безсмыслицу или за непростительное заблужденіе ума и сердца. Рядомъ съ этимъ чувствомъ въ его сердцѣ жила давнишняя и горячая любовь къ старшему брату, котораго онъ считалъ самымъ выдающимся и честнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи. Къ каждому слову брата онъ прислушивался, какъ къ заповѣди, къ каждому рѣшенію, какъ къ рѣчи оракула. Его покорность, уваженіе и преданность брату были поистинѣ трогательны, такъ какъ исходили отъ сердца и были вполнѣ безкорыстны. Дружба братьевъ была такъ прочна, что они не раздѣлили даже своего наслѣдства; графъ Александръ, управлявшій ихъ общимъ состояніемъ, высылалъ брату все, что ему слѣдовало безъ малѣйшаго спора, и никому въ голову не приходило, чтобы отсутствующій братъ могъ быть имъ обиженъ.

Новосильцевъ часто посѣщалъ, въ бытность свою въ Англіи, въ царствованіе Императора Павла, домъ графа Семена Ворон-

цова, къ которому его направилъ старикъ Строгановъ; онъ сумѣлъ пріобрѣсти дружбу графа и сдѣлался своимъ, близкимъ человѣкомъ въ домѣ. Онъ служилъ какъ бы звеномъ, соединявшимъ графа Александра съ окружавшей его молодежью. Новосильцевъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ стараго графа Воронцова и бесѣдовалъ съ нимъ всегда совершенно откровенно. Возвращеніе графа Семена сблизило ихъ еще болѣе. Графъ Семенъ Воронцовъ, со своими убѣжденіями торія, долженъ былъ казаться въ Россіи крайнимъ либераломъ, что, несомнѣнно, не осталось безъ вліянія на его брата, въ смыслѣ поворота его къ идеямъ, назрѣвавшимъ въ головѣ Императора Александра, тѣмъ болѣе, что графъ Александръ самъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ либеральныхъ стремленій. Въ немъ еще оставались слѣды тѣхъ воззрѣній старинной русской аристократіи, которыя особенно ярко сказались въ желаніи ограничивать верховную власть при вступленіи на престолъ Императрицы Анны. Онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что во время своей юности, проѣздомъ въ Европу, онъ посѣтилъ Варшаву въ эпоху Августа III и уѣхалъ оттуда большимъ поклонникомъ польской аристократіи, считая ее образцомъ, завиднымъ во всѣхъ отношеніяхъ для Россіи. Русскій аристократизмъ одного изъ братьевъ Воронцовыхъ и торизмъ другого нашли себѣ примѣненіе въ предполагаемыхъ реформахъ Сената. Это высшее государственное учрежденіе являлось въ глазахъ ихъ всеобщей панацеей и главнымъ источникомъ всѣхъ правительственныхъ реформъ.

Государь по прежнему посѣщалъ наши тайныя совѣщанія, обсуждалъ различные проекты, но попрежнему держался выжидательной системы и не торопился проводить ихъ въ жизнь. Оба Воронцовы, недовольные такимъ положеніемъ дѣла, рѣшили прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ чтобы вывести, наконецъ, государя изъ его нерѣшительности.

Каменноостровскій дворецъ, въ которомъ въ то время жилъ Александръ, отдѣлялся отъ дачи Строганова Невой и мостомъ. Государь и Императрица поѣхали однажды на обѣдъ къ графу Строганову, гдѣ находились и братья Воронцовы; послѣ обѣда, вставъ изъ-за стола, государь прошелся по саду и вошелъ въ одинъ изъ павильоновъ, который занималъ Новосильцовъ. Мы всѣ послѣдовали за нимъ, и вскорѣ завязалась бесѣда. Графъ

Семенъ Воронцовъ, по уговору, выступилъ при этомъ случаѣ ораторомъ, въ надеждѣ, что слова его произведутъ особенное впечатлѣніе, какъ человѣка, только-что пріѣхавшаго изъ Англіи и вскорѣ вновь возвращающагося туда, слѣдовательно чуждаго тому, что происходитъ въ Петербургѣ, и вполнѣ безпристрастнаго, имѣющаго болѣе другихъ право откровенно изложить свой образъ мыслей и быть выслушаннымъ. Рѣчь его не была однако столь краснорѣчива и убѣдительна, какъ мы этого ожидали. Государь, обладавшій особенной способностью дѣлать удачныя возраженія, нѣсколько разъ ставилъ втупикъ графа Семена и его брата. Ораторъ старался доказать государю необходимость болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, убѣдить его въ томъ, что новое царствованіе вызвало въ обществѣ надежды на улучшенія, на реформы, которыхъ ждетъ отъ него не только Россія, но и Европа. Но все это были общія фразы, и когда государь обратился съ вопросомъ, въ какой области должны главнымъ образомъ произойти эти реформы и какъ слѣдуетъ къ нимъ приступить, графъ Семенъ и его братъ были увѣрены, что они превозмогли всѣ затрудненія, указавъ на необходимость поднять, прежде всего, утраченное съ теченіемъ времени значеніе и авторитетъ Сената.

Это высшее государственное учрежденіе, облеченное, по мысли законодателя, высшею въ государствѣ властью, заключало въ себѣ, по ихъ мнѣнію, всѣ гарантіи и всѣ необходимыя средства къ проведенію намѣченныхъ реформъ. Каждая фраза графа Семена Воронцова начиналась и заканчивалась Сенатомъ, на который онъ ссылался въ каждомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ. Онъ говорилъ о немъ такъ много, что мы всѣ рѣшили, что въ эту ночь въ ушахъ государя будутъ все время раздаваться голоса, напоминающіе ему о Сенатѣ.

Несомнѣнно, что Сенатъ, со времени учрежденія его Петромъ I, значительно видоизмѣнился, и та роль, которую онъ игралъ въ ближайшія послѣ Петра царствованія, была имъ давно утрачена. Правда, что и теперь, во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ всегда обращались къ Сенату, но это было лишь одно названіе, одинъ звукъ, который попрежнему повторялся обществомъ, искавшимъ въ этомъ учрежденіи той опоры, которой Сенатъ не былъ уже въ силахъ ему дать. Имѣя въ своей средѣ

людей, въ большинствѣ случаевъ непригодныхъ къ службѣ, лишенныхъ энергіи, попавшихъ туда не по заслугамъ, Сенатъ не могъ, въ качествѣ высшаго государственнаго учрежденія, отвѣчать на тѣ запросы, которые предъявляла къ нему та или другая партія, или выступить въ роли ихъ руководителя.

Такое положеніе Сената послужило поводомъ къ выходу перваго манифеста, которымъ Императоръ хотѣлъ возстановить и возвысить авторитетъ и достоинство этого главнѣйшаго изъ государственныхъ учрежденій. Это была, такъ сказать, осторожная подготовка умовъ къ воспринятію задуманныхъ реформъ. Желаніе поднять престижъ Сената было понятно всѣмъ и льстило русскому дворянству, такъ какъ Сенатъ былъ уже для Россіи высшей судебной властью и высшимъ государственнымъ учрежденіемъ. Хотя каждое, какое бы то ни было, слово Императора, какъ слово самодержавнаго государя, имѣло силу закона и требовало безпрекословнаго повиновенія, тѣмъ не менѣе установился порядокъ, чтобы всѣ приказанія, всѣ желанія Императора, въ особенности касающіяся общихъ установленій, гражданскихъ или уголовныхъ законовъ, препровождались въ Сенатъ, который ихъ опубликовывалъ и слѣдилъ за ихъ выполненіемъ.

Различнымъ департаментамъ Сената вмѣнено было въ обязанность быть не только высшей инстанціей гражданскаго и уголовнаго суда, но и карать за нарушенія правительственныхъ распоряженій. Сенатъ имѣлъ право, на основаніи Императорскихъ рескриптовъ, издавать свои собственные указы, разъяснявшіе и дополнявшіе ихъ, смотря по мѣрѣ надобности. Доклады его поступали къ государю на одобреніе. Губернаторы и губернскія финансовыя учрежденія находились въ непосредственномъ вѣдѣніи Сената и обязаны были присылать ему офиціальные доклады для представленія ихъ на благоусмотрѣніе Государя. Поэтому это государственное учрежденіе и носило названіе Правительствующаго Сената. Такое объединеніе въ немъ власти, какъ судебной, такъ и исполнительной, своей сложностью замедляло и тормазило ходъ всего внутренняго управленія и не согласовалось съ новыми идеями; но не было никакой возможности тронуть это устарѣлое учрежденіе, вѣдавшее дѣла всей Имперіи, не подвергая послѣднія еще большей путаницѣ, такъ велика была рутина въ ходѣ русскаго государственнаго механизма. За Сенатомъ

сохранялось его административное значенiе, въ надеждѣ, что уже и наблюдалось, что оно мало-по-малу потеряетъ свою силу. По мысли графа Воронцова, всѣ обязанности, вся власть Сената утверждались за нимъ, кромѣ того ему присвоивалось право дѣлать свои представленiя на указы Императора и одновременно устанавливалось правило, чтобы отчеты, представляемые всѣми министрами государю, отсылались затѣмъ въ Сенатъ, имѣвшiй право высказать по этому поводу свое мнѣнiе.

Многiе льстили себя надеждой, что это первый шагъ къ народному представительству, такъ какъ въ программу реформъ входило прежде всего лишенiе Сената исполнительной власти и оставленiе за нимъ только значенiя высшаго судилища. Затѣмъ предполагалось постепенное видоизмѣненiе Сената въ нѣчто въ родѣ Верхней Палаты, гдѣ со временемъ избранные изъ дворянскаго сословiя депутаты, совмѣстно съ монархомъ, приняли бы участiе въ совѣщанiяхъ, посвященныхъ обсужденiю дѣйствiй министровъ въ дѣлахъ управленiя и разсмотрѣнiя законовъ и общихъ установленiй, какъ дѣйствующихъ, такъ и проектируемыхъ. Ничего подобнаго не случилось, и дѣло приняло, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ другой оборотъ.

За границей не на-шутку вообразили, что Петербургскiй Сенатъ имѣетъ намѣренiе стать вершителемъ судебъ Россiи и, конечно, сильно ошиблись. Это доказываетъ только, что тамъ не знаютъ Россiи и не имѣютъ ни малѣйшаго понятiя о томъ, что въ ней происходитъ.

Согласно существующему канцелярскому порядку, всѣ рѣшенiя и постановленiя Сената излагаются всегда въ такой растянутой и скучной формѣ, какъ нигдѣ въ мiрѣ; каждое дѣло представляетъ изъ себя объемистый томъ, и надо имѣть много храбрости, чтобы рѣшиться, его прочитать. О нѣкоторыхъ сенаторахъ, читающихъ отъ строки до строки все, что они подписываютъ, говорятъ съ удивленiемъ, какъ о примѣрѣ исключительнаго героизма, которому не слѣдуютъ остальные. Большинство пасуетъ передъ грандiозностью такого труда и считаетъ себя въ правѣ подписывать дѣла, не читая ихъ. Можно судить по этому, способно ли государственное учрежденiе, находящееся въ такомъ положенiи, предпринимать и проводить какiя-либо реформы въ Имперiи. Но такъ какъ въ Россiи нѣтъ другого государственнаго

учрежденія, подобнаго ему, поэтому слово Сенатъ у всѣхъ на устахъ и по необходимости повторяется при всякомъ случаѣ.

Появленіемъ указа о Сенатѣ первая стрѣла была пущена— государь началъ задуманное имъ дѣло. Сенатъ былъ поставленъ въ новое положеніе, что принесло бы хорошіе плоды, если бы онъ имѣлъ другой составъ. Заложивъ первый камень для будущаго зданія правильной, законодательной власти и прививъ самодержавной власти зародышъ ограниченія, который могъ бы иногда служить регуляторомъ ея часто необузданнаго всемогущества, Императоръ долженъ былъ заняться благоустройствомъ внутренняго управленія чтобы придать ходу его болѣе правильности, методичности и ясности. Управленію страны не доставало именно этихъ качествъ: порядокъ отсутствовалъ, механизмъ шелъ толчками, вся администрація представляла собою полнѣйшій хаосъ, гдѣ ничто не было упорядочено и ясно опредѣлено.

Въ сущности, Россія знала только Правительствующій Сенатъ и коллегіи: военную, морскую и инстранныхъ дѣлъ, которыя занимали слѣдующую послѣ Сената ступень на правительственной іерархической лѣстницѣ. Можно было со стороны подумать, что Россія управляется совѣщательными учрежденіями, а между тѣмъ ничего подобнаго не было. Каждая коллегія черезъ одного изъ своихъ членовъ, обыкновенно черезъ предсѣдателя, входила въ сношенія съ государемъ; онъ представлялъ Императору доклады коллегіи, объявлялъ ей о монаршемъ рѣшеніи. Въ Сенатѣ такого представителя, въ настоящемъ смыслѣ слова, не было, и главный прокуроръ, наблюдавшій и рѣшавшій все, что тамъ происходило, представлялъ, такъ сказать, своей особой министерства: внутреннихъ дѣлъ, полиціи, финансовъ и юстиціи. Кромѣ этого, государи учреждали иногда отдѣльныя вѣдомства и приказывали доклады, напр., коммерческаго суда, дѣлать черезъ спеціальное лицо, предсѣдательствовавшее въ этомъ судѣ. Императрица Екатерина также часто исключала изъ вѣдѣнія Сената управленіе покоренными провинціями и предоставляла его на время кому-либо изъ наиболѣе приближенныхъ къ ней лицъ, какъ напр., Потемкину, Зубову, которые правили ими непосредственно, совѣтуясь только съ Императрицею.

Кромѣ того, государи имѣли при себѣ государственныхъ секретарей, черезъ которыхъ множество дѣлъ поступало непо-

средственно къ монархамъ и рѣшенія ихъ посылались въ Сенатъ уже въ формѣ указовъ—для приведенія ихъ въ исполненіе. Нерѣдко доклады сената и коллегіи, представленные монарху министрами или чиновниками, уполномоченными на это, вмѣсто немедленнаго утвержденія ихъ, откладывались въ сторону и затѣмъ, послѣ ознакомленія съ ихъ содержаніемъ одного изъ секретарей, представленное постановленіе отмѣнялось, или измѣнялось, или же заканчивалось рѣшеніемъ, совершенно противоположнымъ представленному. Ясно, насколько такой способъ правленія благопріятствовалъ самому полному произволу и какъ онъ поощралъ всевозможныя выдумки, которыми защищалось самодержавіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

ЧАСТЬ II.

№ 8. 1 р. 25 к.

Редакція: Москва, Долгоруковская, 85, 29. Телефонъ № 104-31.

Главная контора и складъ изданій: Москва, Лѣсная ул., д. Фишера, кв. № 3. Телефонъ № 245-30.

Тип.-Лит. Русск. Тов. Печатн.-Изд. дѣла, Москва.

